

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОГДАЛЬСКИ П.,
кандидат юридических наук,
Высшая школа полиции
в г. Щитно

BOGDALSKI P.,
Candidate of Legal Sciences,
Police Academy in Szczytno
(Poland)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э.,
кандидат юридических наук, профессор,
Институт управления
Университета правоохранительной
службы Монголии

BOKHCHULUUNY B.-E.,
Candidate of Legal Sciences, professor,
University of law enforcement service
of Mongolia
(Mongolia)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
Омская академия МВД России

GERASIMENKO YU.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured lawyer of the Russian Federation,
Omsk Academy of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ГУСАК В.А.,
доктор юридических наук,
Управление организации
оперативно-розыскной деятельности
Главного управления
уголовного розыска МВД России

GUSAK V.A.,
Doctor of Legal Sciences,
Main Department of Criminal Investigation
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ГУЧОК А.Е.,
кандидат юридических наук, доцент,
Научно-практический центр проблем
укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

GUCHOK A.E.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Scientific and Practical Center for Strengthening
the rule of law to the General Prosecutor
of the Republic of Belarus
(Belarus)

ЗИГМУНТ О.А.,
PhD,
Гамбургский университет

SIEGMUNT O.A.,
PhD, Hamburg University
(Federal Republic Germany)

КЛЕАНДРОВ М.И.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
член-корреспондент
Российской академии наук,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Конституционный Суд
Российской Федерации

KLEANDROV M.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, honoured lawyer of the Russian
Federation, honoured worker of science
of the Russian Federation,
Constitutional Court of the Russian Federation

КОЗАЧЕНКО И.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Уральская государственная
юридическая академия

KOZACHENKO I.YA.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Ural State Law Academy

КОРЖ В.П.,
доктор юридических наук, профессор,
Харьковский национальный
университет внутренних дел Украины

KORZH V.P.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Kharkiv National University
of Internal Affairs
(Ukraine)

ЛАКЛЕМАНС П.,
PhD, профессор,
Научно-исследовательский центр
Национальной школы полиции

LACLEMENCE P.,
PhD, professor,
Research Center of the National School Police
(France)

ЛАВРОВ В.П.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Академия управления МВД России

LAVROV V.P.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Republic of Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Republic of Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Институт международных исследований
Карлова университета

POJMAN P.,
PhD,
Charles University
(Czech Republic)

ПФАЙФФЕР Х.,
Криминологический исследовательский центр
Управления криминальной полиции
Нижней Саксонии
Федеративной Республики Германия

PFEIFFER H.,
Criminological research center
of the criminal police agency of Lower Saxony
(Federal Republic Germany)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий;
в Российский индекс научного цитирования.**

**Included in the list of the Russian
reviewed scientific journals;
in the Russian Science Citation Index.**

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.tipkmvd.ru/naukatui.htm>; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова, Ю.А. Кузнецова, А.А. Пантелеев.
Подписано в печать 18.06.2014. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 22,5. Уч.-изд. л. 20,3
Тираж 1000 экз. Заказ N 56. Цена свободная.
© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Section 1. Methodology of law enforcement activities

АРУТЮНОВА М.Г. Правоохранительные
функции государства и права в условиях
политических кризисов 7

ARUTJUNOVA M.G. Law enforcement
functions of state and law
in conditions of political crises

БОРОВСКИХ Р.Н. О направлениях
усиления прикладных характеристик
криминалистических исследований 12

BOROVSKIKH R.N. On the directions
of enhancing application characteristics
of criminalistic researches

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

Section 2. Human rights protection

КАДОМЦЕВА А.Е. Рациональное
природопользование как способ
обеспечения и реализации прав человека
и гражданина 17

KADOMTSEVA A.E. The rational
environmental management
as the way of human rights
guarantee

ГУК В.А. Представительство в гражданском
процессе: правозащитная функция
и актуальные вопросы
совершенствования законодательства 22

GUK V.A. Representation in civil
procedure: advocacy function
and actual issues of the legislation's
improvement

Раздел 3. Уголовный закон

Section 3. Criminal Law

ЦЫГАНКОВ С.Л. Неотвратимость наказания
и судебная практика применения норм,
предусматривающих ответственность
за преступления в сфере банкротства 29

TSYGANKOV S.L. Unavoidability
of punishment and judicial practice
of applying rules providing liability
for bankruptcy crimes

КАНУННИКОВА Н.Г. Современные
уголовно-правовые средства борьбы
с преступлениями экстремистской
направленности 37

KANUNNIKOVA N.G. Modern criminal
law means for combating extremist
crimes

БАБУРИН В.В., ЧЕРЕМНОВА Н.А. Значение
положений постановления Пленума
Верховного Суда Российской Федерации
от 27 сентября 2012 года N 19 для действий
сотрудников органов внутренних дел
в состоянии необходимой обороны 42

BABURIN V.V., CHEREMNOVA N.A.
The effect of provisions of the Russian
Federation Supreme Court's plenary
session resolution of september,
27, 2012 N 19 for law enforcement
officers' actions in self-defense

Раздел 4. Криминологическая наука

Section 4. Criminology

ШИХАНОВ В.Н. Участие в совершении
преступления с лицами, не подлежащими
уголовной ответственности: подходы
к правовой оценке в современной
судебной практике 52

SHIKHANOV V.N. Participation
in crime with persons being not liable
to criminal responsibility: approaches
to legal treatment
in modern jurisprudence

АНИСИН А.Л. Криминологическая
значимость религиозного фактора 63

ANISIN A.L. Criminological significance
of religious factor

ГРИШКО Л.Е. Выявление налоговых преступлений: закон и практика в «кривом зеркале» статистики	71	GRISHKO L.E. Revelation of tax crimes: law and practice in the «distorting mirror» of statistics
Раздел 5. Пенитенциарная система		Section 5. Penal system
ЛЕГОСТАЕВ С.В. Пенитенциарная преступность: состояние, основные тенденции и проблемы предупреждения	77	LEGOSTAEV S.V. Prison crime: current state, major tendencies and prevention problems
КРЫМОВ А.А. Правовое положение представителя исправительного учреждения в судебном заседании при разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении	84	KRYMOV A.A. The legal status of the correctional facility's representative in the judicial sitting while resolving the issue of parole
Раздел 6. Правоохранительная политика		Section 6. Law enforcement policy
БОСТАНОВ Р.А. Правовая политика легализации результатов оперативно-розыскной деятельности: новые моменты	88	BOSTANOV R.A. New legal policies of detective activity results' legalization
Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение		Section 7. Criminal procedural review
СУПРУН С.В. Поручение органу дознания МВД России производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела	96	SUPRUN S.V. Inquiry bodies of the Russian interior ministry commissioned to legal proceeding and crime detection activity prior to the initiation of criminal case
КОРНАКОВА С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания	103	KORNAKOVA S.V. The logic of criminal procedure proving
Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики		Section 8. Improving law enforcement practice
СЕМЕНЮК Р.А. Эффективность профилактической работы участковых уполномоченных полиции с лицами, употребляющими наркотические средства	110	SEMENYUK R.A. Effectiveness of drug preventive activity conducted by district police officers
КУПИРОВА Ч.Ш. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения	117	KUPIROVA Ch.Sh. Retail sale of alcoholic beverages to minors: law and problems of its application
РЯБЦЕВ А.В., ГУНИЧ С.В. Формы и методы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности	124	RYABTSEV A.V., GUNICH S.V. Forms and methods of the internal affairs bodies' activities in the system of ensuring national security of the Russian Federation
Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности		Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities
КОСТИНА Л.Н. Направления использования психологических знаний в расследовании групповых преступлений, совершаемых в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических веществ	132	KOSTINA L.N. Ways of using psychological knowledge in the investigation of group crimes, committed in the sphere of illegal manufacture and sale of narcotics

ЛАТЫШОВ И.В. Подготовка материалов для производства диагностических экспертиз оружия, патронов и следов их действия

144 LATYSHOV I.V. Preparing of materials for the diagnostic expertise of firearms, cartridges and tool mark evidences

БЕЛОУСОВ А.В., СМАХТИН Е.В. Раскрытие краж, совершаемых на железнодорожном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем

153 BELOUSOV A.V., SMAKHTIN E.V. Detection of pickpocketing and hand luggage thefts on the rail transport

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

Section 10. Comparative studies and foreign experience

КРЮКОВ К.Г. Коррупция в полиции и международный наркотрафик в Республике Либерия

161 KRYUKOV K.G. Police corruption and international drug trafficking in the Republic of Liberia

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

РУСИНОВ Р.К. Реализация компетентностной парадигмы профессионального образования сотрудников правоохранительных органов

170 RUSINOV R.K. Realization of competence paradigm of law enforcement officers' vocational education

ИОГОЛЕВИЧ В.А., АСТАФЬЕВ Н.В., ЕВГРАФОВ В.Л. Разработка и использование автоматизированной информационной системы оценки и анализа профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел

177 IOGOLEVICH V.A., ASTAFYEV N.V., EVGRAFOV V.L. Development and application of automated information data systems of evaluation and analysis of law enforcement officers' professional service and physical skills

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

СМИРНОВ И.О. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности лиц, входящих в состав незаконного вооруженного формирования

181 SMIRNOV I.O. Special grounds for the exemption from criminal liability of members of an illegal armed group

ИВАНОВ А.С. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса как преступление коррупционной направленности

188 IVANOV A.S. Unlawful influence on the results of official sporting events or entertainment commercial contest as a corruption crime

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

АРУТЮНОВА М.Г., r.a777@rambler.ru	ARUTJUNOVA M.G., r.a777@rambler.ru
Кафедра теории и истории государства и права;	Chair of theory and history of state and law;
Филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, 357500, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56	The Branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk, Sorok let Oktyabrya Ave. 56, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Реферат. Необходимость переоценки роли правоохранительных функций государства и права продиктована временем и обстановкой. В последнее время участились случаи искусственно разжигаемых извне политических кризисов в целом ряде государств мира, в том числе на территории ближайших соседей России на постсоветском пространстве. Важнейшей предпосылкой украинского кризиса послужила недооценка охранительного потенциала государства и права (слабая, неэффективная государственность). Более глубокого изучения требуют вопросы реализации охранительной функции государства и охранительной функции права, а также проблемы выстраивания соответствующей правоохранительной политики в сфере их осуществления. В разные исторические периоды приоритетное значение приобретают и различные цели, задачи и функции государства. На современном этапе развития России центр тяжести неизбежно перемещается в сферу охранных начал, что и определяет ключевое значение охранительных функций, которые проявляются в охране суверенитета, прав и законных интересов граждан, в охране правопорядка, обеспечении национальной безопасности и законности, в предупреждении правонарушений. Связующим звеном между охранительной функцией государства и охранительной функцией права должна выступать правоохранительная политика, гармонично сочетающая правоохранительные средства исходя из приоритетов охранительных функций государства и права над их регулятивными функциями; целесообразности временного ограничения прав и свобод граждан для защиты общенациональных интересов; обеспечения безопасности общества и личности, сохранения государственного суверенитета; пресечения деятельности любых незаконных вооруженных формирований, особенно экстремистского характера; недопустимости осуществления подрывной деятельности других государств на собственной территории; превалирования интересов национальной безопасности над интересами крупного бизнеса и транснациональных корпораций.

Ключевые слова: охранительная функция государства, охранительная функция права, функция государственного управления, правовая политика государства, правоохранительная политика государства.

LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS OF STATE AND LAW IN CONDITIONS OF POLITICAL CRISES

Abstract. The need to reevaluate the role of law enforcement functions of state and law is determined by time and situation. Recently, artificially created political crises in a number of countries of the world including former Soviet Republics become more frequent. The underestimation of protective potential of state and law served as a key condition of the Ukrainian crisis (weak, ineffective state system). Implementation issues of protective functions of state and law including the problems of forming the appropriate law enforcement policy in the sphere of their realization require a deep study. Different goals, objectives and functions of the state get priority in different historical periods. At the present stage of Russia's development the center of gravity inevitably goes to the sphere of security principles. They define the key protective functions which are exercised by protecting the sovereignty, rights and legal interests of citizens, policing, ensuring national security and legality, preventing crimes. Law enforcement policy should become the link between the state protective function and law protective

function. It should combine law enforcement means on the basis of the priorities of protective functions of state and law over their regulatory functions; temporary restriction of the rights and freedoms of citizens to protect national interests; ensuring security of society and the individual, preservation of state sovereignty; suppression of the activities of illegal armed groups, especially extremist ones; inadmissibility of the subversive activities of other states on its own territory; prevalence of national security interests over the interests of big business and transnational corporations.

Keywords: protective function of the state, protective function of the law, function of government, legal policy of the state, law enforcement policy of the state.

Актуальность и новизна вынесенной в заголовок статьи темы заключается в том, что в современных условиях мы все чаще становимся свидетелями искусственно разжигаемых извне политических кризисов в целом ряде государств мира, в том числе на территории ближайших соседей России на постсоветском пространстве.

В настоящий момент пристальное внимание граждан, политических деятелей, ученых приковано к событиям в Украине, где наблюдается резкий всплеск националистических, шовинистских, а зачастую и откровенно фашистских настроений. По истечении времени, прошедшего с момента начала кризиса, можно сделать некоторые предварительные выводы, связанные с его причинами и условиями. Так, важнейшим условием, способствовавшим именно такому развитию политико-правовой ситуации, является явная недооценка охранительного потенциала государства и права. Другими словами, именно слабая, неэффективная государственность сделала Украину заложницей и главной жертвой тех манипуляций, которые предпринимаются коалицией западных стран. Отказ главы государства использовать аппарат государственного принуждения, в том числе Вооруженные силы, привел к потере власти, утрате им легитимности и, как следствие, девальвации авторитета силовых структур.

В таких условиях более глубокого изучения требуют вопросы реализации охранительной функции государства и охранительной функции права, а также проблемы выстраивания соответствующей правовой политики в сфере их осуществления. Новое политико-правовое звучание получают вопросы защиты суверенитета и национальных интересов от внешних угроз, от подрывной деятельности других государств.

Как показывает анализ юридической литературы, среди правоведов нет единой точки зрения по соотношению

государства и права. Этатистский подход отталкивается от доминирующей роли государства над правом: государство устанавливает общеобязательные правила поведения и обеспечивает их принудительной силой. Естественно-правовые взгляды определили иной подход к соотношению государства и права. Ограничение государства правом рассматривали почти все представители школы естественного права, обращая внимание на нерушимость естественного закона и неотчуждаемость основанных на нем субъективных публичных прав индивида. Наша точка зрения соответствует третьему подходу, не являющемуся столь категоричным и позволяющему глубже и содержательнее проследить взаимосвязь между государством и правом, порой значительно усложняя задачу исследователя, но двусторонняя зависимость государства и права подчеркивает их функциональную связь. Взаимосвязь государства и права обогащает эти социальные институты, придавая каждому из них особую регулируемую и стабилизирующую силу. В статике можно рассмотреть отдельно государство и отдельно право, но динамика предполагает двуединую природу этих явлений.

Сам факт воздействия государства на право неоспорим, так как именно компетентные государственные органы создают правовые установки общеобязательного характера. В правотворчестве и правореализации активная роль государства заключается в завершении правообразовательного процесса, придающего четкие очертания правовым явлениям. Иными словами, государство воздействует на правовые процессы, учитывая те изменения, которые происходят в обществе. Крайности в данном случае недопустимы, а заключаются они в правовом идеализме или правовом нигилизме. Связующим звеном между государством и правом выступает правовая политика государства, целью которой является

гармоничное сочетание правовых средств, удовлетворяющее интересы и потребности общества, соответствующие определенному историческому периоду [1, с. 85-88].

Чаще обсуждается вопрос воздействия государства на право, хотя и право оказывает сильное воздействие на государство [1, с. 88-90]. Все значимые отношения, касающиеся личности, общества и государства, урегулированы нормами права. Право придает государственной деятельности особый статус, позволяющий применять принудительные меры. Право выступает гарантией, защищающей общество от произвола властей, а также предусматривает взаимную ответственность государства и личности. Важно отметить, что право – еще и связующее звено между различными государствами, исключающее политику двойных стандартов и позволяющее разрешить тот или иной спор цивилизованным способом.

Функции государства и функции права раскрывают сущность этих уникальных явлений и подчеркивают роль каждого из них в упорядочении общественных отношений. Обстановка, сложившаяся в Украине, да и в мире в целом, свидетельствует о том, что охранительной функции государства и охранительной функции права сегодня следует уделять особое внимание. Те государства, в которых до сих пор не осознана необходимость углубленного изучения теоретической и практической стороны этих явлений, испытывают на себе всю тяжесть политических кризисов, разрешить которые мирным путем крайне сложно. Охрана государственно-правовых ценностей является гарантом стабильного и полноценного развития государственно-правовых отношений, что исключает вмешательство иных государств, претендующих на мировое господство, во внутригосударственные дела и позволяет уверенно чувствовать себя на международной арене, занимая достойное место в урегулировании международных конфликтов.

Что же объединяет охранительную функцию государства и охранительную функцию права?

1. И охранительная функция государства, и охранительная функция права вытекают из природы и потребностей общества.

2. Они призваны упорядочить общественные отношения наилучшими для общества способами.

3. В осуществлении охранительной функции государства и охранительной функции права принимают участие многие органы государства.

4. И охранительная функция государства, и охранительная функция права носят объективный характер.

5. Без охранительной функции государства и охранительной функции права общество не может полноценно существовать и развиваться.

6. И охранительная функция государства, и охранительная функция права носят устойчивый характер.

7. И в охранительной функции государства, и в охранительной функции права проявляется социальная, классовая сущность этих явлений и их социальное назначение.

8. И охранительная функция государства, и охранительная функция права рассматриваются в системе иных функций как государства, так и права.

9. Охранительная функция государства и охранительная функция права являются основными функциями, возникающими сразу же с возникновением государства и права.

10. Кризис правоохранительной функции государства сказывается и на охранительной функции права.

Чем отличается правоохранительная функция государства от охранительной функции права?

1. Охранительная функция государства определяется назначением государства в обществе, а, соответственно, охранительная функция права – назначением права в обществе.

2. Охранительная функция государства представляет направление его активного действия, упорядочивающего охранительный вид общественных отношений, а охранительная функция права демонстрирует свойственное праву активное упорядочивающее начало в этом направлении.

3. Логическая структура охранительной функции государства, как и логическая структура охранительной функции права, имеют свои особенности.

Важно отметить, что в разные исторические периоды приоритетное значение приобретают определенные цели, задачи и функции государства. На современном этапе центр тяжести переместился в сферу

охранных начал, что и определяет ключевое значение охранительной функции, которая проявляется в охране государством прав и законных интересов личности, в организации охраны правопорядка, обеспечении законности, в предупреждении правонарушений. Эти задачи решаются с помощью системы правоохранительных органов, для качественной работы которых требуется усиление: 1) функции конституционного контроля; 2) функции правосудия; 3) функции организационного обеспечения деятельности судов; 4) функции прокурорского надзора; 5) функции по выявлению и расследованию преступлений; 6) функции оказания юридической помощи.

Каждое из вышеперечисленных направлений нацелено на достижение определенных результатов: устранение нарушений положений Конституции РФ; разбирательство и разрешение гражданских и уголовных дел, дел об административных правонарушениях; создание условий для нормальной деятельности судов; выявление и устранение нарушений закона с помощью средств прокурорского реагирования; раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении, подготовка материалов для рассмотрения конкретных дел в суде; предоставление всем, кому это необходимо, возможности пользоваться квалифицированной юридической помощью, особенно тем лицам, которые привлекаются к уголовной ответственности, а равно оказание других юридических услуг [2, с. 8-9].

В многонациональных государствах актуальным является и вопрос своевременного выявления источников обострения национальной напряженности и использования государственно-правовых и политико-правовых механизмов для мирного разрешения национальных противоречий.

В целом и охранительную функцию государства, и охранительную функцию права необходимо рассматривать в системе функций государства и права. В современной Украине кризисное состояние государственной функции управления повлекло за собой деформацию иных функций государства и права, что сделало это государство уязвимым на международной арене и неспособным мирным путем разрешать внутригосударственные конфликты.

В связи с этим интересна точка зрения В.М. Сырых, который, раскрывая государственную функцию охраны правопорядка и укрепления законности, заметил, что «...в современном демократическом государстве на первый план выдвигается задача охраны прав и свобод граждан. Их приоритет должен признаваться не только формально в конституции страны или иных законах, но и обеспечиваться реально. Каждый гражданин, независимо от его материального положения, национальности, вероисповедания и других социальных признаков, должен быть уверен в том, что все предоставленные ему конституционные права и свободы он может реализовать беспрепятственно, независимо от усмотрения и настроения государственных органов, должностных и иных лиц» [3, с. 38-39].

Государство и право взаимосвязаны, существовать и функционировать изолированно друг от друга не могут. Отсюда можно сделать вывод о том, что и охранительная функция государства, и охранительная функция права взаимосвязаны между собой и рассматривать охранные начала необходимо как через призму государства, так и через призму права, что позволит более эффективно использовать их в регулировании общественных отношений.

На наш взгляд, связующим звеном между охранительной функцией государства и охранительной функцией права должна выступать правоохранительная политика [4], целью которой является гармоничное сочетание правоохранных средств, удовлетворяющих интересы и потребности общества и государства, соответствующие определенному историческому периоду. Под правоохранительной политикой предлагается понимать совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин правонарушений, и действия, осуществляемые государственными и негосударственными структурами по повышению эффективности охранительной функции права, по совершенствованию правоохраны путем предупреждения правонарушений и модернизации правоохранительной системы. Содержание правоохранительной политики выражается в ее целях и ценностях, в мотивах и механизмах принятия правоохранительных решений, в проблемах, которые она решает.

Правоохранительная политика призвана усилить роль права в регулировании политических отношений и, как следствие, усилить охранительную функцию права. В масштабах государства это позволит эффективно проводить в жизнь программы модернизации: экономические, политические, глобализационные, демографические и др.

Особенно важно проведение подобной четкой и единой научно обоснованной правоохранительной политики в условиях политических кризисов, поскольку отступление от нее ведет к резким, необдуманным действиям властей либо к их бездействию, которое (как в случае с Украиной) не только влечет за собой человеческие жертвы, раскол в обществе, но и создает реальную угрозу распада государства. Грань между так называемым непропорциональным применением государственного принуждения в отношении населения и защитой национальных интересов зыбкая. Опасаясь эту грань перейти, можно получить еще более неблагоприятные и, прямо скажем, катастрофические последствия.

Рассматривая возрастание роли охранительной функции государства и охранительной функции права в условиях политических кризисов, следует отметить, что важное значение для реализации пра-

воохранительной функции в современных условиях имеет правовое воспитание как фундамент для правового сознания, направленного на уважение к закону, на формирование правомерного поведения граждан, а также на борьбу государства с коррупцией.

Таким образом, в условиях политических кризисов, подобных украинскому, правоохранительные функции государства и права должны реализовываться исходя из:

1. Приоритета охранительных функций государства и права над их регулятивными функциями.

2. Целесообразности временного ограничения прав и свобод граждан для защиты общенациональных интересов, обеспечения безопасности общества и личности, сохранения государственного суверенитета.

3. Незамедлительного пресечения деятельности любых незаконных вооруженных формирований, особенно экстремистского характера.

4. Недопустимости осуществления подрывной деятельности других государств на собственной территории.

5. Превалирования интересов национальной безопасности над интересами крупного бизнеса и транснациональных корпораций.

Список литературы

1. Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Право и закон, 2001. 576 с.
2. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы: учебник для юрид. вузов и фак-тов / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2010. 496 с.
3. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2006. 704 с.
4. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012. 32 с.

References

1. Lazarev V.V. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of Law and State]. Moscow, Pravo i zakon Publ., 2001. 576 p.
2. Gutsenko K.F., Kovalev M.A. Pravoohranitelnye organi [Law enforcement authorities]. Moscow, Zertsalo Publ., 2010. 496 p.
3. Syryh V.M. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2006. 704 p.
4. Kontseptsiya pravookhranitel'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii (proekt) [Concept of enforcement policy in the Russian Federation (project)]. Saratov, 2012. 32 p.

БОРОВСКИХ Р.Н., BOROVSKIKH R.N.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
borovskih80@yandex.ru, associate professor,
borovskih80@yandex.ru
Кафедра уголовного права, процесса и криминалистики; Chair of criminal law, criminal procedure
and criminalistics;
Новосибирский юридический институт Novosibirsk Law Institute (branch)
(филиал) Томского национального исследовательского Toms National Research State University,
государственного университета, Sovetskaya St. 7, Novosibirsk, 630007,
630007, г. Новосибирск, Советская, 7 Russian Federation

О НАПРАВЛЕНИЯХ УСИЛЕНИЯ ПРИКЛАДНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Реферат. В адрес криминалистики нередко высказываются замечания за ее излишнюю теоретизированность, оторванность от нужд практики. Эти замечания следует признать обоснованными. В плане совершенствования криминалистических методик расследования преступлений к одному из важнейших направлений их дальнейшего совершенствования необходимо отнести усиление их прагматического аспекта. Это означает, что практически полезные результаты для криминалистики как науки должны состоять в разработке не только научных положений, но и прикладных рекомендаций, максимально широко и эффективно адаптируемых и применяемых как профессиональными участниками уголовного судопроизводства, так и другими лицами, защищающими свои (и не только) права и законные интересы. Практически полезные результаты для криминалистики как учебной дисциплины — это повышение качества подготовки будущих специалистов, повышение интереса студентов и иных обучаемых к данному предмету. Проанализировано содержание прагматизма как ключевого направления совершенствования криминалистики. В связи с ограниченностью объема статьи обозначены два таких направления. Первое — криминалистические рекомендации должны излагаться максимально кратким, доступным для широкого круга читателей-юристов языком, с разумным количеством правильно составленных и представленных примеров реальной правоприменительной практики, с применением по возможности большего количества схем, алгоритмов и иных программных, в том числе мультимедийных, средств. Второе — интересными и полезными представляются предложения ряда ученых о включении в криминалистические разработки (технические, тактические, методические) рекомендаций по правильному составлению процессуальных и иных документов, прежде всего наиболее сложных и важных, например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Прагматизм как перспектива криминалистики социально обусловлен потребностями современной практики борьбы с преступностью. Его реализация позволит сделать важный шаг к модернизации, уточнению парадигм развития не только криминалистики, но и других наук антикриминального цикла.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистические методики расследования преступлений, прагматизм, прикладные рекомендации, криминалистические исследования.

ON THE DIRECTIONS OF ENHANCING APPLICATION CHARACTERISTICS OF CRIMINALISTIC RESEARCHES

Abstract. Criminalistics is often criticized for being too theorized and remote from the practice needs. The main direction of further improvement of crime investigation criminalistic methods should be enhancing their pragmatic aspect. The practically useful results for criminalistics as a science should be application recommendations which can be widely adapted and effectively used both by the professional participants of criminal proceeding and other persons protecting their own (and another's) rights and legitimate interests. The practically useful results for criminalistics as an academic discipline should be improving the quality of future law enforcement practitioners' training and arousing the trainees' interest to the subject. The meaning of the pragmatism as a key direction of criminalistics' improvement is analyzed. Two following directions are specified in the article: 1) criminalistic recommendations should be brief and accessible to wide readership of lawyers, supported with a lot of schemes, algorithms and other software tools, including multimedia; 2) some scientists' proposals to include recommendations

concerning proper preparation of procedural and other documents, first of all the most complex and important ones (e.g. resolution of bringing as an accused), into criminalistic elaborations (technical, tactical, methodical). Pragmatism as a direction of criminalistics' perspective development is socially caused by the demand of modern crime-fighting practice. This direction's implementation will allow to take step towards modernization, clarification of development paradigms not only of criminalistics, but also of other sciences of anti-criminal character.

Keywords: criminalistics, criminalistics methods of crime investigation, pragmatism, application recommendations, criminalistic researches.

Криминалистика — прикладная наука, относящаяся к категории специальных юридических наук уголовно-правового цикла. Тезис о ее прикладном характере совершенно неоспорим, а потому, на первый взгляд, может показаться даже банальным хотя бы в силу своей очевидности. Так, еще Г.Ю. Маннс, подчеркивая связь криминалистики с уголовно-процессуальной наукой, писал о ее прикладном характере [1, с. 148].

Вместе с тем следует согласиться с мнением, а вернее с тревожным предостережением по поводу того, что «...в России, как и в некоторых других государствах, наблюдается излишняя теоретизированность юридических научных исследований, и практики в этом неоднократно совершенно справедливо упрекали теоретиков. По сути дела, получается, что наука, призванная помогать практическому работнику в его повседневной деятельности, отстраняется от своих обязанностей, и практики вынуждены довольствоваться теми уже давно устаревшими моделями, что у них есть. Можно сказать, что наука существует ради науки» [2, с. 7-8].

Отметим, что и в адрес науки криминалистики нередко высказываются подобные замечания. Справедливо в данном отношении авторитетное мнение Л.Я. Драпкина, который признает, что «не все ладно в нашей науке: бесконечные споры о проблемах криминалистики, следственных (криминалистических) ситуациях, предмете самой криминалистики, ее закономерностях уводят нашу науку от выполнения ее основной функции — обслуживания досудебного и судебного производства. Разумеется, названные выше проблемы очень важны для нашей науки, но обсуждать их до бесконечности, упрямо повторяя одни и те же доводы и не обращая внимания на уроки и выводы мировой науки, невозможно» [3, с. 286-287; 4, с. 90].

Я.М. Мазунин, рассуждая о востребованности новых криминалистических

разработок в практике расследования преступлений, утверждает, что современная криминалистика не обеспечивает данные потребности практики [5, с. 71].

В плане рассматриваемой проблемы Ю.П. Гармаев верно отмечает, что «...криминалисты — преподаватели и ученые, могли и должны были бы взять на себя груз ответственности, составив инновационный потенциал юридического образования, обеспечивая прагматизм, максимальное приближение к нуждам практики не только разработок своей науки, но и всех юридических дисциплин» [6, с. 322].

Безусловно, предложения о выходе из сложившейся ситуации имеются.

Так, Н.П. Яблоков, отмечая высокие достижения науки криминалистики в части практического применения разрабатываемых ею рекомендаций, тем не менее формулирует целый ряд замечаний, направленных на усиление прикладной составляющей исследований. Например, в плане криминалистических методик расследования преступлений к одному из важнейших направлений их дальнейшего совершенствования автор относит усиление их *прагматического аспекта* [7, с. 18].

Прагматизм (от др.-греч. *πράγμα* — «дело, действие») — философское течение, базирующееся на практике как критерии истины и смысловой значимости [8, с. 952]. Прагматик — человек, который выстраивает свою систему поступков и взглядов на жизнь в аспекте получения практически полезных результатов.

Думается, что практически полезные результаты для криминалистики как науки состоят в разработке не только научных положений, но и прикладных рекомендаций, максимально широко и эффективно адаптируемых и применяемых как профессиональными участниками уголовного судопроизводства, так и другими лицами, защищающими свои (и не только) права и законные интересы. Практически полезные

результаты для криминалистики как учебной дисциплины – это повышение качества подготовки будущих практических работников, повышение интереса студентов и иных обучаемых к данному предмету. В этом отношении Н.П. Яблоков указывает, что задача криминалистов – активно, постоянно раскрывать, показывать, демонстрировать технический, тактико-технологический арсенал криминалистических разработок по выявлению, изучению и использованию различного рода юридических фактов не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в других видах юридической деятельности: гражданско-правовой, административной практике и т.д. [9, с. 23-25].

Аналогичным образом рассуждает В.Ю. Шепитько: «Средства, приемы и методы криминалистики успешно используются в иных сферах (оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, экспертной, адвокатской деятельности) либо позволяют устанавливать факты, лежащие вне уголовно-правовых явлений (использование криминалистических знаний в гражданском, арбитражном (хозяйственном) или административном процессах)» [10, с. 43].

Изложенные авторитетные мнения позволяют перейти к анализу содержания прагматизма как ключевого направления совершенствования криминалистики. И первостепенным здесь видится не столько идеологическая поддержка со стороны коллег, сколько использование прагматичного подхода в прикладных исследованиях и в процессе внедрения их результатов.

В рамках одной статьи не представляется возможным подробно описать и обосновать все направления усиления прагматического аспекта криминалистики. Поэтому постараемся лишь обозначить два таких направления.

Первое. Криминалистические рекомендации должны излагаться по возможности максимально кратким, доступным для широкого круга читателей-юристов языком, с разумным количеством правильно составленных и представленных примеров реальной правоприменительной практики, с применением как можно большего количества схем, алгоритмов, и иных программных, в том числе мультимедийных, средств.

Совершенно прав С.Ю. Косарев, который заметил, что «...исследование генезиса частных криминалистических методик убедительно свидетельствует о том, что главным в описании преступной деятельности является решение задачи наиболее удобного и качественного изложения материала в форме, максимально приемлемой и значимой для ее основных потребителей – практических сотрудников правоохранительных органов» [11, с. 190].

Второе, тесно связанное с предыдущим, направление. Весьма интересными и полезными представляются предложения ряда ученых о включении в различные криминалистические разработки (технические, тактические, методические) рекомендаций по правильному составлению процессуальных и иных документов, прежде всего, наиболее сложных и важных, например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого [11, с. 223-224].

В сравнительно-правовом аспекте полезным, по мнению Д.С. Хижняка, является пример разработки и издания в США пособий и руководств по правилам написания следственных и оперативных документов, что в России не всегда практикуется. Эти работы мало похожи на издаваемые у нас справочники следователя и приложения к УПК РФ, в которых приводятся примерные формы бланков для процессуального оформления результатов следственных действий. «В отличие от отечественных изданий, ...в американских пособиях упор сделан на содержательную сторону протокола и его стилистику. Для примера можно отметить работу известного в США американского криминалиста Л.Е. Холтца “Следственное и оперативное документирование”» [12, с. 80-81].

Результаты проведенного Д.С. Хижняком анкетирования показали, что 73 % из всех опрошенных работников правоохранительных органов считают нужным следовать американскому образцу и начать выпускать такого рода пособия для следователей и оперативных работников. Кроме того, предлагается обобщать практику по конкретным категориям уголовных дел (убийство, вымогательство, грабеж и т.д.) и создавать сборники, посвященные лучшим образцам российской следственной практики [12, с. 82].

Разделяя данную точку зрения и рассматривая ее как направление повышения прагматизма криминалистики, уточним, что следует разрабатывать не просто рекомендации по составлению этих документов. Разработчикам необходимо создавать, апробировать и внедрять специальные образцы документов (возможно, с комментариями), оформляя их как приложения к своим публикациям. При этом большую часть таких образцов можно и нужно выносить за рамки «бумажного» продукта (книг), выкладывая на электронные носители, в том числе в Интернет. Пользователями таковых сегодня являются большинство правоприменителей.

Как показывают опросы практических работников, значительное число следователей не обладает надлежащими знаниями и навыками по составлению текстов основных процессуальных документов, прежде всего постановления о привлечении в качестве обвиняемого (далее – обвинение). Например, у следователей органов внутренних дел соответствующие навыки по уголовным делам о причинении вреда здоровью развиты значительно лучше, чем по делам о «страховом мошенничестве» (ст. 159.5 УК РФ) или иных сложных экономических преступлениях. По таким делам особенно заметно, что малейшая неточность, ошибка, опечатка в обвинении порой приводят к серьезным негативным последствиям, причем на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Доказательства и иные сведения оцениваются судом только в том случае, если они подтверждают или опровергают те об-

стоятельства предмета доказывания, а также объективные и субъективные признаки преступлений, которые описаны в обвинении. Если не конкретизировано упомянутое, то даже в случае, когда доказательства в ходе расследования собраны в полном объеме, суд может вынести оправдательный приговор или возратить уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [13, с. 337-339].

Есть все основания полагать, что в рамках подготовки учебных и учебно-практических пособий, иных образовательных продуктов, а также в рамках преподавания криминалистики, повышения квалификации следователей и других правоприменителей следует обучать не только техническим, тактическим и иным «специальным средствам и методам судебного исследования» преступлений, хотя и это очень важно, но и особенностям составления важнейших процессуальных документов по уголовным делам различных категорий. К сожалению, обозначенные направления редко используются преподавателями вузов, разработчиками учебных и прикладных рекомендаций.

С учетом изложенного можно заключить, что усиление прагматических начал современной криминалистической науки является ключевым, важнейшим условием дальнейшего ее совершенствования. Предложенные направления усиления прикладного характера исследований, хотя и не являются исчерпывающими, но представляются крайне важными и необходимыми в системе соответствующих мер.

Список литературы

1. Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Иркутск, 1921. Вып. 2.
2. Вележев С.С. Консолидация теории и практики в решении проблем, связанных с юридической ответственностью и наказанием // Администратор суда. 2011. N 1. С. 7-15.
3. Драпкин Л.Я. Совсем несмертные грехи профессора А.С. Александрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. N 2 (15). С. 282-287.
4. Драпкин Л.Я., Иванов К.Г. К вопросу о понятии и сущности поисковых тактических операций в раскрытии и расследовании преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. N 1 (4). С. 90-93.
5. Мазунин Я.М. Проблемы криминалистической методики и ее роль в расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. N 2 (3). С. 70-76.
6. Гармаев Ю.П. Принцип состязательности и необходимость реформы дидактики в юридических вузах России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. N 1 (2). С. 322-327.
7. Яблоков Н.П. О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3 (15). С. 18-27.

8. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 2000. 352 с.
9. Яблоков Н.П. Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3 (31). С. 23-25.
10. Шепитько В.Ю. Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. тр. / под ред. Н.П. Яблокова и В.Ю. Шепитько. Харьков: Апостиль, 2012. С. 43-45.
11. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития): монография / под ред. И.А. Возгина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2005. 307 с.
12. Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий: Теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 191 с.
13. Гармаев Ю.П. Проблемы криминалистического и уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 24 ноября 2009 года. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 337-345.

References

1. Manns G.Yu. *Kriminalistika kak prikladnaya distsiplina i predmet prepodavaniya* [Criminalistics as an applied discipline and subject of teaching]. *Trudy professorov i prepodavateley Irkutskogo gos. un-ta* [Proceedings of the professors and lecturers of the Irkutsk State University]. Irkutsk, 1921. Edition 2.
2. Velezhev S.S. *Konsolidatsiya teorii i praktiki v reshenii problem, svyazannykh s yuridicheskoy otvetstvennost'yu i nakazaniem* [Consolidation theory and practice in solving problems associated with legal liability and punishment]. *Administrator suda* – Administrator of the court, 2011, no. 1, pp. 7-15.
3. Drapkin L.Ya. *Sovsem nesmertnye grekhi professora A.S. Aleksandrova* [Quite nonmortal sins Professor A.S. Alexandrov]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry, 2011, no. 2 (15), pp. 282-287.
4. Drapkin L.Ya., Ivanov K.G. *K voprosu o ponyatii i sushchnosti poiskovykh takticheskikh operatsiy v raskrytii i rassledovanii prestupleniy* [On the concept and scope of the search of tactical operations in the detection and investigation of crimes]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal Science and Law enforcement Practice, 2008, no. 1 (4), pp. 90-93.
5. Mazunin Ya.M. *Problemy kriminalisticheskoy metodiki i ee rol' v rassledovanii prestupleniy, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi soobshchestvami (prestupnymi organizatsiyami)* [Problems forensic methodology and its role in the investigation of crimes committed by organized criminal community (criminal organization)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal Science and Law enforcement Practice, 2007, no. 2 (3), pp. 70-76.
6. Garmaev Yu.P. *Printsip sostyazatel'nosti i neobkhodimost' reformy didaktiki v yuridicheskikh vuzakh Rossii* [Adversarial principle and the need for reform of didactics at law schools in Russia]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* – Library criminalist. Scientific Journal, 2012, no. 1 (2), pp. 322-327.
7. Yablokov N.P. *O nekotorykh problemakh razrabotki kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya* [Theoretical and practical aspects of data forensics in law enforcement and other legal activity]. *Vestnik kriminalistiki* – Vestnik of criminalistic, 2005, edition 3 (15), pp. 18-27.
8. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2000. 352 p.
9. Yablokov N.P. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty primeneniya dannykh kriminalistiki v pravoprimeritel'noy i inoy yuridicheskoy deyatel'nosti* [Theoretical and practical aspects of data forensics in law enforcement and other legal activities]. *Vestnik kriminalistiki* – Vestnik of criminalistics, 2009, edition 3 (31), pp. 23-25.
10. Shepit'ko V.Yu. *Kriminalistika XXI veka: predmet poznaniya, zadachi i tendentsii v novykh usloviyakh* [Forensics twenty-first century: the object of knowledge, challenges and trends in the new environment]. *Sovremennoe sostoyanie i razvitie kriminalistiki* [Current status and development of criminalistics]. Khar'kov, Apostil' Publ., 2012. Pp. 43-45.
11. Kosarev S.Yu. *Kriminalisticheskie metodiki rassledovaniya prestupleniy (stanovlenie i perspektivy razvitiya)* [Forensic methods of investigation of crime (the formation and development prospects)]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2005. 307 p.
12. Khizhnyak D.S. *Protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy razvitiya taktiki sledstvennykh deystviy: Teoreticheskiy aspekt. Cand. Diss.* [Procedural problems and forensic investigative tactics development: theoretical aspect. Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 191 p.
13. Garmaev Yu.P. *Problemy kriminalisticheskogo i ugovovno-pravovogo obespecheniya protivodeystviya korruptsii* [Problems of forensic and criminal legal support anti-corruption]. *Aktual'nye voprosy kriminalisticheskogo obespecheniya ugovovno sudoproizvodstva* [Actual problems of forensic conducting criminal proceedings]. Irkutsk, 2010. Pp. 337-345.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

КАДОМЦЕВА А.Е., KADOMTSEVA A.E.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Science,
likatim70@list.ru associate professor,
Кафедра правовой охраны likatim70@list.ru
окружающей среды; Chair of environment's legal protection;
Санкт-Петербургский Saint-Petersburg state university,
государственный университет, 22 Line V.O. 7, Saint-Petersburg, 199026,
199026, г. Санкт-Петербург, Russian Federation
22-я линия В.О., 7

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Реферат. Право на благоприятную природную среду – одно из основных прав человека. Слабой стороной управления природопользованием является недостаточная экономическая заинтересованность организаций в охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. Главными экономическими рычагами воздействия на природоохранную и ресурсосберегающую деятельность предприятия посредством установления плановых целей по охране окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов считаются поощрительные выплаты (санкции) за достижение этих целей, а также премирование за сбалансированный расход ресурсов. Одновременно с реализацией политики стимулирования экономии материалов, топлива, сырья и энергии необходимо устанавливать санкции за их нерациональное использование (например, имущественную ответственность предприятий за перерасход топливно-энергетических, сырьевых и других материальных ресурсов и за использование их не по назначению). Обеспечение нормативного уровня предельно допустимых выбросов (сбросов) загрязняющих веществ в природную среду требует установления их лимитов для каждого предприятия. Уровень выбросов (сбросов) связан с экологической обстановкой на той территории, где размещено предприятие, и с экономическими возможностями предприятия. Экологическая ситуация района, в котором находится предприятие, определяет допустимый уровень выбросов (сбросов) загрязняющих веществ: чем обширнее загрязнение территории, тем выше уровень предельно допустимых выбросов (сбросов). Динамика экономических отношений существенно опережает развитие нормативно-правовой базы (в частности, это относится и к вопросам стимулирования рационального природопользования). Правовые и экономические методы охраны природной среды и предупреждения ее загрязнения являются важнейшей основой для дальнейшего функционирования экономических и правовых отношений в сфере экологической безопасности.

Ключевые слова: окружающая среда, управление природопользованием, эффективное использование природных ресурсов, экономическое стимулирование.

THE RATIONAL ENVIRONMENTAL MANAGEMENT AS THE WAY OF HUMAN RIGHTS GUARANTEE

Abstract. The right to a favourable environment is one of the basic human rights. Insufficient economic interest of organizations in environmental protection and rational use of natural resources is a weak point of environmental management. Incentive rewards for achieving the planned goals for environmental protection and rational use of natural resources as well as bonuses for a well-balanced consumption of resources are considered to be the main economic levers of influence on environmental and resource-conserving activity of the enterprise. Alongside with the policies of saving materials, fuel, energy and raw materials it is necessary to impose sanctions for their irrational use (for example, financial liability of companies for overruns of fuel and energy and raw materials and other material resources and for their misuse). Ensuring regulatory level of maximum permissible emissions (discharges) of pollutants into the environment requires the establishment of limits for each enterprise. Emissions (discharges) are associated with the environmental conditions of the enterprise's location

and its economic opportunities. Ecology of the district in which the enterprise is located determines the permissible limit of emissions (discharges): the larger the pollution of the territory, the higher the limit of permissible emissions (discharges). Dynamics of economic relations significantly gets ahead of the legal framework development; in particular it applies to the incentives for the rational environmental management. Legal and economic methods of the environmental protection and pollution prevention are the essential foundation for the further functioning of the economic and legal relations in the sphere of environmental safety.

Keywords: environment, environmental management, effective use of natural resources, economic stimulation.

В условиях современного мира, подверженного разным глобальным угрозам, в том числе экологической, затрагивающей, без преувеличения, все государства, на каком бы этапе развития они не находились, важнейшей гарантией реализации прав человека и гражданина выступает рациональное природопользование. Обеспечить право на достойную жизнь и другие основные права человека и гражданина практически невозможно в окружающей среде, которой нанесен серьезный ущерб. Право на благоприятную природную среду с этих позиций можно признать одним из основных прав человека и гражданина. Оно предусмотрено международными договорами, конституциями разных стран, другими юридическими актами государств. Целью настоящей статьи является анализ того, каким образом права человека и гражданина обеспечиваются посредством правовых и экономических методов охраны природной среды.

Самым слабым моментом действующего в настоящий момент механизма управления природопользованием считается недостаточная экономическая заинтересованность организаций в охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов [1, с. 5-9]. Анализ практики функционирования предприятий показывает, что сейчас экономический вред от нерационального использования природных ресурсов действует минимально. Аналогично можно говорить и о стимулировании сотрудников тех предприятий, которые преуспели в рациональном использовании природных ресурсов и следовании всем экологическим нормативам.

В стимулировании энергосберегающей и природоохранной деятельности определяющее значение имеют разработка и адресное использование экономического механизма воздействия на производственную деятельность, которые

должны сформировать условия для повышения материальной заинтересованности сотрудников предприятий в обеспечении процесса рационального использования, охраны и воспроизводства природных ресурсов. Использование экономических методов управления позволяет осуществлять воздействие как на трудовые коллективы в целом, так и на отдельных работников. Такое изменение экономической ситуации позволит при помощи материальной заинтересованности сконцентрировать усилия сотрудников на поставленных целях по обеспечению рационального природопользования. Методы экономического регулирования предполагают хозяйственный расчет, планирование и экономическое стимулирование. Эти методы влияют на развитие производства посредством использования таких экономических рычагов, как кредитование, финансирование, ценообразование, поощрения и материальные санкции, а также долговременные экономические нормативы.

Важным элементом экономического механизма рационального природопользования и охраны окружающей среды является планирование природопользования. Цель планирования заключается в экономном и комплексном использовании природоресурсного потенциала любой страны. В рыночных отношениях вышеуказанные цели планирования сохраняются. Существует оригинальный подход к деятельности предприятий в переходный период от административных методов управления к экономическим перспективам основательного изменения функций, роли и методов планирования. Сегодня происходит процесс обновления и поиска оптимально эффективных методов и форм планирования рационального природопользования.

Кардинально изменяются функции и задачи планирования природопользования

в связи с переходом на экономические методы управления. Возмещается вред, который причинен загрязнением окружающей среды и нерациональным использованием природных ресурсов, устанавливается материальная ответственность за несоблюдение природоохранного законодательства. Тем самым обеспечивается реализация прав человека и гражданина на благоприятную среду его жизнедеятельности.

Главными экономическими рычагами воздействия на природоохранную и ресурсосберегающую деятельность предприятия посредством установления плановых целей по охране окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов считаются поощрительные выплаты (санкции) за выполнение плановых целей, а также премирование за сбалансированный расход ресурсов. Применение ценообразования как экономического рычага в системе управления предприятием базируется на стимулирующей функции цены. Рост цен на продукцию гарантирует прибыль предприятия, поэтому материальная заинтересованность в увеличении объема производства очевидна, но при чрезмерной прибыли возможно ослабление заинтересованности работников в экономии производственных затрат. Рост издержек производства параллельно с падением прибыли уменьшает значение цены, стимулирующая роль которой прямо пропорциональна объему гарантируемой ею прибыли. В связи с вышеизложенным необходимы мероприятия по оптимизации уровня общественно необходимых затрат и отражения в них наиболее адекватной оценки живого труда и природных ресурсов, а также затрат, связанных с охраной окружающей среды и профессиональной подготовкой кадров. На цене в полном объеме должна отражаться эффективность использования современных научных достижений и технологий, проводимых мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов, топлива и энергии. Вместе с тем при установлении цен на топливно-сырьевые ресурсы требуется учитывать уровень активности деятельности предприятий по ресурсосбережению [2].

Данный принцип ценообразования обеспечит предприятиям в условиях са-

мофинансирования проведение природоохранных мероприятий в целом за счет собственных средств, простимулирует их к комплексному природопользованию, минимальному негативному воздействию на окружающую среду и здоровье человека. В процессе формирования рынка значение цены будет меняться. Применение финансирования и кредитования как эффективных рычагов экономического управления определяется их сущностью, обеспечивающей соблюдение экономических интересов всех участников хозяйственной деятельности.

Экономия материальных ресурсов на любом производстве предполагает в основном ограничение добычи сырья, топлива и любых других материальных ресурсов. Главными направлениями организации процесса по ресурсосбережению в промышленности являются: экономическое стимулирование рационального использования материальных ресурсов, создание современной нормативной базы и эффективной системы управления материальными ресурсами, а также разработка и последующее внедрение научно-технических мер регулирования. А это, в свою очередь, позволяет поддерживать благоприятную для человека экологическую среду обитания.

В настоящее время все больше возрастает роль именно экономического стимулирования в обеспечении процесса ресурсосбережения [3, с. 33-38]. Рост хозяйственной самостоятельности предприятия открывал принципиально новые возможности для повышения уровня воздействия экономического стимулирования на снижение материальных затрат. Конкретные виды материальных ресурсов, за экономию которых выплачиваются премии, определяются непосредственно на производстве.

С целью повышения заинтересованности в эффективном использовании ресурсов как рабочих, специалистов и служащих, так и руководителей организаций и предприятий в промышленности действует система материального поощрения за рациональное использование сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов. Рабочие и специалисты среднего звена премируются за экономию различных видов материальных ресурсов против установленных технически обос-

нованных нормативов расходов. Премии рекомендуется выплачивать в размере до суммы экономии материальных ресурсов в зависимости от стоимости и вида. Сохраняется существующий порядок премирования за экономию энергии, топлива и любых других ресурсов в тех случаях, когда предполагаются более высокие размеры поощрения.

По итогам работы за квартал, как правило, определяется экономия материальных ресурсов конкретных видов по сравнению с существующими обоснованными нормами расхода, утвержденными в установленном порядке. Размер экономии, полученной за период, уменьшается на сумму перерасхода, возникшего в предыдущем периоде календарного года, по тому же самому виду материальных ресурсов, но не более чем на 50 %.

Одним из самых значимых условий эффективности системы экономического стимулирования представляется объективная оценка трудового вклада каждого сотрудника в обеспечение экономии материальных ресурсов. При этом, организовав премирование, необходимо определить круг тех работников, которые влияют на снижение затрат материалов, энергии и топлива.

Размер премии за экономию материальных ресурсов на каждом участке устанавливается руководителем подразделения по согласованию с профсоюзной организацией между рабочими и специалистами с учетом их персонального вклада в мероприятия по экономии ресурсов.

В целях повышения экономических стимулов для предприятий и увеличения материальной заинтересованности их работников в наиболее полном использовании производственных вторичных ресурсов и отходов установлено, что прибыль, полученная от реализуемых изделий и товаров производственно-технического назначения, изготовленных из отходов производства, остается в ведении предприятий вне зависимости от формы их собственности.

Эффективность материального стимулирования зависит, в первую очередь, от достоверности первичной информации. Один из вариантов решения этой проблемы на предприятиях – введение нормативного метода учета затрат на производство.

Премирование можно производить только в случае уменьшения выделяемых предприятию или организации фондов на материальные ресурсы. Это требование актуально при прочих равных условиях. Например, определенное увеличение фондов допускается при изменении ассортимента, опережающем росте объема производства и т.п. Данный подход стимулирует предприятие к разработке целевых программ ресурсосбережения, направляет на улучшение конечных результатов материалопотребления.

Одновременно с разработкой и внедрением системы материального стимулирования экономии материалов, топлива, сырья и энергии установлены санкции за их нерациональное использование. Например, установлена имущественная ответственность предприятий за перерасход топливно-энергетических, сырьевых и других материальных ресурсов и за использование их не по назначению.

Все практические меры по мониторингу состояния окружающей природной среды в зоне действия предприятий определяют необходимость разработки именно экономических методов воздействия на предприятия со стороны государственных и местных органов управления [4, с. 62-66]. Плата за загрязнение вносится предприятием, ее размеры зависят от уровня загрязняющих веществ и существующих в окружающей природе твердых отходов. Выбросы предприятий и значительные объемы отходов, как правило, не дают возможности своевременно предотвращать загрязнение или улучшать состояние окружающей природной среды. Установление платежей, пропорционально соответствующих уровню загрязнений, зачастую может поставить производственное предприятие в весьма тяжелое финансовое положение. В связи с этим для последовательного достижения нормативного уровня предельно допустимых выбросов (сбросов) загрязняющих веществ в природную среду требуется утверждать и устанавливать для каждого предприятия свои определенные лимиты выбросов (сбросов) загрязняющих веществ, предельных объемов размещаемых твердых отходов.

Предельные объемы выбросов (сбросов) загрязняющих веществ в пределах лимитов определяются как возможные на

планируемый период. Возможный уровень выбросов (сбросов) связан с экологической обстановкой территории, на которой размещено предприятие, и экономическими возможностями предприятия. Конкретная экологическая ситуация района, в котором находится предприятие, определяет причину допустимого уровня выбросов (сбросов) загрязняющих веществ: чем обширнее загрязнение территории, тем выше уровень предельно допустимых выбросов (сбросов) – ПДВ (ПДС). При этом порядок установления допустимых уровней выбросов для отдельных предприятий не разработан, а для размещения твердых отходов лимит устанавливается между планируемыми объемами образования и использования отходов. Размеры платежей за загрязнение устанавливаются на основе двух основных видов нормативов платы: 1) за

превышение допустимых объемов выбросов; 2) за допустимые, в пределах установленных лимитов, объемы выбросов.

Резюмируя, отметим, что в настоящее время развитие экономических отношений достаточно сильно опережает развитие нормативно-правовой базы. В частности, это относится и к вопросам стимулирования рационального природопользования. Правовые и экономические методы охраны природной среды и предупреждения ее загрязнения являются важнейшей основой для дальнейшего функционирования экономических и правовых отношений в сфере экологической безопасности. Их совершенствование позволит создать устойчивую базу для обеспечения прав человека и гражданина на благоприятную окружающую среду.

Список литературы

1. Марьин Е.В. Финансирование охраны окружающей среды и рационального природопользования: бюджетно-правовые и налоговые механизмы // Финансовое право. 2012. N 6. С. 5-9.
2. Чередниченко О.А., Куренная В.В. Ресурсосбережение как средство повышения экономической эффективности использования производственного потенциала предприятия [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. N 80. URL: <http://ej.kubagro.ru/plinks.asp> (дата обращения: 2 марта 2014 г.).
3. Волков А.М., Ибрагимов В.Б., Лютягина Е.А. Административно-правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды // Административное право и процесс. 2012. N 5. С. 33-38.
4. Рустамбекова Н.К. Экологический мониторинг как элемент антикризисного управления // Вестник Тверского государственного технического университета. 2012. N 20. С. 62-66.

References

1. Mar'in E.V. *Finansirovanie okhrany okruzhayushchey sredy i ratsional'nogo prirodopol'zovaniya: byudzhethno-pravovye i nalogovye mekhanizmy* [Funding for environmental protection and rational nature management: the budgetary-tax and legal mechanisms]. *Finansovoe pravo* – Financial law, 2012, no. 6, pp. 5-9.
2. Cherednichenko O.A., Kurenaya V.V. *Resursosberezhenie kak sredstvo povysheniya ekonomicheskoy effektivnosti ispol'zovaniya proizvodstvennogo potentsiala predpriyatiya* [Resource conservation as a means to increase economic efficiency, the production capacity of the enterprise]. *Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* – Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban state agrarian university, 2012, no. 80. Available at: <http://ej.kubagro.ru/plinks.asp> (accessed 2 March 2014).
3. Volkov A.M., Ibragimov V.B., Lyutyagina E.A. *Administrativno-pravovoe regulirovanie prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy* [Administrative and legal regulation of nature use and environmental protection]. *Administrativnoe pravo i protsess* – Administrative law and process, 2012, no. 5, pp. 33-38.
4. Rustambekova N.K. *Ekologicheskyy monitoring kak element antikrizisnogo upravleniya* [Environmental monitoring as an element of crisis management]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* – The Bulletin of the Tver State technical university, 2012, no. 20, pp. 62-66.

ГУК В.А., GUK V.A.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
vira-6@yandex.ru vira-6@yandex.ru
Кафедра гражданского права и процесса; Chair of civil law and civil procedure;
Московский университет Министерства Moscow University of the Ministry
внутренних дел Российской Федерации, of the Interior of the Russian Federation,
117437, г. Москва, Академика Волгина, 12 Academician Volgin St. 12, Moscow, 117437,
Russian Federation

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВООЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Реферат. В системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина право на судебную защиту имеет особое значение. Являясь высшим средством защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, предусмотренным национальным законодательством, судебная защита облечена в особую процессуальную форму, предъявляющую ряд требований к действиям лиц, обращающихся в суд. И если в уголовном процессе данные задачи возлагаются на уполномоченные государственные органы (органы обвинения), то в гражданском процессе соблюдение предъявляемых законом требований становится задачей самого заявителя. Способствовать решению этих задач призван институт судебного представительства, выполняющий в гражданском процессе важнейшую правозащитную функцию. Нормативное же закрепление теоретической модели данного правового института имеет некоторые изъяны, вызывающие на практике ряд затруднений в осуществлении процессуальным представителем своих правозащитных функций. Обосновывается необходимость в ходе проводимой судебной реформы закрепления в тексте Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации цели процессуального представительства, которая будет определять назначение и природу названного процессуального института. Миссия гражданско-процессуального представительства должна не только соответствовать интересам доверителя, но и преследовать публичные функции по укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду. Исследуются отдельные аспекты правового статуса процессуального представителя, особенности оформления и реализации его полномочий. Высказываются предложения, направленные на обеспечение реализации конституционных положений о праве на квалифицированную юридическую помощь, определяются основные направления развития правозащитной функции представительства в гражданском процессе.

Ключевые слова: представительство в гражданском процессе, представитель, право на квалифицированную юридическую помощь.

REPRESENTATION IN CIVIL PROCEDURE: ADVOCACY FUNCTION AND ACTUAL ISSUES OF THE LEGISLATION'S IMPROVEMENT

Abstract. The right to judicial protection ranks high in the system of guaranteeing rights and freedoms of man and citizen. Being stipulated by the national legislation supreme means of protection of violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations, judicial protection is presented as a special procedural form, making some demands on claimants' actions. In the criminal procedure such functions are assigned to authorized public agencies (prosecutive bodies), in civil procedure applicants themselves have to comply with these demands. Institution of judicial representation, performing the major advocacy function in civil procedure, is to contribute to fulfilling these tasks. However, procedural representatives can face difficulties when exercising their advocacy functions due to some flaws in the legislation concerning this legal institution's theoretical model. The author proves the necessity to define the goal and nature of procedural representation in the text of the RF Civil Procedure Code during the judicial reform. The mission of such representation must correspond to applicant's interests and also pursue public functions of observing law and maintaining

order, preventing offences and developing respect for law and justice. Some aspects of procedural representative's legal status and specific features of his/her powers' execution and realization are studied. Some proposals on improving the realization of constitutional provisions on the right to qualified legal assistance are made. The main directions of developing the advocacy function of representation in civil procedure are defined.

Keywords: representation in civil procedure, representative, right to qualified legal assistance, advocacy function.

Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина являются важнейшей конституционной обязанностью государства. Конституционные положения о праве частной собственности, свободе предпринимательской и иной экономической деятельности, о праве создания организаций для осуществления данной деятельности расширяют субъектный состав лиц, пользующихся государственной защитой, включая в него всех участников гражданских, трудовых и иных правоотношений.

Российским законодательством предусмотрено большое количество способов защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений, — от самозащиты гражданских прав до обращения к Президенту Российской Федерации как гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем высшим национальным средством защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций является судебная защита.

Выступая гарантией соблюдения интересов всех участников судопроизводства, данный вид правозащитной деятельности государства обременен в особую процессуальную форму, предъявляющую ряд требований к действиям лиц, обращающихся в суд. И если в публичном процессе решение данной задачи возлагается на уполномоченные государственные органы, то в диспозитивном гражданском процессе соблюдение предъявляемых законом требований становится задачей самого заявителя. Способствовать решению этих задач призван институт судебного представительства, выполняющий в гражданском процессе важнейшую правозащитную функцию. Вместе с тем нормативное закрепление теоретической модели данного

правового института имеет некоторые изъяны, вызывающие на практике ряд затруднений в осуществлении процессуальным представителем своих правозащитных функций.

Закрепленное в ст. 48 ГПК РФ право ведения гражданских дел в суде через представителей является важной гарантией обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Наряду с правозащитной функцией участие в деле представителя также способствует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел, что обусловлено преимущественно профессиональным характером данной деятельности, предполагающим знание представителем норм материального и процессуального права, наличие опыта ведения дел в судах, владение навыками сбора и представления доказательств, качественной подготовки процессуальных документов.

Несмотря на многовековую историю существования данного института гражданского процессуального права, отношения представительства в гражданском процессе, правовой статус представителя, нормативное регулирование отношений процессуального представительства остаются предметом серьезных дискуссий в профессиональной среде. В частности, не выработана единая позиция по вопросу о месте представителя среди участников гражданского процесса [1, с. 29-34; 2, с. 94-98], возникают споры о возможности участия юридического лица в качестве представителя [3, с. 30-31], не решен вопрос о юридическом значении объяснений представителя [4, с. 17], нет единого мнения по вопросу об объеме его процессуальных полномочий [5, с. 43-46]. Не получил решения и ряд иных важных для правоприменительной деятельности вопросов участия представителя в гражданском процессе.

Изучение научных статей, анализ судебной практики показывают, что отде-

льные положения ГПК РФ, регулирующие отношения, связанные с участием представителя в гражданском процессе, нуждаются в совершенствовании, а некоторые вопросы процессуального представительства требуют и серьезных концептуальных подходов к своему разрешению, и внесения соответствующих изменений в законодательство.

Одним из важнейших представляется вопрос о цели и задачах участия представителя в гражданском процессе.

Говоря о конституционных основах представительства, следует обратиться к ст. 48 Конституции РФ, закрепившей право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Заключенная в конституционной норме формула об именно квалифицированном характере оказания данной помощи вызывает множество споров в отношении правового статуса представителя и его роли в гражданском процессе.

Достаточно вспомнить дискуссию вокруг ст. 59 АПК РФ, ограничившей перечень субъектов, которые могут выступать представителями организаций в арбитражном суде, их руководителями, лицами, состоящими в штате, либо адвокатами. До принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации* и последующего внесения в данную статью поправок организации и их представители применяли различные схемы обхода данного положения, зачастую связанные с фиктивным зачислением представителей в штат организации.

Несмотря на то, что данный пример касается вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью хозяйствующих субъектов и рассмотрением их споров в арбитражных судах, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении обратил внимание на необходимость соблюдения единых для всех судов конституционных принципов судопроизводства, включая право на судебную защиту и равноправие сторон.

Анализ положений гл. 5 ГПК РФ показывает, что при разработке ее статей законодатель предпринял все меры для соблюдения конституционных и отраслевых принципов судопроизводства, однако некоторые вопросы при внимательном прочтении отдельных норм, как представляется, нуждаются в дополнительном обсуждении и, при необходимости – в корректировке.

Размышления о праве на квалифицированную юридическую помощь неразрывно связаны с изучением цели и задач представителя в гражданском процессе, о которых, как справедливо замечает С.Н. Федулова, закон, вводя институт представительства в гражданском процессе, ничего не говорит [6, с. 28-29].

А ведь нормативное определение цели позволило бы более верно установить место и роль представителя среди субъектов гражданского судопроизводства, а также его участие в решении задач гражданского судопроизводства.

Является ли целью представительства только оказание квалифицированной юридической помощи лицам, участвующим в деле, в осуществлении их процессуальных прав и обязанностей в рамках полномочий, оформленных надлежащим образом [7, с. 14], или это еще и оказание помощи суду в осуществлении правосудия по гражданским делам [8, с. 11]?

Справедливая постановка вопроса. Все участники дискуссии приводят весомые аргументы, но решение так и не найдено, а соответствующая норма не принята [9, с. 12-15]. В результате на практике можно встретить случаи злоупотребления правом со стороны процессуальных представителей, возникают и ситуации, когда они прямо действуют во вред лицу, интересы которого представляют. Нормативная защита от таких злоупотреблений слаба, а суд, руководствуясь принципом равноправия сторон, должен оставаться беспристрастным.

Внесение в текст ГПК РФ положений о целях представительства позволило бы упорядочить деятельность представителей и устранить существующие пробелы в гражданском процессуальном праве.

Например, согласно ст. 49 УПК РФ «защитник – лицо, осуществляющее в ус-

* По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. N 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3282.

тановленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». В ст. 55 УПК РФ говорится, что представителями гражданского ответчика могут быть адвокаты, а представителями гражданского ответчика, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы.

И в первом, и во втором приведенных примерах цели представительства определены. В ст. 48 ГПК РФ лаконично сказано: «Граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей», а как вести эти дела — остается вопросом персональной ответственности самого представителя, поскольку случаи привлечения процессуальных представителей к гражданско-правовой ответственности за некачественное ведение дел практически уникальны.

Следует отметить, что в отношении законных представителей ГПК РФ все-таки определяет такую задачу, как защита в суде прав, свобод и законных интересов недееспособных или не обладающих полной дееспособностью граждан (ст. 52). В данном случае, с одной стороны, добросовестность законных представителей презюмируется в силу их фактических связей с лицами, интересы которых они представляют, с другой — сама норма устанавливает их обязанность по защите соответствующих прав.

Одновременно в ч. 2 рассматриваемой статьи говорится, что по делу, в котором должен участвовать гражданин, признанный в установленном порядке безвестно отсутствующим, в качестве его представителя выступает лицо, которому передано в доверительное управление имущество безвестно отсутствующего. Поскольку обязанность действовать в интересах безвестно отсутствующего нормативно не определена, постольку недобросовестные действия представителя закон не исключает.

Аналогичные сомнения можно высказать и в отношении адвоката, назначенного судом в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также

в других предусмотренных федеральным законом случаях (ст. 50 ГПК РФ).

Важно подчеркнуть, что даже если цель представительства и обязанности представителей по отношению к лицам, дела которых они ведут, нормативно не установлены, процессуальные представители не обязательно будут умышленно действовать во вред доверителям (хотя и исключать такие ситуации нельзя). Оказываемая помощь может быть некачественной, и от некавалифицированных действий также могут наступить неблагоприятные для лица, участвующего в деле, последствия, выразившиеся в невозможности защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

На практике встречаются примеры определения обязанностей и ответственности представителя в соответствующем гражданско-правовом договоре, заключаемом между ним и лицом, чьи интересы он представляет. Но, во-первых, подобное решение объективно не подходит к случаям, предусмотренным ст.ст. 50, 52 ГПК РФ, во-вторых, проект договора, как правило, составляется самим представителем и зачастую не содержит потенциальных санкций, в-третьих, во многих случаях представительства в гражданском процессе подобные договоры вовсе не заключаются.

В решении задачи обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь важно не перестараться и не ввести множество административных барьеров, граничащих с невозможностью реализации права на судебную защиту.

В связи с этим сложно согласиться с предложениями М.В. Богомолова о реализации «концепции профессионального процессуального представительства», основанной на «принципе “профессиональности” оказываемых услуг», которая предполагает введение для потенциальных представителей образовательного ценза, сдачу квалификационных экзаменов и дальнейшую регистрацию лиц, успешно их сдавших, в качестве имеющих право осуществлять процессуально-представительскую деятельность на профессиональной основе с выдачей соответствующего свидетельства, а также создание кодекса профессиональной этики [10, с. 33-36].

По нашему мнению, подобные предложения не в полной мере согласуются с

идеями и принципами гражданского процесса. Расходятся они и с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, высказанными при рассмотрении вопроса о конституционности ст. 59 АПК РФ. В то же время нельзя и полностью отрицать полезность таких предложений. Они, в частности, могут найти применение при создании саморегулируемых организаций судебных представителей или иных форм объединения профессионального сообщества как некая гарантия качества оказываемых услуг. В данном случае сам рынок услуг процессуального представительства заставит остальных придерживаться заданных высоких стандартов.

Объективно существует и необходимость совершенствования положений об оформлении полномочий представителя. В частности, в последние годы в связи с развитием технологий качество документов, переданных на расстоянии посредством информационно-телекоммуникационных сетей, на первый взгляд, не позволяет отличить изготовленную с помощью средств цветной печати копию доверенности от оригинала.

Подобные случаи в ходе рассмотрения дел все чаще становятся предметом отдельного изучения, и данные процедурные нюансы могут увеличивать сроки рассмотрения гражданских дел, а при выявлении процессуальных нарушений — становиться основанием для отмены судебных постановлений.

В обзоре судебной практики за первый квартал 2012 года* Верховный Суд РФ указал, что светокония доверенности является надлежащим документом, подтверждающим полномочия представителя федерального органа исполнительной власти на подачу апелляционной, кассационной или надзорной жалобы, только в том случае, если она заверена согласно ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». Для заверения соответствия копии документа подлиннику ниже реквизита «Подпись» просят заверительную надпись «Верно», должность лица, заверившего копию, его личную подпись, расшифровку подписи

* Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2012 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 10.

(инициалы, фамилию), дату заверения. Копия документа заверяется печатью, определяемой по усмотрению организации.

Казуальный характер данного разъяснения Верховного Суда РФ не предлагает ответ на поставленный вопрос, и даже наоборот, позволяет усомниться в соблюдении равноправия сторон, поскольку возможность предоставления светоконии доверенности подтверждается только в отношении представителей федеральных органов исполнительной власти, а возможность распространения указанного порядка на остальных субъектов гражданского процесса остается под обоснованным сомнением.

В современных условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий, когда используются электронные средства идентификации, граждане имеют возможность совершать юридически значимые действия дистанционно, посредством использования сервисов портала государственных услуг [11], законодательно определен статус электронной подписи**, следует совершенствовать способы оформления полномочий представителя, обеспечивая доступность судебной защиты прав, свобод и законных интересов. Очевидным является и тот факт, что в судах должна быть создана возможность проверки подлинности волеизъявления лица на участие в деле его представителя. Данное направление следует рассматривать как часть концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде***.

В завершение следует обратить внимание и на то, что правовое регулирование представительства в российском гражданском процессе исторически претерпевало довольно незначительные изменения. По структуре изложения и общим подходам к правовому регулированию процессуального представительства положения ГПК РФ не значительно разнятся с соответствующими

** Об электронной подписи: федер. закон от 6 апр. 2011 г. N 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 15. Ст. 2036.

*** Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде: распоряжение Правительства РФ от 25 дек. 2013 г. N 2516-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 2 (ч. II). Ст. 155.

щими нормами Устава гражданского судопроизводства 1864 г., ГПК РСФСР 1923 г., ГПК РСФСР 1964 г.*

При этом Устав гражданского судопроизводства 1864 г., например, содержал развернутый перечень лиц, которые не могут быть представителями (поверенными), из 12 пунктов. ГПК РСФСР 1923 г. устанавливал 4 вида представительства (ст. 15) и определял 4 категории лиц, которые могут быть представителями сторон (ст. 16), ГПК РСФСР 1964 г. расширил перечень лиц, которые могут выступать представителями, до 7 категорий (ст. 44). ГПК РФ также содержит ряд нововведений, однако фундаментальных изменений положения о представительстве не претерпели.

Незавершенность концепции правового регулирования представительства в гражданском процессе в контексте реформы гражданского и процессуального законодательства повлекла повторение в ГПК РФ ранее существовавших ошибок: противоречий, пробелов, коллизий, вызывающих обоснованную критику специалистов.

Не нашли отражения в нормах о представительстве и произошедшие в стране социально-экономические перемены. В частности, справедливость сумм, присуж-

даемых судами на оплату услуг представителя, вызывает у практикующих юристов обоснованные сомнения, а анализ используемых судами категорий «разумность», «чрезмерность» порождает обоснованные научные споры.

Представляется, что совершенствование института представительства в гражданском процессе невозможно без пересмотра отдельных положений гл. 5 ГПК РФ. По нашему мнению, в первую очередь необходимо четкое разделение процессуального представительства на виды, закрепление соответствующих им целей, задач, приведение положений об оформлении полномочий представителя в соответствие с концепцией «электронного правительства», а также установление процессуальных гарантий реализации положений ст. 48 Конституции РФ о праве на квалифицированную юридическую помощь.

Данные изменения, соответствующие концепции проводимой в стране судебной реформы, позволят обеспечить совершенствование реализации правозащитной функции представительства в гражданском процессе, а также решение важнейших задач укрепления законности и правопорядка, предупреждения правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и суду.

* Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб., 1866. Ч. 1. С. 48-49; Собрание узаконений РСФСР. 1923. N 46-47. Ст. 478; Свод законов РСФСР. М., 1987. Т. 8. С. 175.

Список литературы

1. Туманова Л.В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. N 3. С. 29-34.
2. Ласкина Н.В. Судебные представители – лица, участвующие в деле, или лица, содействующие правосудию? // Современное право. 2010. N 3. С. 94-98.
3. Карпычев М.В. Некоторые проблемы представительства при осуществлении защиты гражданских прав // Российский судья. 2008. N 10. С. 30-31.
4. Вандраков С.Ю. Использование судом объяснений представителя в гражданском процессе // Исполнительное право. 2010. N 3. С. 16-18.
5. Вандраков С.Ю. Проблемы института признания факта в судебном процессе // Юрист. 2012. N 14. С. 43-46.
6. Федулова С.Н. Правовой статус представителя в гражданском процессе // Адвокатская практика. 2013. N 1. С. 28-29.
7. Булдакова А.А. Положение органов, выступающих в суде от имени юридических лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. N 6. С. 12-14.
8. Ильинская И.М., Лесницкая Л.Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. М.: Юрид. лит., 1964. 163 с.
9. Ивакин В. К вопросу о целях судебного представительства по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. N 10. С. 12-15.

10. Богомолов М.В. Актуальные проблемы института процессуального представительства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. N 1. С. 33-36.

11. URL: <http://www.gosuslugi.ru>

References

1. Tumanova L.V. *Nekotorye voprosy predstavitel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Some issues of representation in civil proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* – Arbitration and civil procedure, 2010, no. 3, pp. 29-34.

2. Laskina N.V. *Sudebnye predstaviteli – litsa, uchastvuyushchie v dele, ili litsa, sodeystvuyushchie pravosudiyu?* [Judicial representatives – persons involved in the case, or the person promoting justice?]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law, 2010, no. 3, pp. 94-98.

3. Karpychev M.V. *Nekotorye problemy predstavitel'stva pri osushchestvlenii zashchity grazhdanskikh prav* [Some problems of representation in the defense of civil rights]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian judge, 2008, no. 10, pp. 30-31.

4. Vandrakov S.Yu. *Ispol'zovanie sudom ob'yasneniy predstavatelya v grazhdanskom protsesse* [Using explanations court representative in civil proceedings]. *Ispolnitel'noe pravo* – Executive Law, 2010, no. 3, pp. 16-18.

5. Vandrakov S.Yu. *Problemy instituta priznaniya fakta v sudebnom protsesse* [Problems of Institute in recognition of the fact in the judicial process]. *Yurist* – Lawyer, 2012, no. 14, pp. 43-46.

6. Fedulova S.N. *Pravovoy status predstavatelya v grazhdanskom protsesse* [Legal status of the representative in civil proceedings]. *Advokatskaya praktika* – Law practice, 2013, no. 1, pp. 28-29.

7. Buldakova A.A. *Polozhenie organov, vystupayushchikh v sude ot imeni yuridicheskikh lits* [Position of acting in court on behalf of legal entities]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* – Arbitration and civil procedure, 2010, no. 6, pp. 12-14.

8. Il'inskaya I.M., Lesnitskaya L.F. *Sudebnoe predstavitel'stvo v grazhdanskom protsesse* [Legal representation in civil proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964. 163 p.

9. Ivakin V. *K voprosu o tselyakh sudebnogo predstavitel'stva po grazhdanskim delam* [On the purpose of legal representation in civil cases]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* – Arbitration and civil procedure, 2006, no. 10, pp. 12-15.

10. Bogomolov M.V. *Aktual'nye problemy instituta protsessual'nogo predstavitel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Actual problems of the institute procedural representation in civil and arbitration proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* – Arbitration and civil procedure, 2013, no. 1, pp. 33-36.

11. Available at: <http://www.gosuslugi.ru>

Раздел 3. Уголовный закон

ЦЫГАНКОВ С.Л., klop561@mail.ru	TSYGANKOV S.L., klop561@mail.ru
Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	Chair of the legal training of law enforcement officers'; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА

Реферат. Представляются результаты изучения автором материалов арбитражно-судебной практики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на основе которых оценивается реализация неотвратимости наказания за преступления в сфере банкротства. Предмет эмпирического исследования образуют пятьдесят арбитражных дел, возбужденных по факту банкротства предприятий. В ходе изучения материалов практики особое внимание уделено анализу отчетов арбитражных управляющих, в которых исследовались признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, что имеет важное уголовно-правовое значение. Наряду с арбитражными делами автор проанализировал действующее законодательство и последние научные разработки. Установлены достаточные данные, позволяющие сделать вывод о низких реальных показателях выявления и, как следствие, высокой степени латентности преступлений в сфере банкротства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (что позволяет экстраполировать это предположение и на другие регионы Российской Федерации). Одной из весомых причин высокой латентности названных преступлений выступает недостаточное взаимодействие правоохранительных органов, призванных выявлять преступления в сфере экономики с арбитражными управляющими, непосредственно (фактически) выявляющими преступления в сфере банкротства. В порядке решения этой проблемы предлагается обязательное участие представителей правоохранительных органов вместе с арбитражными управляющими в процессе проверки правомерности действий хозяйствующих субъектов в ходе процедуры банкротства, а также возложение на них ответственности за формулирование выводов в материалах проверки о наличии или отсутствии признаков соответствующих составов преступлений. Такая оценка может оформляться в виде утверждения заключений, подготавливаемых по результатам проверки, либо в виде обязательного вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: преступления в сфере банкротства, практика применения уголовного законодательства, арбитражный управляющий, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, правоохранительные органы.

UNAVOIDABILITY OF PUNISHMENT AND JUDICIAL PRACTICE OF APPLYING RULES PROVIDING LIABILITY FOR BANKRUPTCY CRIMES

Abstract. The results of studying the materials of arbitration judicial practice of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra are provided. The implementation of unavailability of punishment for bankruptcy crimes is evaluated basing on these results. While studying practice materials (fifty arbitration cases) special attention is paid to analyzing reports of trustees in bankruptcy devoted to investigation of fictitious and deliberate bankruptcy. It has great criminal law significance. The existing legislation and recent scientific elaborations are analyzed along with arbitration cases. Obtained data results allow to make a conclusion of the low revelation rate and high latency level of bankruptcy crimes in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug which allows to extrapolate this assumption to other RF regions. One of the influential reasons of high latency of these crimes is insufficient cooperation of law enforcement agencies and trustees in bankruptcy actually revealing bankruptcy crimes. To solve this problem it is proposed that law enforcement agencies representatives and trustees in bankruptcy should participate in the process of checking the legitimacy of management actions during bankruptcy procedure and accept responsibility for formulating conclusions in materials of

checking presence or absence of signs of relevant elements of crime. Such evaluation can take form of approved resolutions being prepared according to checking results or as a compulsory resolution on dismissal of criminal case initiation.

Keywords: bankruptcy crimes, practice of applying criminal law, trustee in bankruptcy, fictitious bankruptcy, deliberate bankruptcy, law enforcement agencies.

Анализируя проблему неотвратимости наказания за преступления в сфере банкротства, уместно начать с общетеоретических основ самого понятия неотвратимости наказания. Принцип неотвратимости наказания является одним из основных в классической школе уголовного права. Суть его ясна и понятна даже для неспециалиста — каждое преступление должно влечь за собой реакцию государства. При этом отметим, что сформулированный еще Ч. Беккариа как принцип быстрого и неотвратимого наказания [1, с. 115-116], указанный принцип претерпел существенные изменения за период эволюции классической школы уголовного права.

Исключения из принципа неотвратимости наказания могут быть обусловлены как структурой самого уголовного закона, так и практикой его применения. Наиболее ярким примером нестандартной реализации принципа неотвратимости наказания является институт освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания. Существование этого института создает немалые проблемы для классической теории уголовного права в силу того, что предусматривает широкие возможности для неприменения мер уголовной ответственности к лицам, виновным в совершении преступлений [2, с. 346-357].

Что же касается проблемы неотвратимости наказания, порожденной практикой применения уголовного закона, то в данном случае мы имеем в виду в первую очередь латентную преступность.

Проведенное нами исследование 50 арбитражных дел, возбужденных по факту банкротства предприятий, показывает, что как минимум в 7 из них содержатся признаки преступного банкротства. При этом не всегда даже очевидные признаки преступного банкротства приводят к возбуждению уголовного дела.

Так, решением Арбитражного суда ХМАО — Югры от 19 декабря 2005 г. должник ООО «Н-с» было признано несостоятельным (банкротом), и в отношении его открыто конкурсное производство

сроком на один год. Конкурсным управляющим утвержден К. В ходе конкурсного производства от реализации имущества и взыскания дебиторской задолженности было получено 1 689 403 руб. 02 коп. Определением Арбитражного суда ХМАО — Югры от 21 мая 2007 г. ООО «Н-с» было признано банкротом.

Арбитражным управляющим было проведено исследование наличия признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, что было отражено в имеющемся в материалах дела отчете. Анализу подвергались сделки в период с 1 января 2003 г. по 1 января 2005 г.

Анализ проводился в два этапа. В ходе первого этапа анализировались значения и динамика коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, рассчитанных за исследуемый период в соответствии с Правилами проведения арбитражным управляющим финансового анализа, утвержденными Правительством Российской Федерации. Проведение второго этапа было обусловлено установлением на первом этапе существенного ухудшения двух и более коэффициентов и состояло в выявлении сделок, которые были причиной такого ухудшения.

Во время проведения первого этапа исследования было установлено, что руководителем должника либо ответственным лицом, выполняющим управленческие функции в отношении должника, могли совершаться действия, не соответствовавшие рыночным условиям и обычаям делового оборота, которые могли стать причиной возникновения неплатежеспособности должника.

Во время второго этапа анализа признаков преднамеренного банкротства были проанализированы конкретные сделки ООО «Н-с» с другими хозяйствующими субъектами, в результате чего был сделан вывод о том, что анализируемые сделки были направлены не на установление каких-либо прав и обязанностей, а на вывод активов должника. Кроме того, арбитражный управляющий пришел к выводу о том, что имело место намеренное

увеличение не обеспеченной дебиторской задолженности с целью непогашения требований кредиторов.

Так, например, сделка с ООО «С-У» на поставку запасных частей характеризовалась следующими признаками: оригинал договора отсутствовал, поставка автомобильных запчастей в сроки произведена не была, однако обе стороны произвели передачу векселей в качестве оплаты, при этом ООО «С-У» предоставило вместо запчастей вексель, выданный от имени несуществующего векселедателя – ООО «И-с». Указанная сделка причинила ООО «Н-с» реальный ущерб в сумме 7 млн руб.

Сделка с ООО «Р-з» причинила ущерб в размере 23 625 000 рублей, при этом ООО «Р-з» не произвело оплату товара ни по одной отгрузке, произведенной ООО «Н-с». Также к числу вызвавших подозрение управляющего признаков следует отнести то, что местом заключения сделки с «Р-з» был указан г. Екатеринбург, при этом никаких документов, свидетельствующих о том, что сотрудники ООО «Н-с» выезжали в этот город, не было обнаружено.

Кроме того, имели место и мнимые сделки. Так, по договору перевода долга от 8 октября 2004 г. ЗАО «Л.-М. С.» приняла на себя обязательство ЗАО «Н.-Л.» перед ООО «Н-с» в части возврата кредитору долга. При этом договор в переданной управляющему документации отсутствовал, а само ЗАО «Л.-М. С.» обладало признаками отсутствующего должника – адрес данного хозяйствующего субъекта оказался фиктивным. Данная сделка причинила ущерб ООО «Н-с» на сумму 834 тыс. руб.*

По данному факту уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ, возбуждено не было.

Несмотря на изложенное выше, следует заметить, что не всегда должникам – недобросовестным банкротам удается избежать ответственности. Иногда упорство арбитражных управляющих приводит к тому, что недобросовестные должники несут уголовную и гражданско-правовую ответственность.

Решением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 21 декабря 2009 г. ООО «Турфирма "В."»

признано несостоятельным (банкротом), и в отношении его введена процедура управления, назначен арбитражный управляющий. В обоснование заявленного требования ООО «Т-р» указывает на наличие задолженности в размере 2 642 110 руб. 74 коп., которая не исполнена им более трех месяцев и подтверждена вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Арбитражным управляющим была назначена аудиторская проверка, задачей которой являлось определение наличия (отсутствия) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, для чего были подвергнуты исследованию учредительные документы должника, договоры хозяйственной деятельности за 2008-2009 гг., ведомости бухгалтерского учета, материалы судебного процесса по требованиям ООО «З-р» и иные материалы и документы. В результате проверки временным управляющим при анализе сделок должника выявлены признаки преднамеренного банкротства:

– закрытие всех расчетных и валютных счетов, принадлежащих ООО «Турфирма "В."» в течение одного месяца после признания в судебном порядке требований ООО «Т-р»;

– предположительная оплата расходов других юридических фирм за счет средств ООО «Турфирма "В."»;

– вывод активов первоначальной стоимостью 446 808 руб.

При дальнейшей проверке были установлены и другие существенные нарушения. В частности, ООО «Турфирма "В."», потерявшая статус туроператора в силу исключения из Единого федерального реестра туроператоров и не имеющая права после 30 апреля 2009 г. заключать договоры с иностранными туроператорами, заключила договор с фирмой «TEZ TOUR LTD», на общую сумму 65 000 долларов США. В претензии, направленной руководителю «TEZ TOUR LTD» конкурсным управляющим, указано: «Действия по заключению заведомо незаконного договора и перечислению денежных средств в сумме 65 000 долларов, в рублевом эквиваленте 2 002 344 руб. 50 коп. носят умышленный характер с целью вывода денежных активов ООО «Турфирма "В."» и неисполнения

* Дело N А75-9097/2005 // Архив Арбитражного суда ХМАО – Югры.

обязательств по выплате задолженности в пользу ООО «Т-р» денежных средств в сумме 2 642 110 руб. 74 коп. по решению Арбитражного суда ХМАО – Югры»*.

По инициативе конкурсного управляющего Арбитражным судом ХМАО – Югры было утверждено мировое соглашение, которое до обращения конкурсного управляющего в суд было утверждено решением собрания кредиторов ООО «Турфирма "В."». Согласно итогам голосования, единственный кредитор ООО «Т-р» проголосовал за 2 616 117 руб. 64 коп.

Кроме того, как усматривается из определения, конкурсным управляющим поставлен вопрос перед органами предварительного следствия о возбуждении уголовного дела.

Как представляется, главной проблемой, порождающей безнаказанность лиц, совершающих данные преступления, является слабый механизм реагирования на выявленные в ходе процедуры банкротства признаки преступлений. Дело в том, что при выявлении таких признаков арбитражный управляющий направляет указанные материалы в органы внутренних дел, компетентные осуществлять их проверку в рамках уголовного судопроизводства. Однако, как заявили опрошенные арбитражные управляющие, органы внутренних дел крайне неохотно идут на то, чтобы возбуждать уголовные дела по представленным им материалам. Выход видится в том, чтобы обязать арбитражный суд в случае обнаружения признаков криминального банкротства направлять в соответствующие органы частное определение о выявленных фактах.

Считаем справедливым мнение большинства авторов о том, что преступление, квалифицируемое по ст. 197 УК РФ, выражается в совершении процессуальных действий, предусмотренных законодательством о несостоятельности, а сообщение о своей несостоятельности, сделанное вне предусмотренной законом процедуры, не образует фиктивного банкротства, а может образовать состав иного преступления [3, с. 441; 4; 5, с. 133; 6; 7, с. 14]. С этой целью должник подает в арбитражный суд в письменной форме заявление, в котором содержатся сведения,

касающиеся кредиторов, расшифровка кредиторской и дебиторской задолженностей, бухгалтерский баланс и др. Если эти данные не соответствуют реальному финансовому состоянию коммерческой организации или индивидуального предпринимателя, а свидетельствуют о якобы имеющейся несостоятельности должника, то подача указанного заявления образует состав такого преступления, как фиктивное банкротство [8].

Очевидно, что такой обширный перечень документов создает серьезные препятствия для лица, желающего ложно объявить себя или возглавляемое им предприятие банкротом. Так, например, ООО «Ш. нефтесервисная компания» обратилось в Арбитражный суд ХМАО – Югры с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом) по упрощенной процедуре банкротства как ликвидируемого должника. В качестве обоснования заявитель сослался на факт нахождения в процедуре ликвидации с февраля 2008 г., а также на невозможность удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, поскольку размер задолженности превышает размер имеющегося у должника имущества.

В удовлетворении заявления Арбитражный суд ХМАО – Югры отказал исходя из следующего: кредиторская задолженность, которая не оспаривалась должником, составляла 39 999 078 руб. 18 коп., в том числе 22 615 480 руб. 99 коп. – задолженность перед ООО «Бурение сервис» по договору займа N 2 от 21 августа 2007 г., из которых 18 750 342 руб. – основной долг, 3 865 138 руб. 99 коп. – проценты по займу. Согласно пунктам 1.2, 2.4 указанного договора «Ш. нефтесервисная компания» была обязана возвратить заем по истечении года с момента его получения, т.е. после 21 августа 2008 г. Следовательно, срок исполнения обязательства, на которое ссылался заявитель, на момент подачи заявления в суд и на момент судебного разбирательства не наступил. Кроме того, суд также посчитал, что должник указал не все имущество, которое ему принадлежало**.

Таким образом, из числа исследованных материалов 14 % содержали при-

* Дело N А 75-1223/2009 // Архив Арбитражного суда ХМАО – Югры.

** Определение по делу N А75-3967/2008 // Архив Арбитражного суда ХМАО – Югры.

знаки преступлений, связанных с преступным банкротством. Что же можно предложить? Обосновывая необходимость принятия тех или иных организационно-правовых мер по выявлению преступлений в сфере банкротства, изначально необходимо описать процедуру выявления данных общественно опасных деяний, которая установлена современным российским законодательством.

В первую очередь следует назвать Временные правила проверки арбитражными управляющими наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. N 855*. Временные правила представляют собой перечень действий, которые должен выполнить арбитражный управляющий для выявления признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

К числу признаков преднамеренного банкротства Правила относят:

1. Совершение сделок и действий (бездействие) органов управления должника, противоречащие законодательству Российской Федерации.

2. Совершение сделок, заключенных или исполненных на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послуживших причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинивших реальный ущерб должнику в денежной форме.

К сделкам, заключенным на условиях, не соответствующих рыночным условиям, Правила относят:

— сделки по отчуждению имущества, принадлежащего должнику, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на замещение имущества должника менее ликвидным;

— сделки купли-продажи, осуществляемые с имуществом должника, заключенные на заведомо невыгодных условиях, осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника;

— сделки, связанные с возникновением обязательств у должника, не обеспеченные имуществом, влекущие за собой приобретение неликвидного имущества;

— сделки по замене одних обяза-

тельств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях. Заведомо невыгодные условия сделки, заключенной должником, могут касаться, в частности, цены имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделке.

Для определения фиктивного банкротства Правила требуют провести анализ значений и динамики коэффициента абсолютной ликвидности, коэффициента текущей ликвидности, показателя обеспеченности обязательств должника его активами, а также степени платежеспособности по текущим обязательствам должника и сделать вывод о наличии возможности признаков фиктивного банкротства должника.

В случае, если анализ значений и динамики соответствующих коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, указывает на отсутствие у должника возможности рассчитаться по своим обязательствам, делается вывод об отсутствии признаков фиктивного банкротства должника.

По результатам проверки арбитражным управляющим составляется заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Заключение должно содержать необходимые для официального документа атрибуты: дату и место составления заключения, сведения об арбитражном управляющем и саморегулируемой организации, членом которой он является, наименование арбитражного суда, реквизиты дела (решения) суда о банкротстве, реквизиты должника.

Основным содержанием заключения должен являться вывод о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства: расчеты и обоснования вывода о наличии (отсутствии) признаков фиктивного банкротства, расчеты и обоснования вывода о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства с указанием сделок должника и действий (бездействия) органов управления должника, проанализированных арбитражным управляющим, а также сделок должника или действий (бездействия) органов управления должника, которые стали причиной или могли стать причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и (или)

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 52 (ч. II). Ст. 519.

причинили реальный ущерб должнику в денежной форме, вместе с расчетом такого ущерба (при наличии возможности определить его величину).

В случае невозможности проведения проверки управляющий должен также отразить данный факт в своем заключении.

Заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства представляется собранию кредиторов, арбитражному суду, а также не позднее 10 рабочих дней после подписания – в органы, должностные лица которых уполномочены в соответствии с КоАП РФ составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 14.12 Кодекса, для принятия решения о возбуждении производства по делу об административном правонарушении.

В случае, если в заключении о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства устанавливается факт причинения крупного ущерба, оно направляется только в органы предварительного расследования.

Какие недостатки данных Правил мы можем отметить?

Во-первых, Правила фактически возлагают на управляющего функцию правовой оценки деятельности должника. Адрес, в который должно быть направлено заключение управляющего, зависит от того, признает ли он наличие признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Очевидно, что управляющий не может исполнять такую функцию, выходящую далеко за пределы его полномочий, предоставленных ему законом.

Во-вторых, Правила не содержат в себе признаков крупного ущерба. Одновременно с заключением о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства арбитражный управляющий представляет в указанные органы результаты финансового анализа, проводимого в соответствии с Правилами проведения арбитражным управляющим финансового анализа, а также копии документов, на основании которых сделан вывод о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

Кроме того, приказом Министерства экономического развития РФ от 5 февраля 2009 г. N 35 были утверждены Мето-

дические рекомендации по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных статьей 196 УК РФ (далее – Методические рекомендации N 1), а также Методические рекомендации для специалистов, привлекаемых к участию в процессуальных действиях при проверке следователем сообщений о преступлениях, предусмотренных статьей 196 УК РФ (далее – Методические рекомендации N 2)*.

Методические рекомендации N 1 представляют собой некие обобщенные указания лицу, производящему следствие, а также эксперту, осуществляющему экспертизу, о порядке организации и проведения финансово-экономической экспертизы в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ.

В частности, в них содержится:

– перечень вопросов, которые названы типовыми. Учитывая то обстоятельство, что в соответствии с УПК РФ вопросы к эксперту формулирует лицо, назначившее экспертизу, данные вопросы следует рассматривать как обращенные в первую очередь к тем лицам, которые проводят предварительное расследование по данным категориям уголовных дел;

– перечень источников информации, из которых эксперт должен черпать сведения для проведения экспертизы;

– рекомендации по организации самой экспертизы.

Методические рекомендации N 2 адресованы специалистам, привлекаемым для участия в процессуальных действиях по данной категории уголовных дел. В них содержится указание на источники информации для проведения исследования; вопросы, которые может предложить для экспертного исследования специалист, указание, в каких действиях и как при проведении расследования может участвовать специалист.

В целом следует отметить, что ряд вопросов вызывает правовой статус дан-

* Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных рекомендаций. Как известно, Министерство экономического развития России не уполномочено осуществлять следственные или оперативные действия по уголовным делам. Также ему не подчиняются и иные государственные органы, компетентные заниматься указанной деятельностью. Почему же тогда данное министерство дает подобные рекомендации? Считаем, что в данном случае необходимо разработать и принять межведомственный документ.

Кроме того, очевидно, что авторитет арбитражного управляющего недостаточен для того, чтобы заставить полноценно работать правовой механизм привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство. В силу указанных причин вполне очевидно, что в проверке наличия (отсутствия) признаков преступного банкротства должны принимать участие сотрудники правоохранительных органов, что позволит гораздо оперативнее выявлять преступления в сфере банкротства и соответствующим образом реагировать на данные преступления.

С целью повышения ответственности сотрудников правоохранительных органов, принимающих участие в подобных проверках, следует обязать их либо утверждать указанное заключение, либо выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в обязательном порядке. Данная мера будет способствовать повышению ответственности сотрудников правоохранительных органов, которые, принимая властное решение по результатам проверки, будут гораздо

внимательнее относиться к процедуре ее производства. Кроме того, принятие процессуального решения в рамках уголовного процесса, безусловно, повысит значимость итогового решения по результатам проверки.

Подведем итоги:

1. В ходе проведенного исследования получены достаточные данные, позволяющие сделать вывод о высокой степени латентности такого вида преступлений, как преступления в сфере банкротства, как минимум в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

2. Одна из причин высокой латентности рассматриваемого вида преступлений заключается в низком уровне взаимодействия между правоохранительными органами, призванными выявлять преступления в сфере экономики, и арбитражными управляющими, непосредственно занимающимися выявлением преступлений в сфере банкротства.

3. В качестве решения указанной проблемы предлагается разделение функций и ответственности между правоохранительными органами и арбитражными управляющим, заключающееся в том, что представители правоохранительных органов обязуются участвовать в процедуре проверки правомерности действий хозяйствующих субъектов в ходе процедуры банкротства наряду с арбитражными управляющими, и, более того, несут основную ответственность за выводы о наличии или отсутствии признаков состава преступления по результатам проверки.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях М.: Инфра – М., 2004. 184 с.
2. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. 544 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1998.
4. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рапога. М.: Юрист, 2004. 671 с.
5. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999. 312 с.
6. Кузнецова О. Эффективно или фиктивно? // ЭЖ-Юрист. 2004. N 5. URL: http://www.gazeta-yurist.ru/new_paper/ (дата обращения: 2 марта 2014 г.).
7. Колб Б. Объективная сторона криминальных банкротств // Законность. 2001. N 1. С. 13-15.
8. Карпович О.Г. Об ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство // Юрист. 2005. N 2. С. 41-45.

References

1. Bakkaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, Infra – M Publ., 2004. 184 p.
2. Golovko L.V. *Al'ternativy ugovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to prosecution in modern law]. St. Petersburg, 2002. 544 p.
3. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 1998.
4. *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. Special Part]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 671 p.
5. Volzhenkin B.V. *Ekonomicheskie prestupleniya* [Economic crimes]. St. Petersburg, 1999. 312 p.
6. Kuznetsova O. *Effektivno ili fiktivno?* [Effective or fictitious?]. *EZh-Yurist* – *EZh-Lawyer*, 2004, no. 5. Available at: http://www.gazeta-yurist.ru/new_paper/ (accessed 2 March 2014).
7. Kolb B. *Ob'ektivnaya storona kriminal'nykh bankrotstv* [Objective side criminal bankruptcy]. *Zakonnost'* – *Legality*, 2001, no. 1, pp. 13-15.
8. Karpovich O.G. *Ob otvetstvennosti za prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo* [Of liability for intentional and fictitious bankruptcy]. *Yurist* – *Lawyer*, 2005, no. 2, pp. 41-45.

КАНУННИКОВА Н.Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
natali6977@yandex.ru
Кафедра организации
правоохранительной деятельности;
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал)
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
360016, Кабардино-Балкарская Республика,
г. Нальчик, Мальбахова, 123

KANUNNIKOVA N.G.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
natali6977@yandex.ru
Chair of law enforcement activities
organization;
North Caucasus Advanced
Training Institute (branch)
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Malbakhova St. 123, Nalchik, 360016,
Kabardino-Balkar Republic,
Russian Federation

СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Реферат. Экстремизм как сложное негативное социальное явление, характеризующееся проявлениями приверженности к крайним взглядам и действиям, направленным на насильственное разрешение конфликтов, давно известен нашему обществу и государству. Общественная опасность экстремизма возрастает год от года, официальная статистика свидетельствует о росте числа преступлений экстремистской направленности. Законодатель и правоприменитель должны объединить свои усилия в поиске оптимальной стратегии противодействия экстремизму. В современной отечественной юриспруденции существует множество научных мнений, трактовок, подходов, определяющих сущность понятия «экстремизм», которые имеют право на существование и дают его различные правовые интерпретации. Целью статьи является рассмотрение вопросов судебного толкования и правоприменительной практики ответственности за преступления экстремистской направленности. Необходимость данной целевой установки обусловлена недавними изменениями уголовного законодательства, добавившими ряду составов преступлений квалифицирующие признаки. Перечисляются и анализируются нормативные правовые акты, определяющие уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями экстремистской направленности. Обосновывается положение о том, что для определения экстремистского сообщества как специального вида преступного сообщества необходимо применение признаков, характеризующих организованную группу. Сопоставляются санкции статей 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения адекватности увеличения общественной опасности и соизмеримости с принципом справедливости. На основе анализа диспозиции статьи 282.2 УК РФ предлагается дополнить ее (исключив из главы 29 УК РФ) главу 31 УК РФ, видовым объектом посягательства в которой указаны интересы правосудия. Обосновываются теоретические предложения о введении в уголовное законодательство ответственности за первичное создание экстремистской организации.

Ключевые слова: экстремизм, уголовная ответственность, законодательство о противодействии экстремистской деятельности, экстремистская организация, экстремистское сообщество.

MODERN CRIMINAL LAW MEANS FOR COMBATING EXTREMIST CRIMES

Abstract. Extremism is a long-known complex social phenomenon characterized by adherence to extreme views and actions aimed at violent conflict resolving. According to official statistics the number of extremist crimes is increasing in recent years. Legislation and law enforcement need to cooperate in searching for optimal strategy of combating extremism. In modern jurisprudence there are many scientific opinions, explanations and approaches defining the concept "extremism" and giving its legal interpretations. The issues of judicial interpretation and law enforcement practice of responsibility for extremist crimes are considered in the article due to recent criminal legislation's changes adding qualificatory indications to some elements of crime. Statutory acts defining criminal and legal means of combating extremist crimes are given and analyzed. The use of features characterizing an organized group is proved to be necessary for defining extremist community as a special kind of criminal community. The sanctions of the Articles 282.1 and 282.2 of the RF Criminal Code are compared in terms of adequacy of public danger increase and comparability with the concept of justice. The disposition of Article 282.2 of the RF Criminal Code is analyzed by the author. It is proposed to expunge it from Chapter 29 of the RF Criminal Code and insert it into Chapter 31, which implies the encroachment on

the interests of justice. The theoretical proposals on introducing criminal responsibility for primary forming of an extremist organization into the criminal legislation are proved.

Keywords: extremism, criminal responsibility, counter-extremism legislation, extremist organization, extremist community.

Ни для кого не секрет, что в последние годы возросла общественная опасность экстремизма. Анализ данных, предоставленных МВД России, демонстрирует динамичный рост числа преступлений экстремистской направленности. За последние десять лет регистрация таких преступлений выросла в 4,5 раза (со 157 в 2003 году до 696 в 2012 году). В 2013 году уже было зарегистрировано 661 преступление террористического характера и 896 — экстремистской направленности*.

Экстремизм в своем практическом проявлении можно представить как пропаганду радикальных идей, догм, доктрин с целью устранить возможность осуществления свободного распространения идей и обмена ими, установить собственную идеологию в качестве государственной. Некоторые ученые-юристы в своих трудах по вопросам терроризма характеризуют экстремизм как «агрессивное поведение (настрой) личности, наиболее существенными внешними проявлениями которого служат нетерпимость к мнению оппонента, ориентированному на общепринятые в обществе нормы; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы...» [1, с. 16].

В современной отечественной юриспруденции существует множество научных мнений, трактовок, подходов, определяющих сущность понятия «экстремизм», которые имеют право на существование и представляют его различную правовую «палитру». Вместе с тем мы не ставим своей целью формулировать новые теоретические «выкладки» относительно сущности понятия данного явления. Наша цель — рассмотреть вопросы судебного толкования и правоприменительной практики относительно ответственности за преступления экстремистской направленности. Необходимость данной целевой установки обусловлена изменениями уголовного законодательства, добавившими ряду составов преступлений квалифицирующие признаки, повлекшие за собой изменения правоприменительной практики.

* URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports>

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) понятие «экстремизм» впервые появилось после изменений, внесенных Федеральным законом от 25 июля 2002 г. N 112-ФЗ**, которым была отредактирована диспозиция статьи 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», а также введены в уголовный закон две новых статьи антиэкстремистской направленности: ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации».

Был также очерчен круг преступлений экстремистской направленности — в диспозиции ст. 282.1 УК РФ к таковым отнесены восемь статей: 148, 149, 213, 214, 243, 244, 280, 282 УК РФ.

Но этот перечень из-за своей чрезмерной узости сдерживал все более усиливавшуюся борьбу с этим социальным злом. В связи с этим 24 июля 2007 г. редакция ст. 282.1 УК РФ была изменена путем удаления вышеупомянутого перечня из ее диспозиции и введения примечания второго к этой статье, согласно которому под преступлениями экстремистской направленности стали пониматься деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ***.

** О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 112-ФЗ: ред. от 29 дек. 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3029; 2012. N 53 (ч. 1). Ст. 7598.

*** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федер. закон от 24 июля 2007 г. N 211-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 31. Ст. 4008.

Кроме того, 28 июня 2011 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»*. Вслед за опубликованием данного постановления в центральной печати появился Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму**. По состоянию на февраль 2013 года Перечень содержит сведения о более чем полутора тысячах таких организаций и физических лиц. Также вышел в свет Федеральный список экстремистских материалов, в котором по состоянию на январь 2014 года значится 2 197 позиций***.

Работа над пакетом антитеррористических поправок была ускорена после произошедших подряд двух терактов в Волгограде в конце декабря 2013 года. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Федеральный закон от 3 февраля 2014 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»****, ужесточающий минимально возможное наказание за преступления, связанные с экстремистской деятельностью. Новая редакция предполагает повышение нижнего предела санкции по статье о публичных призывах к экстремизму (штраф в размере 300 тысяч рублей вместо 100 тысяч или лишение свободы на срок 4 года вместо прежней нормы — до трех лет). Кроме того, по статье 282 (возбуждение ненависти или вражды либо унижение человеческого достоинства) увеличен с двух до четырех

лет срок принудительных работ, минимальная сумма штрафа увеличена со 100 до 300 тысяч рублей. Также ужесточены меры наказания по статье об организации экстремистского сообщества. Сумма штрафа увеличена до 500 тысяч рублей, а срок лишения свободы — до шести лет (в прежней редакции — до четырех лет).

На первый взгляд, правоохранные органы располагают на сегодняшний день весомым арсеналом для эффективной борьбы с экстремизмом. Спектр имеющихся уголовно-правовых средств достаточно широк. Вместе с тем считаем необходимым высказать ряд критических замечаний, касающихся уголовно-правового характера определения вида и объема мер уголовной репрессии, устанавливаемой законодателем.

Любому юристу, специализирующемуся в области уголовного права, известно, что из двух разновидностей соучастия, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УК РФ, — преступного сообщества и преступной организации — опаснее последняя, поскольку представляет собой более сложное объединение действующих под единым руководством структурированных организованных групп.

УК РФ определяет экстремистское сообщество как организованную группу лиц, что порождает определенные противоречия в терминологии, «в рамках диспозиции статьи смешиваются понятия “организованная группа” и “преступное сообщество”» [2, с. 9].

В соответствии с ч. 3 и ч. 4 ст. 35 УК РФ организованная группа и преступное сообщество представляют собой самостоятельные формы соучастия. Таким образом, исходя из законодательного определения экстремистского сообщества, следует сделать вывод о том, что экстремистское сообщество представляет собой форму соучастия, для которой характерны признаки организованной группы и необязательны дополнительные признаки, характеризующие преступное сообщество. Однако такой подход представляется ошибочным, поскольку, во-первых, преступное сообщество является организованной группой с дополнительными признаками сплоченности и нацеленности на совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Во-вторых, создание организованной группы для совершения преступлений экстремистской направленности озна-

* О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля.

** Впервые опубликован в «Российской газете» 6 июля 2011 г., в последующем неоднократно редактировался.

*** Список неоднократно редактировался, последние изменения и дополнения опубликованы в «Российской газете» 22 января 2014 г.

**** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 3 февр. 2014 г. N 5-ФЗ // Рос. газ. 2014. 5 февр.

чает фактически объединение для совершения наиболее опасных преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной религиозной ненависти или вражды (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 117 УК РФ). В случаях, когда группа совершает иные преступления, отнесенные к категории преступлений небольшой либо средней тяжести, с указанной мотивацией, она или не обладает признаками организованной группы, или совершает эти преступления наряду с перечисленными выше тяжкими либо особо тяжкими преступлениями.

В научной литературе выделяются дополнительные признаки, позволяющие на практике выявить и определить преступное объединение как экстремистское сообщество. К ним, в частности, относят:

- разработку форм и методов преступной деятельности, единых конкретных преступных целей;

- планирование преступлений с распределением ролей и обязанностей каждого соучастника при их подготовке, совершении и сокрытии;

- рекламирование экстремистской идеологии через средства массовой информации и др. [3, с. 587-588].

Следует отметить, что перечисленные признаки имеют больше практическое, нежели теоретическое значение, и позволяют на практике выявить конкретные проявления в преступной деятельности экстремистского сообщества законодательно определенных признаков. По нашему мнению, рассматривая экстремистское сообщество как специальный вид преступного сообщества (преступной организации), для его определения как такового следует в обязательном порядке применять все признаки, которые предусмотрены для организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ), а также дополнительные признаки преступного сообщества (ч. 4 ст. 35 УК РФ) и экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и примечание 2 к указанной статье).

Вместе с тем санкция основного состава ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (т.е. одной структурированной организованной группы) предусматривает меньший объем мер уголовной репрессии, чем ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» (т.е. объединение дей-

ствующих под единым руководством структурированных организованных групп).

Их сопоставление позволяет прийти к неутешительному выводу, что логика усиления санкции соразмерно увеличению степени общественной опасности криминального объединения выдерживается законодателем лишь в случае определения размера штрафа. Во всех остальных случаях уголовные наказания, назначаемые за создание сети организованных групп, образующих в своей совокупности экстремистскую организацию (ст. 282.2 УК РФ), будут ниже, нежели при осуждении за создание одной такой группы (ст. 282.1 УК РФ). Невольно возникает вопрос: «Соответствует ли такой “расклад” законодателя принципу справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать в первую очередь характеру и степени общественной опасности преступления (ч. 1 ст. 6 УК РФ)?»

Возможно, ответ на данный вопрос можно было бы попытаться найти в ч. 5 ст. 35 УК РФ, в которой указывается, что лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), привлекается к уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных ст.ст. 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, а другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных ст.ст. 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ. Но тогда возникает парадокс: поскольку ст. 282.2 УК РФ в вышеуказанных перечнях не фигурирует, следовательно, приходится делать вывод о том, что экстремистскую организацию законодатель не причисляет ни к организованной группе, ни к преступному сообществу (преступной организации).

По нашему мнению, подобную позицию вряд ли можно считать приемлемой, равно как и точку зрения некоторых правоведов о том, что «экстремистская организация не носит обязательного преступного характера, поскольку юридически “порождена” не уголовным законом и имманентной связи с какой-либо формой соучастия не имеет» [4, с. 12-15]. Полагаем, что ст. 282.2 УК РФ имеет и другие недостатки. Как уже

отмечалось, частью первой данной статьи устанавливается ответственность за возобновление или продолжение деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

При буквальном толковании этой правовой нормы приходим к выводу о том, что УК РФ не предусматривает никакой ответственности за само создание организации, которая предназначена для осуществления экстремистской деятельности, а всего лишь криминализирует, по сути, неисполнение решения суда по прекращению деятельности такой организации, т.е. неповиновение судебному решению. Это является достаточным логическим основанием воспринимать ее как специальную разновидность ст. 315 УК РФ. Но почему в таком случае данная правовая норма размещена не в главе 31 УК РФ, где сосредоточены статьи, в которых видовым объектом посягательства названы интересы правосудия? Из каких соображений неисполнение приговора суда, судебного решения или иного акта обозначено законодателем в качестве деяния, посягающего на основы конституционного строя Российской Федерации?

В итоге можно прийти к парадоксальному выводу: первичное создание экстремистской организации не преследуется действующим уголовным законодательством. Запрет на формирование и деятельность таких объединений прямо прописан в Конституции нашего государства, а вот ответственность за подобное деяние в УК РФ, как видим, отсутствует.

Список литературы

1. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 416 с.
2. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб.: Питер, 2007. 872 с.
4. Хлебушкин А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации // Законность. 2012. N 3. С. 12-15.

References

1. Ustinov V.V. *Obvinyaetsya terrorizm* [Accused of terrorism]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 416 p.
2. Hlebushkin A.G. *Prestupnyy ekstremizm: ponyatie, vidy, problemy kriminalizatsii i penalizatsii. Avtoref. Cand. Diss.* [Criminal Extremism: concept, types, criminalization and penalization. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2007. 27 p.
3. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 872 p.
4. Hlebushkin A.G. *Kvalifikatsiya deyatelnosti ekstremistskoy organizatsii* [Qualifications extremist organization]. *Zakonnost'* – Legality, 2012, no. 3, pp. 12-15.

Проведенное исследование норм федерального законодательства, регулирующего вопросы борьбы с преступлениями экстремистской направленности, позволяет сделать ряд выводов:

1. При определении экстремистского сообщества как специального вида преступного сообщества (преступной организации) следует руководствоваться:

а) признаками, характеризующими организованную группу, которые предусмотрены в ч. 3 ст. 35 УК РФ;

б) дополнительными признаками преступного сообщества, которые предусмотрены в ч. 4 ст. 35 УК РФ;

в) дополнительными признаками экстремистского сообщества, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и ч. 2 примечания к указанной статье.

2. Санкция основного состава ст. 282.1 УК РФ должна предусматривать больший объем мер уголовной репрессии по сравнению с санкцией ст. 282.2, что будет отвечать требованиям принципа справедливости, а также соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

3. В уголовном законодательстве необходимо предусмотреть ответственность за первичное создание экстремистской организации.

4. Исходя из правовой сущности диспозиций ст. 282.2 УК РФ, следует дополнить ею главу 31 УК РФ, имеющую видовым объектом посягательства интересы правосудия, исключив ее из главы 29 УК РФ.

Считаем, что устранение выявленных правовых пробелов уголовно-правового законодательства сделает Уголовный кодекс Российской Федерации более эффективным орудием борьбы с экстремизмом.

БАБУРИН В.В., доктор юридических наук, профессор, vvbaburin@mail.ru Кафедра уголовного права; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7	BABURIN V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, vvbaburin@mail.ru Chair of Criminal Law; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation
ЧЕРЕМНОВА Н.А., кандидат юридических наук, zeremnowa@list.ru Кафедра уголовного права; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7	CHEREMNOVA N.A., Candidate of Legal Sciences, zeremnowa@list.ru Chair of Criminal Law; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 2012 ГОДА N 19 ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Реферат. На основе законодательных требований, актов нормативного толкования и складывающейся судебно-следственной практики вырабатывается доктринальная правовая позиция по действиям сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны. Подчеркивается, что они, имея право на необходимую оборону, одновременно обязаны причинять вынужденный вред посягающим лицам (бездействие наказуемо), находясь в ситуации постоянного риска для собственной жизни, здоровья и причинения чрезмерного вреда охраняемым законом интересам. В свете действия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» рассматривается конструкция необходимой обороны, вскрываются ошибки, допущенные судами при рассмотрении дел о превышении ее пределов. Обстоятельно характеризуются признаки посягательства (общественная опасность, наличность, действительность) и защиты (законность защищаемых интересов, причинение вреда посягающему, контроль обороняющимся своих действий, соразмерность причиняемого вреда). Наряду с разрешением ряда вопросов названное постановление не позволяет четко отграничить необходимую оборону от обоснованного риска, часто возникающего в оперативно-служебной деятельности. Резюмируется, что новый акт судебного толкования позволяет точнее определять условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне, что должно способствовать формированию навыков правовой оценки рассматриваемых действий, таких как: определение признаков необходимой обороны, фиксация наличия общественно опасного посягательства, вызывающего необходимость применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия для его пресечения, а также применения правил соразмерности, исключающих причинение избыточного вреда.

Ключевые слова: необходимая оборона, условия правомерности причинения вреда, наличность посягательства, действительность посягательства, мнимая оборона, соразмерность вреда, превышение пределов необходимой обороны.

THE EFFECT OF PROVISIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION SUPREME COURT'S PLENARY SESSION RESOLUTION OF SEPTEMBER, 27, 2012 N 19 FOR LAW ENFORCEMENT OFFICERS' ACTIONS IN SELF-DEFENSE

Abstract. Based on the legislative requirements, statutory acts and acts of judicial and investigative practice the doctrinal legal position of law enforcement officers' actions in self-defense is elaborated. It is emphasized that having right of self-defense they are simultaneously obliged to cause harm

to assailant (omission is punishable by law) being at constant risk of their own lives, health and of causing excessive harm to legally protected interests. In the light of plenary session's resolution of the RF Supreme Court of September, 27, 2012, N 19 "On the application of legislation on self-defense and causing harm during arresting the offender" the self-defense structure is considered, mistakes made by courts while hearing cases of excess of self-defense are revealed. Indicators of entrenchment (public danger, presence, validity) and defense (legality of protected interests, causing harm to assailant, control of officers' own actions, ratability of caused harm) are described. Solving a number of problems, this resolution does not allow to distinguish self-defense from reasonable risk, often occurring when performing official duties. New act of judicial interpretation allows to determine the conditions of legality of harm in self-defense, which must contribute to developing skills of legal treatment of such actions as: defining indicators of self-defense, fixing the presence of socially dangerous entrenchment provoking use of force, special means and firearms for its suppression and application of ratability rules excluding excessive harm.

Keywords: self-defense, conditions of legality of harm, presence of entrenchment, entrenchment validity, sham defense, ratability of harm, excess of self-defense.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации одной из важнейших задач в области борьбы с преступностью определяет необходимость повышения эффективности деятельности органов внутренних дел в сочетании с соблюдением всех демократических основ и принципов охраны правопорядка. В сфере пресечения преступлений это предполагает упорядочение деятельности сотрудников органов внутренних дел в определенном направлении — формирование и поощрение правомерных действий сотрудников по предотвращению и предупреждению преступлений, а также исключение и недопущение неправомерного поведения.

Несмотря на превентивные, предупредительные и профилактические меры государства по борьбе с преступностью, постоянно растет число случаев, в которых требуется помощь сотрудников по защите жизни и здоровья граждан, их собственности от общественно опасных посягательств. Часто единственным способом защиты законных интересов сотрудниками органов внутренних дел является активное применение ими физической силы, специальных средств или оружия в отношении нападающего. В связи с этим в современных условиях борьбы с преступностью проблемы профессиональных решений сотрудников правоохранительных органов в условиях необходимой обороны приобретают особую актуальность.

Необходимая оборона в целом является правом, вместе с тем следует учитывать, что на правоохранительные органы возложены обязанности по пресечению преступлений, защите интересов граждан,

общества и государства от посягательств, а значит, предусмотрена и необходимость причинять вред посягающим*.

Неисполнение обязанности по защите законных интересов может влечь за собой негативные последствия для сотрудника, вплоть до привлечения его к уголовной ответственности. В частности, такое бездействие сотрудника квалифицируется как преступная халатность (ст. 293 УК РФ).

Примером может служить следующий случай: 22 октября 2013 г. Никулинский суд г. Москвы признал виновными по ст. 293 УК РФ патрульных полицейских В. Черезова и Ю. Лунькова, бездействовавших при задержании сотрудниками уголовного розыска на Матвеевском рынке г. Москвы подозреваемого в изнасиловании. Местные продавцы рынка активно противодействовали работе оперативных сотрудников, и они обратились к патрульным В. Черезову и Ю. Лунькову за помощью в задержании одного из наиболее «активных» работников рынка М. Расулова. Постовые не отнеслись должным образом к выполнению своих обязанностей по задержанию М. Расулова, в результате чего ему удалось сбежать и тут же причинить вред здоровью одному из оперативных работников**.

Данный пример ярко иллюстрирует позицию законодателя в отношении сотрудников, не исполняющих свои должностные обязанности.

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 3 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** URL: <http://www.itar-tass.com/c95/921172.html>.

В служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел при причинении вреда нападающему есть и оборотная сторона. Так, применяя специальные средства или оружие в целях защиты интересов граждан от преступного нападения, сотрудники постоянно находятся в ситуации риска: они, с одной стороны, рискуют собственной жизнью и здоровьем, с другой – рискуют причинить чрезмерный вред охраняемым законом интересам [1, с. 4].

Рассмотренные выше особенности службы в органах внутренних дел требуют от сотрудников постоянного изучения требований нормативных правовых актов, прежде всего уголовного законодательства, регулирующего правомерность причинения вреда, а также совершенствования деятельности по пресечению преступлений. В связи с этим необходимо четкое понимание и уяснение условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне, определенных ст. 37 УК РФ. Это будет способствовать формированию у сотрудников органов внутренних дел навыков безошибочного определения признаков необходимой обороны, требующей защиты от нападающего путем применения в отношении его физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

Рассматриваемые вопросы приобрели особую актуальность в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»* (далее – постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19).

Постановление содержит чрезвычайно важные разъяснения по вопросам, возникающим у судов при применении норм, обеспечивающих право граждан на необходимую оборону [2, с. 23]. В нем дается характеристика ряда признаков, предусмотренных ст. 37 УК РФ, определяющих

содержание условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне от общественно опасного посягательства.

Итак, необходимая оборона по содержанию представляет собой ответные действия обороняющегося на нападение, совершаемое виновным, поэтому принято условно выделять два элемента: посягательство нападающего и защиту обороняющегося. Юридическая конструкция условий правомерности необходимой обороны основана на характеристике особенностей этих двух действий.

Так, правомерным может считаться причинение вреда как противодействие не всякому посягательству, а являющемуся общественно опасным, наличным и действительным.

Однако наличия одного посягательства, хотя и с указанными признаками, недостаточно для признания причинения вреда правомерным. Таковым может считаться лишь причинение вреда лицу, совершающему общественно опасное посягательство, если только это не драка. Защита как пресечение нападения, а не как повод для мести за него, присутствует только в том случае, когда она соответствует признакам: направленность действий на охрану законных интересов; причинение вреда только нападающему; соразмерность характеру и опасности посягательства.

Рассмотрим указанные признаки более подробно. Под посягательством следует понимать деяние виновного, направленное на причинение общественно опасного и противоправного вреда охраняемым уголовным законом отношениям. Чаще всего необходимая оборона осуществляется против преступных посягательств насильственного характера, представляющих собой действия, направленные на совершение убийства, причинение вреда здоровью различной тяжести, изнасилования и насильственных действий сексуального характера, похищения людей, грабежей, разбоев и вымогательств, угонов транспортных средств, уничтожения имущества. Большая часть данных преступлений совершается путем нападения, поэтому нередко при анализе необходимой обороны смешивают понятия «посягательство» и «нападение».

Раскрывая содержание данных понятий, следует отметить, что «нападение»

* О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 11.

— более узкое понятие по сравнению с понятием «посягательство». В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. N 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» нападение — это действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания угрозы его немедленного применения*.

Принимая во внимание то, что необходимая оборона возможна и против ненасильственного посягательства (кража, уничтожение или повреждение чужого имущества, побег из места лишения свободы или из-под стражи, незаконное пересечение границы и др.), более точным является использование термина «посягательство» вместо термина «нападение».

Первым условием, характеризующим посягательство, является признак его общественной опасности. Общественная опасность посягательства как условие правомерности необходимой обороны выполняет очень важную роль в процессе ее правильной уголовно-правовой оценки. Во-первых, это важно для определения самого фактического основания совершения оборонительных действий как события, требующего активных действий по защите прав. Во-вторых, признак общественной опасности посягательства чрезвычайно важен для определения соразмерности величины причиняемого вреда нападающему величине общественной опасности его поведения. В-третьих, для определения временного промежутка, в течение которого возможно осуществление защитных действий.

Раскрывая общую характеристику общественной опасности посягательства, необходимо обратить внимание на то, что ст. 37 УК РФ предусматривает в ч.ч. 1 и 2 различные конструкции необходимой обороны в зависимости от характера и степени общественной опасности посягательства: посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или

другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), и посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

Особенности общественной опасности данных разновидностей посягательств раскрываются в п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19. Так, применительно к первой конструкции в постановлении отмечается, что указанное в «части 1 статьи 37 УК РФ общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранение жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.)».

Несмотря на это суды часто делают ошибки в уголовно-правовой оценке подобных посягательств. Так, Ерсанов Н. был осужден за убийство при превышении пределов необходимой обороны в ситуации, которая свидетельствовала о наличии посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося. При этом в приговоре отражено, что в процессе ссоры на подсудимого напал его сын Ерсанов О., схватил его руками за шею и сдавил, создав реальную угрозу для жизни. Тем не менее суд расценил действия подсудимого как превышение пределов необходимой обороны**.

В данном случае суд фактически принял во внимание иные условия, которые не указаны в ч. 1 ст. 37 УК РФ, и ограничил возможность обороняющегося причинить любой физический вред виновному, включая лишение его жизни, в случае наличной

* О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 янв. 1997 г. N 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. N 3.

** Уголовное дело N 1-232 // Архив Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области за 2008 г.

и действительной опасности причинения смерти в результате нападения.

Не совсем верной является позиция суда, когда причиненный посягающему вред соизмеряется не только с характером и опасностью посягательства, но и с другими признаками, не предусмотренными в законе. Вероятно, суд исходил из того, что возможны отдельные случаи, когда и при защите от тяжких преступлений нет необходимости, например, причинять смерть посягающему, а можно обойтись более мягкими средствами и причинить ему телесные повреждения. Однако эта позиция не основана на норме уголовного закона, устанавливающей условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне.

Кроме того, в постановлении Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 раскрывается содержание используемого в тексте закона понятия непосредственной угрозы применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица. В анализируемом постановлении отмечается, что такая угроза может выражаться «в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы».

В пункте 3 указанного постановления также раскрывается содержание второго вида общественно опасного посягательства, дающего право на необходимую оборону: «под посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных частью 2 статьи 37 УК РФ, следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья)». Важным моментом, впервые раскрываемым в постановлении Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19, является указание на то, что «таким посягательством является совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности,

предусмотренных Особой частью Уголовного кодекса Российской Федерации, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения».

Данное разъяснение еще раз подчеркивает, что поводом-основанием для причинения вреда при необходимой обороне является не нападение как таковое, а общественно опасное посягательство.

Вторым условием, характеризующим посягательство, является признак его наличности. Наличие посягательства как условие правомерности необходимой обороны выполняет очень важную роль в процессе уголовно-правовой оценки причинения вреда, характеризуя временной промежуток существования общественно опасного посягательства, в течение которого возникает и сохраняется необходимость и возможность причинения вреда нападающему.

Данный временной промежуток, обозначающий начало и окончание общественно опасного посягательства, свидетельствует о том, что оно началось или в самом скором времени начнется и еще не окончено. Именно в это время возникает и прекращается право на причинение вреда при защите от общественно опасного посягательства. Причинение вреда вне этих рамок нельзя отнести к необходимой обороне, поскольку вне этих рамок общественно опасного посягательства фактически нет.

Следует отметить, что в судебной практике определение начального и завершающего момента общественно опасного посягательства всегда вызывало определенные трудности. В связи с этим в постановлении Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 разъяснению данных вопросов также уделяется достаточное внимание.

К сожалению, большая часть разъяснений касается вопросов окончания посягательства, но не его начала. Единственное разъяснение, посвященное характеристике начала посягательства, дано в п. 3 поста-

новления. В нем говорится о том, что «состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния. Суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства».

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 сентября 2012 г. N 19 при характеристике начала преступного посягательства не связывает начальный момент необходимой обороны со стадиями преступления. Совершаемое нападающим посягательство может и не представлять собой уже начавшееся покушение на преступление или приготовление к нему. О начале посягательства может свидетельствовать, например, конкретная угроза словами, устрашающими жестами, демонстрация оружия в целях его применения. При этом решение вопроса о наличии у обороняющегося оснований для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства, должно быть основано на объективных данных: о действиях нападающего (их характере и интенсивности), его личности (возрасте, телосложении, манере поведения), а также о месте, времени и обстановке нападения.

Как правило, основная проблема при определении начала общественно опасного посягательства связана с тем, что в процессе предварительного следствия не полно и не подробно фиксируются фактические обстоятельства происшедшего. Это приводит к ошибочным выводам и, соответственно, неверным решениям. Типичным примером такой ситуации является дело Ильяного, рассмотренное еще в 1964 году. Сотрудник милиции Ильяной вместе со своими знакомыми Кругляком и Стрельниковой приехал на мотоцикле на водохранилище для отдыха. Пройдя по поляне, на которой косил траву Схаляхо, Кругляк и Стрельникова попытались взять у него по охапке скошенной травы. В связи с этим между ними, а потом и Ильяным возникла ссора.

Как описывается в материалах предварительного следствия, в процессе ссоры Ильяной подбежал к мотоциклу и взял имеющийся там у него, как у сотрудника милиции, табельный пистолет. И когда Схаляхо, держа косу на плече, подошел и остановился в 5-6 метрах от Ильяного, тот, полагая, что на него будет совершено нападение, без каких-либо оснований выстрелил из пистолета и причинил Схаляхо тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни на момент причинения (сквозное ранение грудной клетки с повреждением легкого). Областной суд Адыгейской автономной области осудил Ильяного по ст.ст. 15 и 103 УК РСФСР (что соответствует ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор по делу был изменен. Судебная коллегия из материалов данного уголовного дела выявила следующее. После того как Кругляк и Стрельникова попытались взять по охапке скошенной травы, Схаляхо с косой в руках и со словами «зарублю» бросился на Кругляка. Преследуя его, ударил косой по кустам, в которых прятался Кругляк. Ильяной, видя угрожающую Кругляку опасность, предложил Схаляхо бросить косу, однако в ответ тот набросился с косой на него. Убегая от нападающего, Ильяной остановился у мотоцикла, достал пистолет и, снова убегая, предупредил преследовавшего его Схаляхо, что будет стрелять. Тем не менее Схаляхо не остановился, и когда уже оказался в непосредственной близости от Ильяного и занес косу для удара, Ильяной произвел в него выстрел. Пленум Верховного Суда СССР судебные решения отменил и дело в отношении Ильяного производством прекратил на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления [3, с. 50-51].

Решение вопроса о том, было ли начало посягательства или не было, во многом зависит от правильной фиксации действий в материалах дела. Одно дело, когда нападающий с косой на плече стоит в 5-6 метрах от обороняющегося, другое — когда он замахивается косой, чтобы с близкого расстояния нанести удар.

Последовательное толкование наличия реальной угрозы общественно опасного посягательства предполагает также положительное решение вопроса о допус-

тимости необходимой обороны путем использования специальных, автоматически срабатывающих приспособлений. В п. 17 анализируемого постановления разъяснено, что «правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств».

Достаточно подробно разъясняются вопросы окончания посягательства, в том числе некоторые из них раскрываются впервые. Так, в отличие от прежних редакций, в действующем постановлении впервые обращается внимание на то, что при анализе момента окончания посягательства необходимо учитывать, что оно может носить длящийся или продолжаемый характер. Например, в п. 5 постановления отмечается, что «Состояние необходимой обороны может быть вызвано и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т.п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства».

В случае совершения предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации деяний, в которых юридические и фактические моменты окончания посягательства не совпадают, право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания посягательства».

Третьим условием, характеризующим посягательство, является признак его действительности. Действительность посягательства, как условие правомерности необходимой обороны, также выполняет важную роль в процессе уголовно-правовой оценки причинения вреда, характеризуя реальность существования общественно опасного посягательства в конкретной жизненной ситуации. Отсутствие реального посягательства означает отсутствие не самого события в действительности, а общественно опасного воздействия на обороняющегося. Данный признак позволяет разграничить необходимую оборону и мнимую оборону, когда обороняющийся

причиняет вред в ответ на воображаемое им, кажущееся ему, в действительности не существующее общественно опасное посягательство [4, с. 72]. По большому счету, мнимая оборона характеризуется не объективными, а субъективными признаками, и поэтому должна определять скорее не посягательство, которого нет, а саму защиту, в процессе которой обороняющийся осознанно осуществляет определенные действия, и поэтому может допустить ошибку.

Таким образом, посягательство, для того чтобы стать основанием противодействия со стороны обороняющегося, должно обладать признаками общественной опасности, наличности и действительности.

Учитывая то, что необходимая оборона состоит из двух действий — посягательства и защиты, защита также должна соответствовать нескольким условиям. Во-первых, несмотря на наличие посягательства, защищать можно только законные интересы. Во-вторых, при защите вред причиняется только посягающему, а не третьим лицам. В-третьих, защитные действия обороняющегося должны быть осознанными по своевременности и реальности осуществляемого против него посягательства. В-четвертых, защита должна быть соразмерной общественной опасности посягательства, не должна превышать пределов необходимости.

Особенностью защиты является то, что она представляет собой активные действия субъекта, в отношении которого осуществлено посягательство. Для правильной квалификации необходимой обороны следует помнить, что оборону осуществляет субъект, который должен обладать определенными признаками. Несмотря на то, что обороняться может каждый, независимо от профессиональных способностей и подготовки, возраста и вменяемости, нельзя говорить о признаках уголовно-правовой необходимой обороны в тех случаях, когда защищается невменяемый или малолетний ребенок. В этих случаях, хотя и присутствуют действия, похожие на необходимую оборону, невозможна осознанность действий с учетом своевременности, соразмерности и реальности.

Сущность необходимой обороны проявляется в активной защите субъектом законных интересов от преступных

посягательств. Поэтому первым признаком защитных действий является развернутая характеристика того, что вправе защищать обороняющийся путем причинения вреда другим охраняемым уголовным законом интересам. В части первой статьи 37 УК РФ дается полный перечень таких интересов: «при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства». Иными словами, обороняющийся вправе защищать от преступных посягательств как собственную жизнь, здоровье, личную свободу, честь, достоинство, жилище, имущество и иные правоохраняемые интересы, так и аналогичные блага других лиц, а также законные интересы предприятий, учреждений, коммерческих и иных организаций, общественные и государственные интересы.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 37 УК РФ интересы, защищаемые при необходимой обороне, имеют различную ценность, это, соответственно, отражается на соразмерности возможного для причинения вреда. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ исключительным объектом обороны является безопасность жизни человека, поэтому при защите указанного социального блага могут использоваться любые способы и средства, вплоть до причинения смерти посягающему. В части 1 ст. 37 УК РФ закреплено, что не является преступлением причинение вреда посягающему лицу, если его «посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Все остальные блага отмечены в ч. 2 ст. 37 УК РФ.

Примером того, как при квалификации действий обороняющегося учитывается значимость защищаемых им интересов, может служить дело, рассмотренное Омским областным судом по обвинению Супонина В.А. по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Органами предварительного следствия было установлено, что Супонин В.А. совместно со свидетелем Негодой В.А. с целью хищения чужого имущества проникли в пустующий частный дом Иванова П.М. в г. Называевске Омской области, где они похитили холодильник «Саратов». Погру-

зив его на санки, они с похищенным проследовали по улице. Проживающий рядом Бородин С.В., присматривающий по просьбе родственников Иванова П.М. за сохранностью дома, стал свидетелем незаконных действий Супонина В.А. и Негоды В.А. Чтобы пресечь данные действия, он, вооружившись туристическим топориком в целях самообороны, догнал их на улице и потребовал вернуть похищенный холодильник. После того как Супонин В.А. в нецензурной форме отказался вернуть холодильник, Бородин С.В. предупредил, что в случае невозвращения имущества ударит его топориком. Супонин В.А. снова отказался вернуть похищенное, после чего Бородин С.В. нанес ему удар обухом топорика по голове, причинив легкий вред здоровью в виде раны лобно-теменной области, а затем повторно потребовал, чтобы последний вернул холодильник в дом Иванова П.М. Получив отказ, снова замахнулся топориком, однако Супонин В.А. перехватил руку Бородина С.В. и в процессе борьбы они упали так, что Бородин С.В. оказался сверху, продолжая угрожать убийством. Находясь под ним, Супонин В.А. достал из кармана одежды нож хозяйственно-бытового назначения и ударил не менее 7 раз Бородина С.В. в грудь, шею, руки, голову, причинив ему опасный для жизни вред, осложненный массивной кровопотерей, от которой последний скончался в больнице.

Суд в процессе разбирательства установил, во-первых, то, что холодильник пригоден был только для сдачи в металлолом, во-вторых, то, что хозяин дома через родственников просил присматривать за домом, а не за имуществом, которое, в том числе и холодильник «Саратов», никакой ценности не представляло. Учитывая это и обстоятельства того, что подсудимому угрожали убийством, и что у него не было умысла на убийство, суд оправдал Супонина В.А. на основании п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 1 ст. 302 УПК РФ и ст. 37 УК РФ за отсутствием в его действиях состава названного преступления*.

Данный пример наглядно показывает, что защита любого имущества, особенно имеющего незначительную ценность, не должна осуществляться действиями,

* Уголовное дело N 134 // Архив Омского областного суда за 2007 г.

представляющими угрозу для жизни лица, завладевающего таким имуществом.

Вторым признаком защиты является характеристика ее направленности на причинение вреда строго только в отношении источника общественно опасного посягательства, которым является посягающий. Поскольку вред исходит от него, то причинение вреда другим, не причастным к посягательству людям, никак не может повлиять на устранение вреда от общественно опасного посягательства.

Третий признак характеризует важные моменты защиты, которые связаны с осуществлением обороняющимся контроля за своими действиями в процессе причинения вреда. Действия обороняющегося должны соответствовать всем требованиям правомерности, включая контроль своевременности причинения вреда, реальности общественно опасного посягательства и соразмерности причиняемого вреда. Осуществление такого контроля возможно благодаря осознанию обороняющимся всех признаков общественно опасного посягательства и реально осуществляемой им защиты.

Последним признаком, характеризующим защиту, является соразмерность причиняемого вреда (включая моменты, характеризующие ее нарушение). Поскольку характер и степень общественной опасности осуществляемого преступником посягательства могут быть различными — от посягательства на жизнь до посягательства на мелкие имущественные отношения, постольку в ответных действиях обороняющегося по причинению вреда это обязательно должно учитываться, они должны быть соразмерными характеру и величине угрожающего вреда. При этом, как отмечает С.В. Пархоменко, речь нужно вести о двух режимах необходимой обороны: в первом случае — беспредельной необходимой обороны, а во втором — предельной необходимой обороны [5, с. 184]. Состояние необходимой обороны оправдывает причинение вреда посягающему лишь в том случае, когда защитные действия не выйдут за пределы соразмерности.

Причинение вреда в состоянии необходимой обороны, явно не соразмерное величине угрожающего посягательства, уголовный закон именуется превышением пределов необходимой обороны. Превы-

шение пределов необходимой обороны в целом не исключает преступности деяния. Так, за превышение пределов необходимой обороны, связанное с лишением жизни нападающего или причинением ему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, установлена уголовная ответственность (ст.ст. 108, 114 УК РФ), которая смягчает наказание по сравнению с обычными действиями по причинению указанных видов вреда (ст.ст. 105, 111, 112 УК РФ).

Вопросы превышения пределов необходимой обороны в практической деятельности правоохранительных и судебных органов вызывают определенные трудности, поэтому требуют отдельного рассмотрения.

Вместе с тем в постановлении Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 не все вопросы необходимой обороны решены удачно. В практической деятельности сотрудникам органов внутренних дел порой сложно определить признаки необходимой обороны и разграничить с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния. К сожалению, в указанном постановлении дается неоднозначное толкование рассматриваемого обстоятельства и не затронуты вопросы конкуренции необходимой обороны с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, такими как обоснованный риск, крайняя необходимость и др.

Так, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 указано на то, что состояние необходимой обороны может быть вызвано наряду с явным нападением также и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т.п.). При этом одним из условий правомерности необходимой обороны является непричинение вреда третьим лицам. В сложных ситуациях, например при освобождении заложников, порой невозможно разграничить такие два обстоятельства, как необходимая оборона и обоснованный риск.

В качестве примера можно привести следующий случай. 21 апреля 2002 г. гр. К. для того чтобы избежать задержания сотрудниками милиции, захватил в заложницы соседку по дому и, угрожая пистоле-

том и гранатой, пытался выйти из подъезда и скрыться. Выйдя из подъезда, он был окружен тремя сотрудниками СОБР КМ при УВД Омской области, которые предложили ему сдаться, однако К. выстрелил в одного из них. Другие сотрудники произвели встречные выстрелы в К. и стали его обезвреживать, а женщину уводить в сторону. Раненый преступник выронил гранату, находящуюся на боевом взводе. В результате взрыва погибли преступник и сотрудник СОБР КМ при УВД Омской области О., непосредственно обезвреживавший преступника. Удерживаемой женщине причинен вред здоровью средней тяжести. Если говорить о необходимой обороне, то остается открытым вопрос о причинении вреда третьему лицу — заложнице*.

Несмотря на указанные недостатки, постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 в целом позволяет бо-

лее точно характеризовать и определять наличие условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне. В свою очередь, точное уяснение условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне будет способствовать формированию у сотрудников органов внутренних дел необходимых навыков правовой оценки рассматриваемых действий, таких как безошибочное определение в конкретной обстановке признаков необходимой обороны, фиксация наличия общественно опасного посягательства, вызывающего необходимость применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия для его пресечения, а также применение правил соразмерности, исключающих причинение избыточного вреда при необходимой обороне.

* Уголовное дело N 801243 // Архив Прокуратуры Ленинского АО г. Омска за 2002 г.

Список литературы

1. Хоменко А.Н. *Риск при пресечении преступлений (на примере деятельности сотрудников правоохранительных органов)*: учеб. пособие. Екатеринбург, 2013. 63 с.
2. Орешкина Т. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // *Уголовное право*. 2013. N 2. С. 23-28.
3. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1959-1971 гг. М., 1973. 416 с.
4. Арямов А.А. *Правомерное причинение вреда: монография*. Челябинск: Изд-во Т. Лурье, 2004. 340 с.
5. Пархоменко С.В. *Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости*. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 267 с.

References

1. Khomenko A.N. *Risk pri presechenii prestupleniy (na primere deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov)* [Risk in curbing crime (on the example of law enforcement)]. Yekaterinburg, 2013. 63 p.
2. Oreshkina T. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 sentyabrya 2012 g. N 19 "O primeneniі sudami zakonodatel'stva o neobkhodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court on September 27, 2012 N 19 "On the application of legislation on self-defense and causing harm during the arrest of the perpetrator"]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2013, no. 2, pp. 23-28.
3. *Sbornik postanovleniy Plenuma i opredeleniy kollegiy Verkhovnogo Suda SSSR po ugolovnym delam 1959-1971 gg.* [Collection of resolutions and definitions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR in Criminal Matters, 1959-1971]. Moscow, 1973. 416 p.
4. Aryamov A.A. *Pravomernoє prichinenie vreda* [Rightful causing harm]. Chelyabinsk, Publisher T. Lurie, 340 p.
5. Parkhomenko S.V. *Deyaniya, prestupnost' kotorykh isklyuchaetsya v silu sotsial'noy poleznosti i neobkhodimosti* [Acts, crime is excluded by virtue of social utility and necessity]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 267 p.

Раздел 4. Криминологическая наука

ШИХАНОВ В.Н., кандидат юридических наук, доцент, ShikhanovVN@rambler.ru Кафедра уголовно-правовых дисциплин; Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, Шевцова, 1	SHIKHANOV V.N., Candidate of Legal Sciences, associate professor, shikhanovvn@rambler.ru Chair of criminal law disciplines; Irkutsk Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation, Shevtsova St. 1, Irkutsk, 664035, Russian Federation

УЧАСТИЕ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ЛИЦАМИ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИМИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПОДХОДЫ К ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Реферат. Учение о соучастии в совершении преступления является одной из сильных сторон российской уголовно-правовой науки. Тем не менее правоприменительная практика сталкивается с ситуациями, которые не находят в теории единогласной удовлетворительной оценки. К числу проблем, которые и сегодня «проверяют на прочность» фундаментальные положения института соучастия, относится вопрос о совместном выполнении объективной стороны лицом, подлежащим уголовной ответственности по признакам субъекта, с лицом, по этим же признакам ответственности не подлежащим. Как это ни странно, названная проблема разделила на оппонирующие стороны не столько правоведов, сколько теорию и практику: Верховный Суд РСФСР (а затем и Российской Федерации) занял позицию, которая в науке разделяется меньшинством. Парадоксальность ситуации состоит в том, что положения современного российского уголовного закона о соучастии позволяют и доктрине, и суду толковать его положения в свою пользу. Так, большинство правоведов полагают, что соучастие имеет уголовно-правовое значение только тогда, когда в одном преступлении происходит стечение нескольких лиц, способных по своим свойствам понести уголовную ответственность. В таком случае ни о каком соучастии при совместном совершении преступления с невменяемыми или малолетними лицами не может быть и речи, поскольку для уголовного права эта конструкция ничем не отличается от причинения вреда одним человеком совместно с животными. Верховный Суд, напротив, полагает, что эта позиция не основана на законе, поскольку видит в положениях Уголовного кодекса Российской Федерации прямые указания о наличии соучастия в таких случаях. В статье предлагается анализ позиций Верховного Суда Российской Федерации, рассматриваются причины возникших разногласий и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: соучастие, группа лиц, групповое преступление, соисполнительство, деликтоспособность, уголовная ответственность.

PARTICIPATION IN CRIME WITH PERSONS BEING NOT LIABLE TO CRIMINAL RESPONSIBILITY: APPROACHES TO LEGAL TREATMENT IN MODERN JURISPRUDENCE

Abstract. Theory of criminal complicity is one of the important issues of Russian criminal law. But it still cannot provide unanimous legal treatment to some specific situations occurring in law enforcement practice, for example, when a person being liable to criminal responsibility (as a subject of crime) and a person being not subject to criminal responsibility jointly perform an objective element of crime. The Supreme Court of RSFSR (later of the Russian Federation) and criminal law have different opinions concerning this problem. The working criminal legislation on complicity allows both the RF Supreme Court and criminal doctrine to interpret its provisions in their own favour. Most jurisprudents consider complicity as having criminally legal significance only in the case of joint commission of a crime by several persons being liable to criminal responsibility. So, the joint participation of insane persons and minors in the commission of a crime cannot be regarded as complicity under the criminal law. On the contrary, the Supreme Court of the Russian Federation considers that the RF Criminal Code contains

provisions envisaging the criminal complicity in such cases. The position of the Supreme Court of the Russian Federation is analyzed, the causes of this disagreement and possible ways of its resolving are examined.

Keywords: complicity, group of people, gang crime, joint commission of a crime, capable of committing delict, criminal responsibility.

Учение о соучастии в совершении преступления, а также положения уголовного законодательства об ответственности соучастников – очень важный, но вместе с тем тонкий инструмент правового регулирования общественных отношений. Эти положения доктрины и уголовного закона позволяют очертить круг лиц, которые подлежат уголовной ответственности, хотя бы они сами непосредственно преступление не совершали, позволяют обосновать ответственность соучастников и дифференцировать ее в зависимости от их роли, от степени их организованности.

Не менее важна и другая сторона вопроса: категории соучастия обозначают такие границы понятий, за рамками которых гражданам гарантируется отсутствие уголовного преследования прикосновенности к преступлению*.

По этой причине в вопросах о соучастии принципиально важны четкость формулировок, научная основа и логическая стройность категорий, а также однообразный подход к использованию созданного категориального аппарата.

В разных правовых системах эти вопросы решаются по-разному. Российская доктрина и законодательство к концу XX века не без оснований были предметом гордости: по связям с современными представлениями об особенностях коллективной деятельности людей, по разработанности категориального аппарата, классификации, по определенности во многих вопросах и опыту нормативного закрепления.

Тем не менее и в доктрине, и в судебной практике остается немало дискуссионных вопросов, которые требуют своего разрешения. Анализ некоторых из них

* За исключением прямо установленных в законе оговорок. Например, заранее не обещанное укрывательство наказуемо только в отношении особо тяжких преступлений, и лишь в тех случаях, когда скрываемое преступление совершено лицами, не являющимися для укрывателя близкими родственниками (ст. 316 УК РФ).

позволяет, к сожалению, констатировать серьезный разрыв между стройными положениями теории (с одной стороны), законодательством (с другой стороны) и, что очень важно, складывающейся судебной практикой (с третьей стороны).

Одна из таких показательных проблем: считать ли соучастием в преступлении совместное участие лица, которое подлежит уголовной ответственности по возрасту и вменяемости, с лицом, которое уголовной ответственности по этим же признакам не подлежит?

В советской уголовно-правовой науке вслед за особенностями нормативного судебного толкования возникали подходы, обосновывающие возможность вменения квалифицирующих признаков о совершении преступления группой даже при наличии только одного деликтоспособного деятеля. Эта позиция, хотя и подводила теоретические основания под мнение Верховного Суда РСФСР, натолкнулась на серьезную критику. В итоге в Общей части принятого в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрены и поддержанное большинством ученых понятие соучастия (как умышленного участия двух и более лиц в совершении умышленного преступления), и виды соучастников, а также понятия четырех форм соучастия.

Вопрос выглядел однозначно решенным, и в учебниках по уголовному праву до настоящего времени последовательно выдержана позиция о невозможности рассматривать в качестве соучастия совместную объективно противоправную деятельность нескольких лиц, если уголовной ответственности подлежит только один.

Такой же вывод однозначно следовал из прежней редакции пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Действия лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой,

следует квалифицировать по соответствующим пунктам статей 158, 161 и 162 УК РФ по признакам “группа лиц по предварительному сговору” или “организованная группа”, если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное»*.

Формулировка новой редакции** процитированного пункта является неоднозначной и вызвала в кругу специалистов разные предположения. Но если опираться на преобладающую в доктрине точку зрения о признаках соучастия, то произошедшие изменения можно признать непринципиальными. Хотя текст постановления Пленума Верховного Суда РФ теперь и не содержит прямых указаний о признаках субъекта, которыми должен обладать каждый соучастник (этот абзац исключен), тем не менее судам по-прежнему рекомендовано квалифицировать случаи использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, как неквалифицированное хищение, т.е. совершенное одним непосредственным исполнителем, — при прочих равных условиях.

В таком случае можно говорить, что правила квалификации проблемных случаев, рассматриваемых нами, и теперь описаны достаточно предметно, со ссылками на положения статей Особенной части УК РФ, которые допустимо применять. Несомненно, имеются и иные позиции на этот счет (на них мы остановимся ниже), однако приведем другие примеры в пользу обозначенной доктринальной позиции об отсутствии соучастия при выполнении объективной стороны совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

В постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера от 15 июня 2004 года N 11*** не

* Первоначальный текст см.: Рос. газ. 2003. 18 янв. N 9.

** Изменения были внесены пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2010 г. N 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» (Рос. газ. 2010. 30 дек. N 296).

*** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 8.

была включена прежняя рекомендация (вызвавшая споры в науке) о том, что изнасилование должно признаваться групповым, даже если уголовной ответственности подлежит только один из участников. Отсутствие этого положения многими юристами рассматривалось как определенный сигнал: Верховный Суд РФ занял позицию, разделяемую большинством правоведов.

В других документах Пленума Верховного Суда РФ этот вопрос прямо не оговаривается, что в принципе позволяет считать подход к квалификации действий деликтоспособного лица с не деликтоспособным совершенно ясным, даже очевидным, основанным на понятии соучастия во взаимосвязи с понятием субъекта преступления.

Между тем анализ складывающейся судебной практики обнаруживает другие тенденции. В частности, уже после введения в действие УК РФ 1996 года Президиум Верховного Суда неоднократно принимал решения по конкретным делам, утверждая, что совершение преступления совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, тем не менее надлежит считать групповым деянием, с соответствующим квалифицирующим признаком.

По этому же пути идут и нижестоящие суды. Например, Самарским областным судом был осужден гражданин П.Б. за то, что помогал гражданину С.С. совершить изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетней. Он наносил потерпевшей удары, сломив ее сопротивление, после чего С.С. совершал с потерпевшей половое сношение и действия сексуального характера. В процессе расследования С.С. был признан невменяемым и уголовное преследование в его отношении было прекращено. Действия П.Б. были квалифицированы как изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные группой лиц по предварительному сговору.

Отклонив возражения защитника П.Б. о том, что квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору» подлежит исключению из обвинения, поскольку С.С. уголовной ответственности не подлежит, суд указал в приговоре: «Групповым изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера признаются не только действия лиц, непосред-

редственно совершивших насильственный половой акт и насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости»*.

В целом обобщение судебной практики по рассматриваемой нами проблеме позволяет выделить три варианта суждений, используемых судами при квалификации совместных действий деликтоспособного лица с не деликтоспособными в качестве группового преступления.

1. Решение о вменении квалифицирующего признака, предусматривающего ответственность за групповое преступление, принимается судами в зависимости от содержания руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по соответствующей категории дел. Если в постановлении Пленума прямо оговорена позиция, согласно которой групповое преступление рассматривается через призму норм о соучастии (ст.ст. 32 и 35 УК РФ) во взаимосвязи с деликтоспособностью как минимум двух соисполнителей, то суды не вменяют указанный квалифицирующий признак в случаях совместного исполнения преступления с невменяемыми лицами, а равно с лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Выше приводился пример п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Подобные, хотя и менее четкие положения, допускающие возможность дискуссии, содержатся в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда от 17 января 1997 г. N 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», а также в п. 4 Обзора Президиума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядо-

витых веществ. В последнем из названных документов находим: «При квалификации преступлений, предусмотренных статьями 228.1, 229, 230, 231, 232, 234 УК РФ и совершаемых группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), судам следует учитывать положения статьи 35 УК РФ»**.

Если рассматривать соучастие, как это принято в уголовно-правовой науке, в качестве деяния, совершенного двумя или более лицами с признаками субъекта, то позиция Верховного Суда по делам о бандитизме, а также о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ подобна подходу к квалификации хищений.

Соответственно, тот же Самарский областной суд 14 августа 2012 года в кассационной инстанции изменил приговор в отношении гр. Ключникова С.В., указав среди прочего, что фактический «соисполнитель» подсудимого в краже не достиг возраста уголовной ответственности, в возбуждении уголовного дела в его отношении отказано, а потому все упоминания о совершении преступления Ключниковым С.В. в составе группы лиц по предварительному сговору подлежат исключению из приговора***. Прокуратура Красноярского края на официальном сайте также приводит подобные примеры своей успешной практики опротестования незаконного вменения признака «группой лиц по предварительному сговору» [1].

Однако в действительности у этого подхода имеется и обратная сторона. Если в постановлении Пленума Верховного Суда РФ вопрос о деликтоспособности участни-

** Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?id=8034

*** Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного Суда от 14 авг. 2012 г. N 22-3370/2012 // Актоскоп. URL: <http://actoscope.com/pfo/samarskobl/oblsud-sam/ug/3/prigovor-izmenen-po-st-150-ch127082012-4814740/>

* Приговор Самарского областного суда от 31 мая 2011 г. в отношении П.Б. // РосПравосудие. URL: <http://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-103932305/>

ков группового преступления не оговорен, то суды считают возможным вменять соответствующий квалифицирующий признак и единственному лицу, обладающему признаками субъекта, невзирая на то, что другие участники признакам субъекта не отвечают.

Например, новая редакция п. 12 упомянутого выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 за счет своих формулировок (и с учетом исключения первого абзаца в 2010 году) может быть истолкована иначе. Вполне резонно предположить, что «использование» неделиктоспособных лиц для хищения — не то же самое, что «совместное выполнение» с ними объективной стороны. Если в таком случае считать, что Пленум в новой редакции пункта 12 своего постановления имеет в виду только случаи посредственного причинения вреда путем использования «негодных» субъектов, то вопрос о квалификации именно совместного совершения преступления с неделиктоспособным лицом оказывается открытым. При этом в рассматриваемом акте судебного толкования больше нет положений о том, что при групповом преступлении каждый соучастник должен обладать признаками субъекта преступления. Можно ли считать, что Верховный Суд РФ изменил свою позицию по делам о хищениях на противоположную?

Полагаем, что такому выводу препятствует факт существования пункта 13 в этом же постановлении. Он как раз и посвящен «переносу» роли исполнителя с «негодного» субъекта на организатора хищения или подстрекателя, которые сами объективную сторону не выполняли. Зачем в таком случае в двух соседних пунктах говорить об одном и том же правовом явлении?

Но если в случае с подходом к квалификации соучастия в хищениях возможны споры и разные позиции, опирающиеся на положения официального судебного толкования, то в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по подавляющему большинству других дел проблема соотношения деликтоспособности и категорий соучастия вовсе не рассматривается.

Это обстоятельство и позволяет судам говорить об отсутствии препятствий для вменения признаков «группой лиц» и «группой лиц по предварительному сговору» в случаях совместного выполнения

объективной стороны с «негодным» субъектом. К настоящему времени такая судебная практика сложилась преимущественно по преступлениям против личности.

Этот подход, несомненно, заслуживает критики, ведь уголовно-правовая оценка групповых преступлений оказывается различной даже в одном и том же суде — в зависимости от вида совершенного преступления. В результате в масштабах страны формируется партикулярная судебная практика. Очевидно, вопрос должен решаться в некотором едином формате для всех положений Особенной части УК РФ: или совместное выполнение объективной стороны преступления с неделиктоспособными лицами образует квалифицирующий признак группового преступления, или же не образует.

2. Возможность вменения квалифицирующего признака, предусматривающего ответственность за групповое преступление, единственному деликтоспособному лицу обосновывается через то обстоятельство, что подсудимый не был осведомлен о невменяемости соисполнителя (можно предположить — и о других юридически значимых обстоятельствах, которые исключают ответственность такого участника).

Например, в постановлении от 27 декабря 2000 г. N 740п99 по делу Степанова Ю.В. Президиум Верховного Суда РФ отметил, что хотя гр. Чернавских, непосредственно участвовавший с подсудимым в причинении смерти потерпевшему, находился в состоянии невменяемости, сам Степанов Ю.В. об этом не знал и не мог знать. А поскольку подсудимый заранее договорился об убийстве потерпевшего с Чернавских, рассчитывал на его помощь и получил ее в процессе совместного причинения смерти, постольку имело место соучастие, соответствующее положениям ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ. На основании сказанного Президиум счел, что действия Степанова Ю.В. правильно квалифицированы как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору*.

* Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2000 г. N 740п99 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/885111028>. См. также п. 1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2000 года по уголовным делам (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. N 8. С. 14).

В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией заблуждения лица относительно соучастия при выполнении объективной стороны совместно с неменяемым лицом. Данная ошибка является юридической, поскольку лицо заблуждается лишь в правовых вопросах – способности второго соисполнителя понести уголовную ответственность. Фактически никаких заблуждений нет, совместные действия совершены согласно достигнутой договоренности и общественно опасный результат наступил. В то же время необходимо принимать во внимание правила квалификации при юридической ошибке: она влияет на уголовно-правовую оценку только при мнимом преступлении (лицо ответственности не подлежит). В остальных случаях лицу должно вменяться в вину то преступление, которое оно совершило, без учета его заблуждений относительно правовых характеристик содеянного.

Следовательно, ссылаться на незнание подсудимого о неменяемости другого участника можно, но лишь для целей утверждения о том, что это заблуждение никакого значения для квалификации не имеет. Вне всякого сомнения, довод об этом незнании непригоден в качестве аргумента для вменения в вину признаков «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору». Заметим, что в таком случае дилемма с вариантами вывода «есть соучастие – нет соучастия» остается нерешенной, а рассмотренный подход к аргументации нельзя признать удачным.

Проблематика осознания/неосознания деликтоспособности других соучастников получила освещение в научных публикациях. В частности, этот вопрос рассматривали А.И. Рарог и Г.А. Есаков, а также Р.Р. Галиакбаров, формулируя правила для вменения квалифицирующих признаков группового преступления единственному родному субъекту. Они указывают, что виновный обязательно должен осознавать обстоятельства субъективной негодности других фактических соисполнителей, пользоваться этим [2, с. 52; 3, с. 40]. В противном случае он должен отвечать единолично и без учета признака группового преступления.

Как видим, суды склонны использовать сведения о такой осведомленности «с точностью до наоборот» либо вовсе не обращают на это внимания.

3. Квалифицирующий признак, предусматривающий ответственность за групповое преступление, вменяется судом на основании объективных данных о том, что деликтоспособное лицо выполнило объективную сторону преступления или его часть совместно с неделиктоспособными. Осознание факта неменяемости всех остальных фактических соисполнителей или недостижения ими возраста уголовной ответственности во внимание не принимается.

Такие аргументы мы находим, например, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2000 г. N 1048п2000пр по делу Тимиркаева Д.В., который после изнасилования несовершеннолетней А. лишил ее свободы и впоследствии убил путем утопления в ванной. В совершении этих преступлений, в том числе в лишении потерпевшей свободы (запиранием в подполье), непосредственно участвовали Бакулин и Белоглазов, не достигшие возраста 16 лет. Соответственно, преступление, предусмотренное ст. 127 УК РФ, было вменено в вину только Тимиркаеву Д.В., но с квалифицирующим признаком «группой лиц по предварительному сговору».

Президиум Верховного Суда РФ не согласился с доводами протеста о необходимости исключить этот квалифицирующий признак из обвинения по ст. 127 УК РФ. Суд обратил внимание на то, что умыслом Тимиркаева Д.В. охватывалось незаконное лишение свободы потерпевшей по предварительному сговору с Белоглазовым и Бакулиным. При таких обстоятельствах, по мнению Президиума, содеянное Тимиркаевым Д.В. правильно квалифицировано как действия участника группового преступления по предварительному сговору, «независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения ими возраста привлечения к уголовной ответственности»*.

* Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2000 г. N 1048п2000пр // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/885110621>; п. 1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2000 года по уголовным делам.

Подобным же образом Президиум Верховного Суда РФ подошел и к оценке действий гр. Прокопьева, который удерживал потерпевшего за руки, а Богомолов (признанный невменяемым) по предложению Прокопьева наносил потерпевшему удары ножом. Президиум не удовлетворил протест заместителя Генерального прокурора РФ и оставил в силе квалификацию содеянного Прокопьевым как убийство, совершенное группой лиц (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При этом суд пояснил: «По смыслу закона (ст. 35 УК РФ) убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них». На этом основании суд счел не основанными на законе доводы, изложенные в надзорном представлении, со ссылкой на невменяемость Богомолова и утверждением о том, что действия Прокопьева не могут быть квалифицированы как совершенные группой лиц, а потому подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 105 УК РФ*.

Следует заметить, что в доктрине уголовного права подобный подход к правовой оценке групповых преступлений нашел гораздо больше противников, нежели сторонников. Не повторяя высказанные критические замечания, обратим внимание, что последний из условно обозначенных нами способов аргументации, по мнению Верховного Суда РФ, основан на законе. Такая позиция судов связана с особенностями толкования некоторых положений действующего уголовного законодательства. Опять же с определенной долей условности можно выделить два ключевых момента.

Первый из них строится на специфическом понимании категории «лицо», ведь именно эта категория является центральной в понятии соучастия: умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

* См. п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2004 года (Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=1568).

Большинство ученых, в том числе и разработавших проект действующего УК РФ, при рассмотрении любых вопросов об уголовной ответственности под «лицом» подразумевают деликтоспособного индивида, т.е. обладающего признаками субъекта преступления. Все иные индивиды в таком случае не именуются «лицами», поскольку для уголовного права они безразличны, наравне с животными и силами природы, а потому могут быть учтены лишь в качестве орудия преступления при опосредованном исполнении преступления (ч. 2 ст. 32 УК РФ).

В свою очередь, суды нередко трактуют категорию «лицо» шире, включая в объем этого понятия и тех, кто уголовной ответственности не подлежит в силу невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности [2, с. 51]. Таких лиц Верховный Суд РФ рассматривает как соучастников преступления, ссылаясь на положения ст.ст. 32 и 35 УК РФ.

Уязвимость позиции, занятой судами, состоит в том, что относительно деяний, совершенных неделиктоспособными лицами, нельзя говорить о наличии в этих деяниях субъективной стороны в полном смысле термина — данные лица не способны осознавать фактический характер и значение своего поведения или не могут руководить своими действиями, а равно бездействием. Устанавливать то, что конкретно они осознали, что предвидели и что желали, считается юридически некорректным. Соучастие же предполагает несколько умышленно действующих лиц, чего нельзя обнаружить в рассматриваемых нами случаях. На это обстоятельство многократно указывалось в критических публикациях по данному вопросу [4, с. 61-62].

Возникают сомнения и относительно юридического значения любых договоренностей с лицами, сознание и воля которых считаются порочными и непригодными для вменения. Тем не менее суды квалифицируют как групповое преступление с предварительным сговором случаи совместной преступной деятельности с невменяемыми и теми, кто не достиг возраста уголовной ответственности, — если сведения о такой договоренности есть в материалах дела.

Трудно избавиться от подозрений в непоследовательности тех доктринальных разработок, которые обосновывают ква-

лификацию преступления, совершенного годным субъектом совместно с неделиктоспособными индивидами, в качестве группового. По непонятной причине эти правила распространяются только на признаки простой группы и группы лиц по предварительному сговору.

Однако если опираться на широкое понимание категории «лицо» и придавать юридическое значение договоренностям с невменяемыми или малолетними лицами, то в действительности становится возможным говорить и об организованной группе, и о преступном сообществе или о преступной организации, как о состоящих из одного деликтоспособного лица и остальных — неделиктоспособных.

Поскольку такой подход к оценке соучастия может быть поставлен под сомнение лишь из текста двух постановлений Пленума Верховного Суда РФ*, постольку остальные руководящие разъяснения возможно использовать по принципу *ad hoc* (так и происходит в действительности).

Это дает нам оригинальную конструкцию субъектного состава и экстремистского сообщества, и террористического, и соответствующих организаций, и конструкцию квалифицирующего признака «организованная группа» для подавляющего большинства составов преступлений (легализации денежных средств, преступлений в сфере компьютерной информации, оборота оружия и др.): необходимо объективно два или более представителя вида *homo sapiens*, независимо от количества деликтоспособных по действующему законодательству. Но насколько этот подход соответствует закону и доктрине, лежащей в его основании? Чем, например, такие группы отличаются по своим правовым характеристикам от объединения взрослого вменяемого человека с обученными им животными?

С позиции формальной логики, если рассматривать категории УК РФ о соучастии во взаимосвязи с понятием преступления, с принципами уголовного законодательства и с формами вины, то мы неизбежно станем допускать грубые ошибки,

создавать противоречия, разрушать внутренние связи между положениями одного и того же закона, как только прибегнем к широкому толкованию категории «лицо».

Имеется и второй важный момент в толковании уголовного закона, позволяющий вменять квалифицирующие признаки о групповом преступлении при наличии только одного деликтоспособного исполнителя. В частности, Р.Р. Галиакбаров и Д.В. Савельев рассматривают такие квалифицирующие обстоятельства в статьях Особенной части УК РФ в качестве способа выполнения объективной стороны [3, с. 40; 5, с. 118; 6]. Этот подход снимает вопросы о широком или узком истолковании категории «лицо» и позволяет избежать коллизий с понятием и признаками соучастия, с понятием преступления и другими положениями Общей части УК РФ. По существу, весь вопрос в таком случае сводится к оценке особенностей выполнения объективной стороны преступления: имел ли место групповой характер совершения преступления или же нет? Проблема вменяемости других лиц (фактических «соисполнителей») или недостижения ими определенного возраста в таком случае снимается.

Важно, что представители этого подхода не относят квалифицирующие признаки об ответственности за групповое преступление из статей Особенной части уголовного закона к положениям о соучастии. В то же самое время Верховный Суд РФ в приведенных выше решениях настаивает на обратном: это — соучастие.

Нельзя не отметить, что отнесение квалифицирующих признаков, предусматривающих ответственность за групповое преступление, к самостоятельному правовому явлению — к признакам объективной стороны составов конкретных преступлений вне категорий соучастия — оказывается достаточно противоречивым решением. Зачем тогда в Общей части УК РФ приведено понятие соучастия и его формы, если в статьях Особенной части УК РФ речь идет не о них?

Кроме того, в уголовном законодательстве нет дополнительных дефиниций о совершении преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой за рамками ст. 35 УК РФ. Не случайно в юридической

* «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. N 29, «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17 января 1997 г. N 1.

литературе рассматриваемый подход к пониманию преступных групп подвергался серьезной критике [4, с. 56-65].

У рассматриваемой нами проблемы, однако, имеется и другая сторона, игнорировать которую нельзя. Любые стройные и логически безупречные теоретические конструкции хороши до тех пор, пока они удовлетворяют потребности человеческой практики. В нашем случае такие потребности обнаруживаются в представлениях общества о функциях уголовной юстиции, в ожиданиях соответствия между социальной действительностью, уголовным законодательством и практикой его применения.

Правоприменители, сталкивающиеся со всевозможными проявлениями групповых преступлений, обнаруживают рассогласования между доктриной, законодательством и общественными потребностями гораздо быстрее уголовно-правовой науки, однако последняя не позволяет практике снять этот диссонанс. Насколько убедительными являются для потерпевших и ответственности в целом самые безупречные с теоретических позиций пояснения о том, что данное фактически групповое преступление юридически оказывается негрупповым, поскольку подсудимый один, а остальных признали невменяемыми, и теперь действия одного оставшегося заслуживают менее строгой правовой оценки?

Очевидно, этим и порождено регулярно возникающее стремление судов толковать уголовный закон иначе, чем это делает наука, балансируя между достижением цели восстановить социальную справедливость (дабы оправдать социальные ожидания) и неизбежным возникновением внутренних логических противоречий в судебной практике. По мнению Г.А. Есакова и А.И. Ророга, позиция Верховного Суда РФ основана на принципе справедливости, а потому заслуживает поддержки [2, с. 52-53].

Давние и не прекращающиеся споры о квалификации групповых преступлений, совершаемых совместно с неделиктоспособными лицами, свидетельствуют о том, что проблема назрела, но требует она не взаимной критики, а решения силами доктрины. Несомненно, можно спорить о том, насколько повышается общественная опасность содеянного в случае совместного выполнения объективной стороны с

теми, кто не подлежит уголовной ответственности. Между тем этот спор малопродуктивен [7, с. 230-232], да и сам признак «общественная опасность» не имеет четких эмпирических параметров, измеряемых математически.

Не выглядит оптимальным направлением для науки и поиск способов истолкования действующего уголовного закона с той целью, чтобы обосновать судебную практику, складывающуюся самостоятельно по собственным специфическим закономерностям. Наука должна решать проблемы практики и развивать законодательство, но не подстраиваться под них. В противном случае доктрина станет дисфункциональной, утратит фундаментальную составляющую, а затем окажется ненужной.

По всей видимости, разрешение спорных вопросов или развитие учения о соучастии в прежней плоскости становится невозможным: эта парадигма находится в конечной стадии своего развития и ей на смену требуется новая. Соответственно, необходимо изменение уголовного законодательства таким образом, чтобы оно отвечало потребностям социальной практики и Пленуму Верховного Суда РФ не требовалось создавать новые фикции или презумпции.

Например, не будет ли целесообразным решением исключить формы соучастия из разряда квалифицирующих признаков в статьях Особенной части УК РФ? По общему правилу квалифицирующий признак является уточняющей характеристикой для определенного элемента состава преступления. Однако форма соучастия не может быть отнесена ни к одному из элементов состава, поскольку она содержит в себе сразу и объективные, и субъективные признаки. Эта технико-юридическая особенность отечественного законодательства — одна из непосредственных причин рассмотренных нами разногласий в науке и судебной практике.

Наличие форм соучастия в числе признаков квалифицированных составов преступлений порождает и другие проблемы. Например, сложно не замечать и того обстоятельства, что в Особенной части УК РФ нет общего подхода с точки зрения дифференциации уголовной ответственности по этому признаку: в одних статьях разные формы соучастия находятся на

различных степенях дифференциации (в ст.ст. 158-163 УК РФ и некоторых других), в то время как в других статьях между собой уравниваются и простая группа лиц, и организованная (ст.ст. 105, 131, 132 УК РФ и некоторые другие) [8, с. 196-198]. Преступное сообщество (преступная организация), являющееся в соответствии со ст. 35 УК РФ самостоятельной формой соучастия, вообще не встречается в качестве квалифицирующего признака, и Пленум Верховного Суда РФ вынужден небесспорно рекомендовать для таких случаев квалифицирующий признак с другой формой соучастия – преступление, совершенное организованной группой.

Сложно назвать последовательным толкование субъектного состава, а также признаков организованной группы в разных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В итоге, например, для преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, соисполнителями в рамках организованной группы могут быть только лица с признаками специального субъекта, кому вверено имущество, в то время как для ст.ст. 204 и 290 УК РФ дано другое разъяснение: все члены организованной группы, созданной для получения взяток или предмета коммерческого подкупа, несут ответственность как соисполнители, даже если в составе этой группы было только одно должностное лицо (или один управленец, указанный в примечании к ст. 201 УК РФ)*.

Предложенным решением, которое отчасти переключается с воззрениями М.Д. Шаргородского на феномен соучастия [9, с. 84-86], можно снять споры об уголовно-правовой природе квалифицирующих признаков, предусматривающих ответственность за совершение группового преступления, а также упразднить казуистичность толкования и применения положений УК РФ о соучастии.

Однако и у этого предложения найдется немало оппонентов, ведь в России сложилась определенная традиция: использовать форму соучастия в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание за совершенное преступление, именно в статьях Особенной части Уголовного кодекса. Несомненно, положения уголовного закона о соучастии должны находить отражение в его Особенной части или в правилах назначения наказания – иначе зачем они нужны?

В таком случае можно обратиться к опыту установления особенностей ответственности за совершение преступления при рецидиве. Кроме того, есть небезынтересный законодательный опыт зарубежных стран, когда сконструированы самостоятельные составы о вступлении в сговор на совершение преступления, которые вменяются каждому из соучастников по совокупности с совершенным преступлением. В свете этих конструктивных решений может быть поставлен и вопрос о специфике уголовной ответственности годного субъекта, выполнившего объективную сторону преступления совместно с теми, кто уголовной ответственности не подлежит. Ведь очевидно, что возможностями п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ суды в настоящее время не удовлетворены.

В любом случае оставление этой проблемы без внимания продолжает формировать партикулярную судебную практику, нарушать стабильность уголовно-правового регулирования, предоставляя гражданам достаточные основания заявлять о чрезмерной способности нашего законодательства «поворачивать» к разным правовым выходам из схожих ситуаций, а также о том, что термины «правосудие» и «справедливость» являются разными не только в силу нашей языковой специфики, но и по своему содержанию.

* Достаточно сравнить положения п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Список литературы

1. Хищение чужого имущества совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, не может квалифицироваться как «совершенное группой лиц по предварительному сговору» // Прокуратура Красноярского края. Официальный сайт. URL: <http://www.krasproc.ru/law/quest/9> (дата обращения: 7 февр. 2014 г.).
2. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. N 1. С. 51-53.
3. Галиакбаров Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. N 10. С. 40-50.
4. Козлов А.П. Соучастие в преступлении: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
5. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки. Свердловск, 1973. 140 с.
6. Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. N 12. С. 48-50.
7. Комиссаров В.С. Место и роль института соучастия в борьбе с организованной преступностью // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сб. науч. тр. Саратов: Сателлит, 2009. С. 228-238.
8. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
9. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. N 1. С. 84-97.

References

1. *Khishchenie chuzhogo imushchestva sovmestno s litsom, ne dostigshim vozrasta ugolovnoy otvetstvennosti, ne mozhет kvalifitsirovat'sya kak «sovershennoe gruppy lits po predvaritel'nomu sgovoru»* [Stealing someone else's property in conjunction with a person under the age of criminal responsibility may not qualify as "a group of persons by prior conspiracy"]. *Prokuratura Krasnoyarskogo kraya. Ofitsial'nyy sayt* [The prosecutor's office Krasnoyarsk region. Official site]. Available at: <http://www.krasproc.ru/law/quest/9> (Accessed 7 February 2014).
2. Rarog A., Esakov G. *Ponimanie Verkhovnym Sudom RF "gruppy lits" sootvetstvuet printsipu spravedlivosti* [Understanding the Supreme Court of the Russian Federation "group of persons" corresponds to the principle of fairness]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice*, 2002, no. 1, pp. 51-53.
3. Galiakbarov R. *Kak kvalifitsirovat' ubiystva i iznasilovaniya, sovershennyye gruppovym sposobom* [Qualify as murder and rape committed by group method]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice*, 2002, no. 10, pp. 40-50.
4. Kozlov A.P. *Souchastie v prestuplenii: traditsii i real'nost'* [Complicity in the crime: tradition and reality]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2001. 362 p.
5. Galiakbarov R.R. *Gruppovoe prestuplenie. Postoyannyye i peremennyye priznaki* [Group crime. Fixed and variable symptoms]. Sverdlovsk, 1973. 140 p.
6. Savel'ev D. *Legalizovat' otvetstvennost' za gruppovoy sposob soversheniya prestupleniya* [Legalize responsibility for group modus operandi]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice*, 2001, no. 12, pp. 48-50.
7. Komissarov V.S. *Mesto i rol' instituta souchastiya v bor'be s organizovannoy prestupnost'yu* [The place and role of the institution of complicity in the fight against organized crime]. *Ugolovno-politicheskie, ugolovno-pravovyye i kriminologicheskie problemy bor'by s sovremennoy prestupnost'yu i korruptsiyey* [Criminal political, criminal and criminological problems of modern combat crime and corruption]. Saratov, Satellit Publ., 2009. Pp. 228-238.
8. Lopashenko N.A. *Ugolovnaya politika* [Criminal policy]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 608 p.
9. Shargorodskiy M.D. *Nekotorye voprosy obshchego ucheniya o souchastii* [Some questions of the general doctrine of complicity]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1960, no. 1, pp. 84-97.

АНИСИН А.Л., ANISIN A.L.,
доктор философских наук, доцент, Doctor of Philosophical Sciences,
anisin@bk.ru associate professor,
anisin@bk.ru
Кафедра философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел; Chair of philosophy, foreign languages
and humanitarian training
Тюменский институт повышения of law enforcement officers;
квалификации сотрудников Tyumen Advanced Training Institute
Министерства внутренних дел of the Ministry of the Interior
Российской Федерации, of the Russian Federation,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75 Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА

Реферат. Значимость религиозного фактора в жизни общества в последние десятилетия явно возрастает, и его влияние бывает как благотворным, так и социально деструктивным. Порой религиозная фразеология служит только прикрытием, но это не отменяет того факта, что в ряде случаев речь идет именно о глубокой искренней вере, хотя и извращенного характера. Глубокая религиозная вера способна возвести человека на вершины нравственного совершенства, но она же способна также низвергнуть его в бездны фанатизма, ксенофобии и ненависти. В том случае, если содержанием веры становится возвышение собственной жизни и окружающего мира к Богу, это имеет следствием одухотворение человека и окружающего мира, благотворно воздействует на индивидуальную психологию и общественную атмосферу. Однако возможна противоположная логика и динамика религиозной веры, когда человек, дошедший до крайней степени уверенности в абсолютной значимости собственных религиозных представлений, начинает диктовать окружающим правила жизни. При этом отрицается всякая свобода и всякая значимость социальных норм. Государство обязано, уважая неприкосновенность личных убеждений, адекватно пресекать те действия, которые несут общественную опасность. Для этого необходимо превентивным образом выявлять очаги «идеологической напряженности» до того, как они выльются в преступления. Требуется выверенная политика по отношению к религиозным организациям, учитывающая как криминологическую, так и социальную значимость религиозного фактора. При строгом соблюдении прав религиозных меньшинств необходимы режим благоприятствования традиционным религиям, а также обеспечение идейного противодействия различным формам религиозной нетерпимости и экстремизма.

Ключевые слова: детерминация преступности, профилактика преступности, религиозная мотивация, религиозный экстремизм, духовные основы общества.

CRIMINOLOGICAL SIGNIFICANCE OF RELIGIOUS FACTOR

Abstract. In last decades the importance of religious factor in society is obviously increasing, and its influence can be beneficial as well as socially destructive. Sometimes religious phraseology serves only as a cover, but it doesn't negate the fact that we speak about true and sincere faith, though its form is perverted. Deep religious faith can lead a human to the top of moral perfection, but it also can overthrow him into abyss of bigotry, xenophobia and hatred. If the matter of faith is rising one's life and outward things to God, it causes spiritualization of human and world around him, and it has a beneficial effect on individual psychics and society's atmosphere. Nevertheless, the contrary logic and dynamics of religious faith are possible: when a man at an extreme degree of confidence in absolute significance of his religious views starts to dictate the life rules to others. In his way, he denies any concept of freedom and any social norms. The state must adequately suppress the actions which are socially dangerous, respecting the inviolability of personal beliefs. It is necessary to detect the ideological tensions in a preventive way, before they turn into crimes. The targeted policies, which would take into account the criminological and social significance of religious factor, are needed towards to religious organizations. It is necessary to provide the favorable treatment to the traditional religions, strictly

observing the rights of religious minorities; as well as the ideological counteraction to the different forms of religious intolerance and extremism.

Keywords: determination of crimes, crime prevention, religious motivation, religious extremism, society's spiritual foundations.

При изучении тенденций и закономерностей преступности как многофакторного явления социальной жизни криминологи традиционно обращают внимание на такие важнейшие его детерминанты, как экономическое состояние общества, политические процессы, изменения законодательства и правоприменительной практики. При этом, как справедливо отмечается, «даже беглый анализ мировой и отечественной литературы наглядно показывает, что на сегодняшний день накоплен солидный багаж знаний, касающихся тенденций и закономерностей преступности в мире, его различных регионах и странах» [1, с. 19]. Пожалуй, можно согласиться с тем, что основные и определяющие факторы формирования преступного поведения анализируются в этой литературе достаточно полно. Однако примечателен тот факт, что религиозная составляющая жизни общества при этом либо вовсе игнорируется, либо – в том случае, если сама специфика анализируемой преступности не позволяет обойти молчанием эту тему, – она редуцируется к вышеназванным детерминантам. Как утверждает М.М. Василенко, «детерминанты преступности религиозного характера производны от общих причин преступности в стране, связанных с экономическим, политическим, идеологическим, морально-психологическим состоянием общества в переходный период, демографическими его характеристиками, конфликтными ситуациями в ней» [2].

При рассмотрении криминологического значения религиозности как на психологическом, так и на социологическом уровне исследователи, как правило, ограничиваются достаточно общими констатациями. Так, например, говоря о влиянии религии на преступность, Р.А. Махарамов отмечает: «религия, помимо сдерживающих начал, иногда выступает и причиной совершения преступлений» [3, с. 71]. И подробнее: «сам по себе религиозный традиционализм, будь он исламский или христианский, не несет в себе отрицательных свойств. Скорее наоборот, как на любом консервативном явлении, на нем

лежат отпечатки спокойствия, благополучия и стабильности. В этом смысле традиционализм чрезвычайно полезен для предупреждения преступных проявлений, поскольку позволяет, если хотите, держать в страхе потенциальных правонарушителей. С другой стороны, нельзя не сказать, что некоторые преступления совершаются на религиозной основе либо непосредственно связаны с этим» [3, с. 79]. А уже цитированный М.М. Василенко в другой своей статье пишет: «Другие формы мировоззрения не могут сравниться с религией по силе и глубине своего воздействия на умонастроения и чувства людей. Следовательно, религия как феномен культуры может обладать как антикриминогенным, так и криминогенным потенциалом, что делает актуальным ее дальнейшее изучение в плане воздействия на состояние и структуру преступности в стране» [4].

Действительно, современная ситуация такова, что, с одной стороны, религия в так называемых «цивилизованных странах» уже не играет той роли, какую играла во времена религиозных войн в Европе и старообрядческого раскола в России. Будучи сами по себе крайне болезненным явлением, эти процессы стали тем не менее значимым фактором развития европейской культуры. Именно религиозные войны послужили непосредственной причиной разработки концепции прав человека, первым из которых стало право на свободу вероисповедания, «свободу совести», провозгласившую религию частным делом, зоной неприкосновенной личной жизни. А в русской истории старообрядческий раскол открыл возможность широкого развития светской культуры. Справедливости ради следует отметить, что сама принципиальная возможность таких культурных сдвигов обеспечивалась спецификой христианской веры, которая именно личные отношения с Богом рассматривает как главное содержание религиозной жизни («Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 21), и согласно которой Церковь, присутствуя в мире, миру не принадлежит: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36), «ибо не имеем здесь

постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13: 14).

Это в отличие, например, от ислама, который изначально и твердо ориентирован на слитность светской и духовной власти. Хотя Ислам на богословском уровне нередко развивает весьма либеральную концепцию прав человека, но даже в этом случае не может удержаться от характерных оговорок: «Каждый человек свободен выбирать веру и следовать ей, хотя Ислам обладает правом передаваться каждому в соответствии с правилами, установленными Аллахом и деятельностью Посланника» [5, с. 463]. Такие формулировки, конечно, навевают воспоминания как о принципе «все равны, но некоторые равнее», так и о памятной статье 52 Конституции СССР 1977 г., которая гарантировала «свободу совести», закрепив «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести антирелигиозную пропаганду». «Каждый человек свободен выбирать веру..., хотя Ислам обладает правом передаваться каждому», — такова формулировка в целом весьма либеральной книги, акцентирующей внимание на духовной стороне ислама, книги, в которой ни на одной из более чем полутысячи страниц ни разу не упоминается шариат. А ведь эта нормативно-практическая сторона религиозной доктрины ислама, пожалуй, важна первостепенно, поскольку «...в отличие от христианско-европейской этики, которую можно назвать этикой общих принципов, мусульманская этика есть этика конкретных норм» [6, с. 60]. В частности, именно поэтому «исламская религия и особенно суннитское течение в его рамках представляется более консервативным и соответственно более воздействующим на потенциальных правонарушителей» [3, с. 4].

Итак, мы констатировали, что, с одной стороны, религия в современном мире уже не играет той определяющей роли, которую она играла когда-то. Вместе с тем значимость религиозного фактора в жизни общества в последние десятилетия явно возрастает, и его влияние бывает как благотворным, так и социально деструктивным. Для того, чтобы по-настоящему понять криминологическую значимость религиозного фактора, необходимо более внимательно отнестись к анализу меха-

низмов религиозного сознания, тем более что наряду с религиозными убеждениями и ценностями все чаще говорят о «псевдорелигиозных» идеологиях сектантства и экстремизма.

Определений религии, как известно, существует очень много, — в зависимости от предпочтений автора и стоящих перед ним задач они акцентируют внимание на разных ее аспектах и проявлениях. Максимально коротко и обобщенно определяя самую суть религии, можно сказать, что она есть *сознание и деятельность, основанные на убеждении в существовании высшей сверхъестественной реальности и направленные на установление связи с ней*. Такое определение не только может, но и должно уточняться при переходе к более конкретным религиозно-ведческим вопросам. Так, например, понятие «высшей сверхъестественной реальности» в качестве предмета религиозного переживания должно быть поставлено в связь с понятием «абсолютного первоначала бытия», а «установление связи с ней» конкретизироваться через понятия «поклонения» и «культа». Однако для целей нашего исследования, не имеющего предметом религиозно-ведческую проблематику, приведенное определение вполне может послужить отправной точкой.

Прежде всего, из приведенного определения с логической необходимостью следует тот вывод, что для верующего человека религия должна составлять центр его жизни. Если религия говорит правду, то ничто не может быть важнее того, о чем она говорит. Если действительно существует высшая абсолютная реальность, являющаяся первопричиной и руководящим началом всего, и если действительно человек имеет возможность установить с этой реальностью живую связь, то ничто не может быть важнее этого факта и этой деятельности. Следовательно, религиозные убеждения изначально помещают человеческую жизнь в такую перспективу, где все земные дела имеют значение и смысл только в силу своей соотнесенности с высшими религиозными целями этой жизни. Так происходит в том случае, если религиозная вера имеет для человека свой настоящий смысл, однако далеко не всегда религиозность существует в этом своем настоящем виде. Пожалуй, для большинства людей религиозные вопросы не имеют та-

кой исключительной значимости. Понятие «псевдорелигиозности», таким образом, может обозначать, во-первых, восприятие верующим человеком собственной веры как чего-то второстепенного и подчиненного другим, более значимым для него интересам. Такая жизненная позиция, как уже сказано, достаточно распространена, однако в рамках нашей темы не представляет особого интереса, поскольку самостоятельная значимость религиозного фактора в этом случае нивелируется, религиозные мотивы редуцируются к тем другим, более значимым для человека ценностям и интересам. В этом случае, действительно, «детерминанты преступности религиозного характера производны от общих причин преступности в стране» [2].

Более значим для нашей темы случай глубокой искренней веры, сознательно поставленной в центр мировоззрения и жизни. Здесь также возможны не только нравственное оздоровление личности и благотворное влияние на социальную атмосферу, но и определенные деструктивные проявления, которые также можно квалифицировать как «псевдорелигиозность». То, что террористы и экстремисты могут лицемерно прикрываться религиозной фразеологией, не отменяет того факта, что в ряде случаев речь идет именно о глубокой искренней вере, хотя и извращенного характера. Привычными стали констатации того, что «верующих сравнительно легко вовлечь в реализацию своекорыстных планов, заставить умирать и убивать других ради наживы и удовлетворения непомерного честолюбия тех, кто беззастенчиво эксплуатирует их религиозные чувства» [2]. Однако, во-первых, те религиозные чувства и представления, которые таким образом эксплуатируют, должны для этого быть очень сильными, обладать для жертв этой эксплуатации абсолютной значимостью. Во-вторых, извлечение главарями террористических групп и организаций личной наживы, их честолюбие и властолюбие может несколько не мешать этим главарям столь же искренне верить также и в свою религиозную миссию. А в-третьих, возможность такой эксплуатации религиозных механизмов сознания, видимо, свидетельствует о том, что сама эта религиозность носит нездоровый в духовном отношении характер. Именно такой случай

«псевдорелигиозности» представляет особый интерес в рамках нашей темы.

Глубокая искренняя вера в существование высшей абсолютной Инстанции, стремление установить живую и как можно более полную связь с ней, глубокое убеждение в первостепенной жизненной значимости этой веры и этой устремленности, беззаветное служение религиозным идеалам, — все это способно возвести человека на вершины нравственного совершенства, сделать его духовным светочем правды, добра, любви и мира для многих людей, но все это способно также низвергнуть его в бездны фанатизма, ксенофобии и ненависти, сделать его, говоря по-русски, *изувером*. Весьма характерно то, что это слово существует в русском языке очень давно и родилось не в умах теоретиков, а в самой народной жизни. Оно, очевидно, обозначает не какие-то новые, ранее не виданные явления, а выражает собой какую-то всегдашнюю опасность, таящуюся в самых глубинах религиозности. Слово «изуверять, изуверить» В.И. Даль объясняет как «удостоверять, убеждать вполне, заставлять верить чему» [7, с. 55]. По своей конструкции это вышедшее из употребления слово аналогично словам «изголодаться, иззябнуть, изнемогать, изничтожить, измучить, измызгать, избидеть, изовратиться»: приставка «из-» имеет здесь смысл доведения до крайней степени, до последнего предела: не просто «уверить», а «изуверить». Два слова, очень сходные внешне между собой, обозначают противоположные явления: *изувериться* — увериться до крайней степени, до фанатизма; *извериться* — утратить веру, разочароваться. И, как всегда, крайности часто сходятся.

Соответственно этому В.И. Даль определяет и слово «изуверство»: «ложное, упорное верование, при ненависти к разномыслящим и готовности пострадать за это; фанатизм, нетерпимость», а также отмечает в том же словарном гнезде слово «изуверчивый», то есть склонный впадать в крайние формы одержимости какой-либо идеей [7, с. 55]. Итак, возможные негативные последствия глубокой и искренней религиозной веры вполне осознавались русскими людьми с давних пор, а точнее, всегда. Впрочем, также и необходимость и благотворность для человека глубокой и искренней религиозной веры была вполне

для них очевидна. Каким же образом религиозные механизмы сознания, призванные просвещать и освящать жизнь, могут оборачиваться изуверством?

Все дело, видимо, в направленности религиозной жизни, причем направленности социальной предшествует и ее определяет направленность собственно религиозная. Религия, по наиболее распространенной этимологии (*re-ligio*) и в явном соответствии основному смыслу, есть стремление к связи, восстановление связи, поддержание и культивирование связи — с Абсолютом. Однако эта связь не является статичной, она предполагает движение, — и вот направленность этого движения принципиально важна для понимания того, как конкретная религиозная практика воздействует на самосознание человека и на его общественно-правовую позицию.

В том случае, если религиозная жизнь человека направлена, образно говоря, «снизу вверх», если ее содержанием становится возвышение собственной жизни и окружающего мира к Богу, то такая установка, видимо, и соответствует изначальному и верному смыслу религиозной веры. Такая динамика связи с Абсолютом имеет следствием одухотворение человеческой жизни и окружающего мира, и чем более глубокой и искренней является такая устремленность, тем благотворнее ее воздействие на индивидуальную психологию и общественную атмосферу. Это благотворное воздействие проявляется прежде всего в обретении и личностью, и обществом духовной свободы: такого нового измерения жизни, которое позволяет подняться над любой ситуацией, позволяет иметь духовные ориентиры и точку опоры для своих действий за рамками наличных материальных и социальных условий. В духовно-нравственном плане такое выстраивание жизни является гарантом не просто законопослушного поведения, но и созидательно-творческого отношения человека к собственной жизни и жизни общества.

Религиозное изуверство имеет другую логику, основанную на противоположной динамике религиозной связи с Абсолютом. В этом случае *из-уверившийся* человек, то есть человек, дошедший до крайней степени уверенности в абсолютной истиннос-

ти и значимости собственных религиозных представлений, в своей непогрешимости, начинает жить «сверху вниз», «с неба на землю» и вещать от имени Бога. Вместо одухотворения жизни при этом происходит своеобразная «материализация духа»: жесткая регламентация всего и вся с позиции непререкаемого авторитета. Вместо духовной свободы в данном случае культивируется духовное рабство: жизнь человека лишается всякого пространства для возможного собственного движения. Воспринимая себя как прямое орудие Божьей воли, человек отрицает всякую свободу в себе и всякую значимость каких бы то ни было норм, кроме собственного изуверства: веры, дошедшей до внутреннего фанатизма и внешней диктатуры. Та санкция, которую дает человеку беспредельная уверенность в абсолютной значимости собственных убеждений, оправдывает в его глазах любое насилие, любые нарушения общепринятых норм, не только юридических, но и нравственных. Базовый вероучительный текст Международного общества Сознания Кришны «Бхагавад-Гита как она есть» прямо декларирует: «Даже если человек, занимающийся преданным служением, совершит самый отвратительный поступок, его все равно следует считать святым, ибо он исполнен решимости идти по верному пути» [8, гл. 9, текст 30]. Более того, «тот, кто в своих поступках не руководствуется ложным эго, чей разум чист и свободен, даже убивая, не совершает убийства и никогда не запутывается в последствиях своей деятельности» [8, гл. 19, текст 17]. Иначе говоря, с этих изуверских позиций верующий стоит вообще вне понятий добра и зла, его единственным ориентиром должны быть требования духовного наставника, в каждом из которых предписывается видеть непосредственное проявление воли Божества.

Мы процитировали текст одной конкретной религиозной традиции, а точнее — конкретной религиозной организации, однако подобные явления возможны и реально встречаются на базе любого религиозного учения. Конкретные пути вырождения религиозной веры в религиозное изуверство могут несколько отличаться в зависимости от базового содержания того или иного вероучения, однако общий смысл этого процесса состоит в том, что

человек присваивает себе исключительное право на толкование религиозных истин и становится тем самым на место Бога. И сказанное относится не только к религиозным лидерам тоталитарных сект и фундаменталистских религиозных организаций, но и к их рядовым членам. Принципиальной разницы между ними нет: на любом уровне организационной иерархии изувер сознает себя всецело преданным Богу, а свою деятельность — совершенно соответствующей Божьим повелениям, он видит себя чрезвычайным и полномочным представителем Бога на земле.

Правовая система общества имеет не только генетическую, но и сущностную связь с религиозными механизмами мотивации сознания. В конечном счете «права человека имеют основание в его обязанности “быть человеком”, для того, чтобы “быть в праве”, необходимо “быть в Праве” в смысле стояния в Правоте, связи с Высшей Правдой и служения ей. Редукция понятия права к его формально юридической стороне при игнорировании этих его оснований ведет к правовому релятивизму и дегенерации правосознания. Попытка же полностью реализовать в нормах “положительного права” всю Высшую Правду неизбежно вырождается в тоталитаризм» [9, с. 41-42]. В свете этого экспертная оценка религиозной ситуации в стране могла бы являться одной из значимых основ как криминологических прогнозов, так и профилактических мер, направленных на оздоровление общественного сознания и противодействие преступности. Уважая свободу каждого иметь любые убеждения, нельзя тем не менее не учитывать вполне определенного — конструктивного или деструктивного — социального значимого потенциала, который эти убеждения несут.

Прежде всего, государство не только имеет право, но и просто обязано, уважая неприкосновенность личных убеждений и свободу их распространять, адекватным образом пресекать те внешние проявления этих убеждений, которые несут опасность для общества. А для успешной деятельности в этом направлении необходимо превентивным образом выявлять очаги «идеологической напряженности» еще на той стадии, когда они находятся в рамках правового поля. Не требуя при-

менения правовых санкций, такие «очаги напряженности» требуют тем не менее, во-первых, повышенного внимания со стороны правоохранительных органов, а во-вторых, — серьезной работы с общественным сознанием, направленной на идейное противодействие различным формам религиозного изуверства.

Кроме того, нельзя отказываться и от позитивного использования религиозного фактора в общественном сознании для повышения уровня правовой культуры и укрепления духовных основ общества. Если переводить этот вопрос в чисто практическую плоскость и обратиться к достаточно узкой, но весьма значимой теме социальной реабилитации осужденных и профилактики рецидивной преступности, то проведенные исследования показывают, «что 73,9 % относят себя к верующим: 76,9 % из них исповедуют христианство, 23,1 % — ислам. У 79,1 % осужденных религиозные взгляды сформировались после осуждения, и, как показывает анкетирование, — у всех у них имеется стремление придерживаться религиозных заповедей: “не убий”, “не укради” и т.д. после освобождения. При этом характерно, что из лиц, имеющих вторую и более судимости, основная масса — 79,5 % — отнесли себя к атеистам» [4].

Приведенные данные не могут не дать пищу для размышлений. Налицо разительный контраст: 73,9 % лиц из всего исследованного массива относят себя к верующим, и при этом среди рецидивистов, составляющих часть этого массива, 79,5 % отнесли себя к атеистам. В свете этого вряд ли возможно отстаивать тезис о вторичности религиозного фактора в профилактике преступности. Примечательно и то, что 58,5 % от общего числа всех осужденных констатирует, что именно после осуждения стали верующими.

Подводя некоторый итог, следует сказать, что современное российское общество представляет собой достаточно аморфную и неразборчивую в религиозном отношении массу, в которой присутствуют в качестве резких вкраплений численно небольшие «островки» религиозной активности. В криминологическом смысле такая ситуация не может рассматриваться как благополучная. Именно религиозная безграмотность и неразборчивость большинс-

тва населения создает почву для вовлечения граждан в деструктивные религиозные организации, формирующие и использующие изуверские формы религиозного сознания. Религиозный индифферентизм не означает отсутствия во внутреннем мире человека духовных потребностей и религиозных механизмов мотивации, он означает отсутствие устойчивых форм удовлетворения этих потребностей и сознательной духовной активности в религиозной сфере жизни. Эта пустота заполняется, как правило, примитивными суррогатами веры: интересом к гороскопам, паранормальным явлениям, экзотической духовности и т.п. Однако такое «духовное наполнение», во-первых, не способно служить позитивной основой здоровой и созидательной социальной активности, а во-вторых, не убеждает от деструктивного воздействия со стороны ультрарадикальных религиозных проповедников, от воздействия, которое способно деформировать сознание вплоть до его криминализации.

Такая ситуация, конечно, должна явиться поводом для беспокойства, прежде всего, традиционных религиозных организаций, стать предметом их автономной от государства духовно-просветительской деятельности. Однако речь идет не просто о суверенных правах личности на мировоззренческое самоопределение (и это означает, что в связи с тем или иным вариантом этого самоопределения допус-

тима только свободная дискуссия), но и о безопасности общества, обеспечение которой есть дело государственной власти. В связи с этим от государства требуется выверенная политика по отношению к религиозным организациям, исходящая из осознания значимости религиозного фактора как в криминологическом аспекте, так и в общей динамике общественной жизни. Меры, предпринимаемые государством в целях профилактики религиозно детерминированной преступности, а также для актуализации криминально-профилактической и социально-интегрирующей значимости религиозного фактора, должны иметь не репрессивный, а протекционистский характер.

Прежде всего, речь должна идти о поддержке традиционных религиозных исповеданий, составляющих духовную основу российской цивилизации. Трансляция высоких форм религиозной веры, имеющих долгий исторический опыт созидательной работы на благо России, призвана лишить почвы те ростки религиозного экстремизма, которые столь опасно проявляются в последнее время. Научно-экспертное сообщество также должно внести свой вклад в информационную политику государства, направленную на идейное противодействие различным формам религиозной нетерпимости и экстремизма, на культивирование в обществе высоких форм духовной жизни.

Список литературы

1. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 41 с.
2. Василенко М.М. Причины и условия преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект // SuperInf.ru: рефераты, контрольные, курсовые и дипломные работы. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=857 (дата обращения: 7 окт. 2013 г.).
3. Махарамов Р.А. Предупреждение преступности в России и в Узбекистане: учеб. пособие. М.: Былина, 2003. 224 с.
4. Василенко М.М. Культура, религия, преступность: грани взаимодействия // SuperInf.ru: рефераты, контрольные, курсовые и дипломные работы. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=852 (дата обращения: 7 окт. 2013 г.).
5. Бюйюкчелеби И. Под сенью Ислама. СПб.: Диля, 2006. 512 с.
6. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. 237 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4 т. Т. 2. И-О. М.: Астрель; Аст, 2002. 1280 с.
8. Бхагавад-Гита как она есть. URL: <http://www.bhagavatgita.ru> (дата обращения: 7 окт. 2013 г.).
9. Анисин А.Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2011. 46 с.

References

1. Yuzikhanova E.G. *Tendentsii i zakonomernosti prestupnosti v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. Doct. Diss.* [Trends and patterns of crime in the Russian Federation. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2006. 41 p.
2. Vasilenko M.M. *Prichiny i usloviya prestupleniy, sovershaemykh chlenami religioznykh totalitarnykh sekt* [Causes and conditions of crimes committed by members of a religious totalitarian sects]. Available at: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=857 (Accessed 7 October 2013).
3. Makharamov R.A. *Preduprezhdenie prestupnosti v Rossii i v Uzbekistane* [Crime prevention in Russia and Uzbekistan]. Moscow, Bylina Publ., 2003. 224 p.
4. Vasilenko M.M. *Kul'tura, religiya, prestupnost': grani vzaimodeystviya* [Culture, religion, crime Dimensions of Cooperation]. Available at: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=852 (Accessed 7 October 2013).
5. Byuyyukchelebi I. *Pod sen'yu Islama* [Under the shadow of Islam]. St. Petersburg, Dilya Publ., 2006. 512 p.
6. Kudryavtsev V.N. *Prestupnost' i nrvy perekhodnogo obshchestva* [Crime and mores of a transitional society] Moscow, Gardariki Publ., 2002. 237 p.
7. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: sovremennoe napisanie. V 4 t. T. 2. I-O* [Explanatory Dictionary of Russian language: modern spelling. In 4 volumes. Vol. 2. I-O]. Moscow, Astrel'; Ast Publ., 2002. 1280 p.
8. *Bkhagavad-Gita kak ona est'* [Bhagavad-Gita As It Is]. Available at: <http://www.bhagavatgita.ru> (Accessed 7 October 2013).
9. Anisin A.L. *Printsip sobornogo edinstva v istorii filosofskoy mysli. Avtoref. Doct. Diss.* [Conciliar principle of unity in the history of philosophical thought. Autoabstract Doct. Diss.]. Ekaterinburg, 2011. 46 p.

ГРИШКО Л.Е.,
кандидат юридических наук, доцент,
apu-fsin@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний Российской Федерации,
390036, г. Рязань, Сенная, 1

GRISHKO L.E.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
apu-fsin@mail.ru
Chair of criminal procedure and criminalistics;
Academy of law and governance
of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation,
Sennaya St. 1, Ryazan, 390036,
Russian Federation

ВЫЯВЛЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЗАКОН И ПРАКТИКА В «КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ» СТАТИСТИКИ

Реферат. Критикуется практика реализации Федерального закона от 6 декабря 2011 г. N 407-ФЗ, порожденная стремлением снизить давление на бизнес и сократить возможности для рейдерских захватов с использованием правоохранительных органов. Наблюдаемое с 2010 г. резкое снижение количества налоговых преступлений и лиц, их совершивших, как результат проведенной либерализации законодательства, не отражает объективной ситуации из-за их сверхвысокой латентности и низкой выявляемости. Рассматриваются причины низкой выявляемости налоговых преступлений (слабое взаимодействие полиции и налоговых органов; проблемы правовой регламентации совместной деятельности; длительность рассмотрения налоговыми органами материалов оперативно-розыскной деятельности; отсутствие механизма представления налоговому органу материалов оперативно-розыскной деятельности; сложности при возбуждении уголовного дела о преступлениях в налоговой сфере, связанные с отсутствием вступившего в законную силу решения налогового органа о привлечении лица к ответственности). Действующий порядок передачи материалов налоговой проверки налоговым органом следственному органу ведет к затягиванию документирования следов преступления, утрате большей части доказательственной информации. Закон, переложив бремя выявления налоговых преступлений на налоговые органы, сделал их «квази-правоохранительными» органами, не имеющими полномочий проводить оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия. Рассматриваются другие проблемы законодательной регламентации выявления налоговых преступлений (десятилетний срок давности нивелируется трехлетним сроком налоговых проверок; предоставление полиции права возбуждать уголовные дела по статьям 198 и 199 Уголовного кодекса РФ; участие Следственного комитета РФ в решении вопроса о возбуждении уголовного дела). Резюмируется, что передача расследования соответствующих уголовных дел правоохранительным органам увеличит налоговые поступления в бюджет.

Ключевые слова: налоговая преступность, уголовное законодательство, правоохранительные органы, налоговые органы, латентность, уголовная ответственность, оперативно-розыскная деятельность.

REVELATION OF TAX CRIMES: LAW AND PRACTICE IN THE «DISTORTING MIRROR» OF STATISTICS

Abstract. The implementation of Federal Law of December, 6, 2011, N 407, which is aimed at reducing both pressure on business and possibilities of corporate raid using law enforcement agencies, is criticized. The sharp tax crimes decrease observed since 2010 as a result of legislation liberalization does not reflect objective situation due to high latency and low rate of such crimes revelation. The reasons of the low revelation rate are considered, notably police and tax authorities poor cooperation; problems of joint activities' legal regulation; length of considering detective activity's materials by tax authorities; lacking mechanism of submitting detective activity's materials to tax authority; difficulties during criminal case initiation caused by the absence of enforced tax authority's decision on bringing an individual to responsibility. The current procedure of submitting tax audit's materials to investigative body by tax authority results in protracted documenting of evidence and loss of most evidential information. The tax authorities being in charge of revealing tax crime by this law became "quasi law enforcement"

agencies having no powers to carry out detective and investigative activities. Other problems of legislative regulation of revealing tax crimes are examined: 10-years' time limit of tax audit is leveled down to 3 years; giving the police authorities for instituting criminal case under Articles 198 and 199 of the RF Criminal Code; participation of Russian Investigative Committee in deciding an issue of initiating criminal case. Empowering law enforcement agencies for investigating relevant criminal cases is considered to increase tax revenues.

Keywords: tax crime, criminal legislation, law enforcement agencies, tax authorities, latency, criminal responsibility, detective activity.

Принято считать, что российская законодательная система несовершенна. Это проявляется, в частности, в «сырых» законодательных актах, нормы которых или не реализуются, или реализуются некачественно, что негативно сказывается либо на государстве, либо на его гражданах, т.е., в нашем случае, на добросовестных налогоплательщиках. Так произошло и с Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. N 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* (далее — Федеральный закон N 407-ФЗ). Принятие этого закона было нацелено на то, чтобы посредством введения нового порядка возбуждения уголовных дел за налоговые преступления, прежде всего, «снизить давление на бизнес и сократить возможности для рейдерского захвата бизнеса с использованием правоохранительных органов»; исключить «заказы в условиях конфликтов между партнерами, при сведении счетов между конкурентами или для оказания давления на генерального директора с целью добиться определенного решения»; «прекратить масштабное коррупционное давление на бизнес через возбуждение уголовных дел по ст.ст. 198-199.2 УК РФ по обвинению в неуплате налогов без подтверждения соответствующих фактов со стороны ФНС» [1]. Поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях (ст.ст. 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации), согласно указанному закону, служили только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Казалось бы, так и происходило в последние два года. И количество налого-

вых преступлений в этот период стало резко снижаться. Так, в 2008 г. было зарегистрировано 8 361 преступление, в 2009 г. — 14 249, в 2010 г. — 6 802, в 2011 г. — 3 367, в 2012 г. — 3 055 преступлений [2, с. 487; 3, с. 359; 4, с. 636; 5, с. 363].

Таким образом, пик зарегистрированных налоговых преступлений в анализируемый период приходился на 2009 г., а начиная с 2010 г. наметилось резкое снижение их количества.

Такая же тенденция характерна и относительно количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст.ст. 198-199.2 УК РФ. В 2008 г. оно составило 12 371 человек, в 2009 г. — 12 079, в 2010 г. — 6 031, в 2011 г. — 3 239, в 2012 г. — 2 966 человек [2, с. 487; 3, с. 359; 4, с. 636; 5, с. 363].

Безусловно, это один из результатов либерализации уголовного законодательства, происшедшего в 2009 году.

Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. N 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»** почти в шесть раз были увеличены размеры сумм неуплаченных налогов и сборов, которые образуют преступность деяния. Кроме того, предусмотрена возможность освобождения лица, совершившего налоговое преступление, от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (примечание к ст. 198 УК РФ).

Однако приведенная положительная динамика состояния налоговой преступности в силу ряда обстоятельств не отражает объективной ситуации в этой сфере. И остро обсуждаемый сегодня Федеральный закон N 407-ФЗ не во

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7349.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 1. Ст. 4.

всех случаях (направлениях) приносил нужные результаты. Необходимо делать поправку на высокую степень латентности налоговых преступлений. Расчетный коэффициент латентности уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации составляет 20,57 [6, с. 13], что в несколько раз превышает коэффициент других преступлений в сфере экономической деятельности.

Необходимо учитывать, что налоговые преступления относятся к категории выявляемых, то есть, в отличие от «традиционных» преступлений (убийство, кража, изнасилование и т.п.), которые являются регистрируемыми, как правило, по факту обращения граждан, факт налоговых преступлений предполагает инициативные действия сотрудников правоохранительных органов по их выявлению. А налоговые органы, как известно, такими функциями не обладают, поскольку их основная задача заключается в контроле за соблюдением налогового законодательства Российской Федерации, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов, а также правильностью их исчисления.

До принятия Федерального закона N 407-ФЗ, когда полномочиями по возбуждению уголовных дел обладали правоохранительные органы, только по 10-15 % соответствующих уголовных дел выносились приговоры суда. Остальные 85-90 % представляли собой либо «холостой ход» ввиду некомпетентности сотрудников, исследующих финансово-налоговые связи между субъектами этой деятельности, либо давления на предпринимателей с целью получения неформальных доходов или иных частных выгод. Исходя из этого можно сделать вывод, что рост или снижение числа указанных преступлений зависит не столько от усиления работы правоохранительных органов в целом, сколько от активизации их отдельных звеньев, прежде всего оперативных и следственных подразделений.

Федеральный закон N 407-ФЗ стал одним из факторов, объясняющих снижение количества совершенных налоговых преступлений.

Данные статистики свидетельствуют о том, что не более 8 % уголовных дел

возбуждаются по результатам проверок налоговых органов [7].

Ранее подавляющее большинство таких преступлений (около 85 %) выявлялось органами внутренних дел. И эти статистические показатели оставались устойчивыми на протяжении многих лет [8].

Невысокая выявляемость преступлений налоговыми органами объясняется тем, что функция противодействия налоговым преступлениям для них является второстепенной. Их основные задачи – контроль (проверка) правильности исчисления налогоплательщиками сумм налогов, исходя из представленных ими документов бухгалтерской и налоговой отчетности, в доначислении выявленных недоимок по ним и привлечении виновных к налоговой ответственности. Для реализации этих задач налоговый орган наделен полномочиями по проведению мероприятий налогового контроля, которые не являются оперативно-розыскными мероприятиями.

С принятием Федерального закона N 407-ФЗ органы внутренних дел фактически отстранены от выявления налоговых преступлений. Конечно, за ними сохранена функция по раскрытию этих преступлений, однако результативность такой деятельности без функции по выявлению налоговых преступлений, которая и определяет в конечном счете статистические показатели деятельности ОВД, вызывает сомнение. Это негативно отражается и на эффективности оперативного сопровождения предварительного расследования по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Прежде всего, это способствует дальнейшему снижению раскрываемости преступлений в сфере налогообложения и приводит к безнаказанному уклонению от уплаты налогов. «Есть все основания утверждать, что подобная практика будет способствовать дальнейшему снижению раскрываемости преступлений в сфере налогообложения. Кроме того, это может привести к безнаказанному уклонению от уплаты налогов. Полагаем, что дальнейшее ослабление правоохранительной и в целом контрольной функции государства в области налогообложения в совокупности с повышением ставок налогов и деформированным правосознанием налогоплательщиков приведет к еще большему уво-

ду налогооблагаемого капитала “в тень”» [9, с. 44].

Факторами, способствующими этому, являются:

1. Низкая эффективность взаимодействия правоохранительных органов и ФНС России в сфере противодействия налоговым преступлениям. «Остро стоит проблема назначения выездных налоговых проверок на основании материалов, направляемых ОВД. В настоящее время предусмотрено лишь право полиции направлять в налоговый орган сведения о налогоплательщике, уклоняющемся от уплаты налогов. В свою очередь, руководителем налогового органа единолично принимается решение о включении его в план проверок. При этом в случае положительного решения сроки назначения проверки законодательно не определены».

2. Недостаточная правовая регламентация взаимодействия ОВД с налоговыми органами приводит к использованию не всех возможностей этого механизма.

3. Длительность рассмотрения налоговыми органами материалов оперативно-розыскной деятельности; отсутствие механизма представления налоговому органу материалов оперативно-розыскной деятельности; сложности при возбуждении уголовного дела о преступлениях в налоговой сфере, связанные с отсутствием вступившего в законную силу решения налогового органа о привлечении лица к ответственности [9, с. 45].

Согласно действующему налоговому законодательству налоговый орган, выявив факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, направляет недобросовестному налогоплательщику (плательщику сбора, налоговому агенту) требование об уплате налога (п. 3 ст. 32 НК РФ). Только после неисполнения данного требования в течение двух месяцев налоговый орган направляет в срок не позднее 10 суток материалы налоговой проверки в следственный орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В случае уведомления подобным образом налогоплательщика о возможности уголовного преследования за совершение конкретного налогового преступления и, как следствие, длительного затягивания

начала процесса документирования следов преступления посредством проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий большая часть доказательственной информации утрачивается.

Как показал анализ следственной практики, недобросовестные налогоплательщики за это время принимают активные меры, но не по погашению задолженности перед бюджетом, а по уничтожению или подлогу документов бухгалтерского и налогового учета, содержащих следы преступления, формированию согласованной позиции среди работников проверяемой организации, а также по уничтожению или фальсификации иных доказательств преступного деяния.

При этом налоговые органы не обладают достаточными полномочиями для предупреждения и пресечения подобного рода действий. Ряд уголовных дел после принятия названных мер не имеет судебных перспектив ввиду невозможности доказывания причастности лица к преступлению.

Такое положение не могло остаться без внимания первых лиц государства, и Президент Российской Федерации предложил вернуть правоохранительным органам право возбуждать дела на тех, кто не платит по налоговым задолженностям. По словам В.В. Путина, передача Федеральной налоговой службе России дел о налоговых преступлениях привела к тому, что статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за уклонение от уплаты налогов, по сути, перестали работать, а взыскивать долги по налогам становится все труднее. В то же время во всем мире налоговые правонарушения считаются наиболее общественно опасными [10].

В действующем законодательстве, по мнению специалистов, немало противоречий. Одно из таких противоречий связано со сроком давности по налоговым преступлениям в соответствии с УК РФ. Так, экономист М. Хазин отметил, что формально срок давности по налоговым преступлениям составляет 10 лет. Но налоговая служба может осуществлять проверки только в течение 3 лет. «Если в течение 3 лет не нашли, то дальше просто некому это обнаружить», — говорит он [10].

«На сегодняшний день не предлагается вернуться к прежней практике и к прежнему правовому регулированию и вновь предоставить органам внутренних дел право возбуждать уголовные дела по ст.ст. 198 и 199 УК РФ, то есть за налоговые правонарушения, а предлагается дать возможность Следственному комитету принимать эти материалы от МВД и самому решать вопрос о том, нужно возбуждать дело или нет, — говорит Президент. — Есть тонкая вещь, которая заключается в том, что по действующему на данный момент времени правилу только на основе материалов, представленных налоговой службой, эти дела можно возбуждать. На самом деле получилось так, что де-факто мы перенесли на площадку налоговой службы само по себе решение о возбуждении уголовного дела. Налоговая служба дело не возбуждает, но решение, по сути, концентрируется там. Между тем налоговая служба правоохранительным органом не является... Нужна внешняя система контроля... в данном случае МВД и Следственный комитет являются контролерами деятельности налоговой службы. Это приведет как минимум к нескольким эффектам. Первое — увеличится сбор налогов. Второе — уменьшится коррупционная составляющая в деятельности налоговой службы. И, соответственно, третье — предприниматели начнут более аккуратно налоги

платить... То есть речь сегодня идет вовсе не о степени либерализма этого закона, а о его качестве» [10].

Безусловно, снижение налоговой преступности — это не решение проблемы, а самообман и «искусственное» корректирование статистики, учитывая высокую степень латентности данных преступлений и некомпетентность налоговых органов в плане подготовки материалов, необходимых для возбуждения уголовных дел.

Существенным вопросом, отрицательно сказывающимся на эффективности действий налоговых органов по предупреждению преступлений в данной сфере, является то, что они не наделены правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Последнее является основной составляющей в деле предупреждения данного вида преступлений, т.к. главным способом их выявления является инициативность соответствующих органов.

В проявлении такой инициативности заинтересованы правоохранительные органы. Представляется, что передача полномочий по расследованию данной категории уголовных дел правоохранительным органам уменьшит уровень коррупционности налоговых органов и увеличит налоговые поступления в бюджет.

Однако то, насколько качественными будут нововведения, покажет время.

Список литературы

1. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/12/fns.html> (дата обращения: 30 апр. 2014 г.).
2. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. 530 с.
3. Преступность, ее виды и проблемы борьбы / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2011. 371 с.
4. Преступность, национальная безопасность, бизнес / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2012. 650 с.
5. Здоровье нации и национальная безопасность / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2013. 380 с.
6. Лежнин Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
7. Рос. газ. 2012. 17 янв.
8. URL: <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=85628> (дата обращения: 30 апр. 2014 г.).
9. Парфенова М., Великая Е. Сложности выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения // Законность. 2013. N 3. С. 42-46.
10. URL: <http://www.1tv.ru/news/economic/246347> (дата обращения: 30 апр. 2014 г.).

References

1. Available at: <http://www.rg.ru/2013/11/12/fns.html> (Accessed 30 April 2014).

2. *Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Extremism: social, legal and criminological problems]. Moscow, Russian Criminological Association, 2010. 530 p.
3. *Prestupnost', ee vidy i problemy bor'by* [Crime, its types and problems of combating]. Moscow, 2011. 371 p.
4. *Prestupnost', natsional'naya bezopasnost', biznes* [Crime, national security, business]. Moscow, Russian criminological Association, 2012. 650 p.
5. *Zdorov'e natsii i natsional'naya bezopasnost'* [Health of the nation and national security]. Moscow, Russian Criminological Association, 2013. 380 p.
6. Lezhnin R.A. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika nalogovykh prestupleniy. Avtoref. Cand. Diss.* [Criminally-legal and criminological characteristics of tax crimes. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 29 p.
7. *Rossiyskaya Gazeta* – The Russian newspaper, 2012, 17 January.
8. Available at: <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=85628> (Accessed 30 April 2014).
9. Parfenova M., Velikaya E. *Slozhnosti vyyavleniya i rassledovaniya prestupleniy v sfere nalogooblozheniya* [Difficulties detecting and investigating crimes in the sphere of taxation]. *Zakonnost'* – Legality, 2013, no. 3, pp. 42-46.
10. Available at: <http://www.1tv.ru/news/economic/246347> (Accessed 30 April 2014).

Раздел 5. Пенитенциарная система

ЛЕГОСТАЕВ С.В., LEGOSTAYEV S.V.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
prokuratura62@yandex.ru prokuratura62@yandex.ru
Прокуратура Рязанской области, Prosecutor's office of Ryazan region,
390023, г. Рязань, Введенская, 81 Vvedenskaya St. 81, Ryazan, 390023,
Russian Federation

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Реферат. Дается характеристика количественных и качественных показателей состояния пенитенциарной преступности, определяются ее основные тенденции. Приводится официальная статистика преступлений, выявленных органами исполнения наказаний в 2009-2013 годах в учреждениях ФСИН России. Отмечается тенденция роста как количества самих преступлений, так и количества лиц, их совершивших, коэффициент пенитенциарной преступности вырос на 30 %. Выделяются и аргументируются основные направления противодействия пенитенциарной преступности. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования предупреждения преступности в учреждениях ФСИН России (усиление профилактической роли учреждений, исполняющих наказания; разработка единого документа, регламентирующего профилактическую деятельность органов уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел (полиции); подробная регламентация порядка осуществления оперативно-профилактического учета). Предлагается совершенствование методов оперативно-розыскной профилактики (осуществление контроля за интересующими лицами путем оперативно-профилактического наблюдения в целях предупреждения замышляемых или подготавливаемых преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, устранения или нейтрализации конкретных причин совершения преступлений и условий, им способствующих). Отдельным направлением выступает профилактика пенитенциарного рецидива (тактика поведения оперативных сотрудников с представителями злостного и особо злостного типов личности должна кардинально отличаться от стиля общения со случайными, ситуационными и неустойчивыми преступниками. Учет индивидуальных и групповых особенностей осужденных является непременным условием реализации эффективных мер предупреждения пенитенциарной преступности). Аргументируется, что даже сам факт совершения преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы свидетельствует о коренных противоречиях, возникающих при исполнении наказания в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации.

Ключевые слова: состояние и тенденции пенитенциарной преступности, оперативно-розыскная профилактика, предупреждение преступлений, исполнение наказаний.

PRISON CRIME: CURRENT STATE, MAJOR TENDENCIES AND PREVENTION PROBLEMS

Abstract. The characteristics of qualitative and quantitative indicators of prison crime's state and its main tendencies are given. The official statistics of crimes revealed in 2009-2013 in Russian penal institutions is provided. The tendency of increasing the number of crimes and persons having committed a crime is observed: prison crime rate has grown by 30 %. The main directions of counteraction to prison crimes are stated and argued. The author proves the necessity to improve legal regulation of prison crimes' prevention, that is strengthening the preventive role of penal institutions; development of a single document regulating the preventive activities of the penal system bodies and the Internal Affairs bodies (police); detailed regulation of operative preventive recording. It is proposed to improve the methods of crime detection prevention, notably to control persons of interest through operative preventive supervision in order to prevent intending and preparing crimes in penal institutions and bodies, to eliminate or neutralize the specific causes of crimes commission and encouraging conditions. The separate direction is penitentiary recidivism prevention implying that behavioral tactics of field officers towards malignant personalities should cardinally differ from the style of treatment of situational offenders or offenders by accident. Taking into account individual and group features of convicts is an indispensable condition of implementing effective preventive measures against prison crimes. The fact of crime commission while serving a prison sentence is indicative of great contradiction arising in the process of sentences' execution in the RF penal institutions.

Keywords: state and tendencies of prison crime, crime detection prevention, crime prevention, execution of sentence.

Состояние преступности в пенитенциарных учреждениях в значительной мере определяется специфическими противоречиями и проблемами в исполнении наказаний, связанных с лишением свободы. Исследования показывают, что на уровень преступности в пенитенциарных учреждениях большое влияние оказывает рост среди осужденных числа лиц, ранее совершавших преступления (в 2013 г. он составил +15,4 % по отношению к 2009 г.) [1]. Именно эти лица являются носителями криминальной субкультуры, объективно порождаемой постоянным режимным воздействием и изо-

ляцией. Совершаемые в местах лишения свободы преступления не только причиняют вред отдельным потерпевшим, но и нарушают работу данных объектов. Кроме того, они затрагивают безопасность осужденных и сотрудников администраций, создавая в пенитенциарных учреждениях обстановку жестокости и насилия.

Анализ статистических данных, характеризующих состояние преступности в учреждениях ФСИН России, свидетельствует о том, что ее уровень на протяжении последних пяти лет остается достаточно высоким [2, с. 6] (см. табл.).

Таблица

Количество преступлений и совершивших их лиц, выявленных органами исполнения наказаний в 2009–2013 годах в учреждениях ФСИН России

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Количество преступлений, выявленных органами исполнения наказаний	1 168	1 028	976	1 077	1 126
+/-	-79	-140	-52	+101	+49
%	-6,3	-12	-5,1	+10,3	+4,5
Количество лиц, совершивших преступления, выявленных органами исполнения наказаний	433	456	452	521	648
+/-	-157	+23	-4	+69	+127
%	-26,6	+5,3	-0,9	+15,3	+24,4

Если с 2009 по 2011 годы наблюдалось резкое снижение количества преступлений, совершаемых в учреждениях ФСИН России (-192 преступления, или -16,4 %), то с 2011 года начался их заметный рост (+150 преступлений, или +15,4 %). В отличие от преступлений, количество совершивших их лиц в целом постоянно увеличивалось (+215 лиц, или +49,7 %).

Определенные опасения вызывают сведения о коэффициентах преступности в уголовно-исполнительной системе. За последние 5 лет на 100 000 осужденных к лишению свободы приходилось: в 2009 г. 122 преступления, в 2010 г. — 133, в 2011 г. — 123, в 2012 г. — 149, и в 2013 г. — 158 преступлений. Следовательно, за изучаемый период коэффициент преступности вырос на 30 %. Причем доля тяжких преступлений среди них была довольно значительной и постоянно увеличивалась: в 2009 г. — 25 преступлений, в 2010 г. — 33, в 2011 г. — 35, в 2012 г. — 41, и в 2013 г. — 46 преступлений (+ 84 %) [3].

Приведенная информация дает основания для определения следующих тенденций пенитенциарной преступности в учреждениях ФСИН России:

1) на фоне небольшого снижения и последующего роста преступности стабильное увеличение количества лиц, совершивших преступления;

2) рост числа лиц, ранее совершавших преступления, среди осужденных, находившихся в учреждениях ФСИН России;

3) рост коэффициента преступности и существенный рост коэффициента тяжких преступлений в учреждениях ФСИН России.

Выявленные тенденции позволяют сформулировать некоторые направления превентивной деятельности.

1. Дальнейшее совершенствование правовой регламентации работы по предупреждению преступности в учреждениях ФСИН России.

В первую очередь это касается ведомственных нормативных правовых ак-

тов, которые в настоящее время отличает ряд нерешенных проблем:

– содержание большинства документов не учитывает специфики функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы и посвящено в основном регулированию вопросов профилактики преступности органами внутренних дел (полицией)*;

– отсутствует единый документ, регламентирующий профилактическую деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел (полиции), их взаимодействие, а также совместное использование оперативно-розыскных возможностей оперативных аппаратов [4, с. 17];

– недостаточно урегулирован порядок осуществления оперативно-профилактического учета, что порождает разногласия в определении критериев постановки осужденных на учет в оперативных аппаратах, а в ряде случаев ведет к непринятию мер в отношении лиц, требующих оперативно-профилактического воздействия; поэтому возникает необходимость законодательного определения категорий осужденных, подлежащих постановке на учет, его форм, а также критериев снятия с учета, например, склонных к побегу и т.д.

2. Дальнейшее совершенствование методов оперативно-розыскной профилактики – основного направления работы по предупреждению преступности в учреждениях ФСИН России.

Правовой статус оперативно-розыскной деятельности всех аппаратов исправительных учреждений определен Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»**, в котором закреплены содержание, задачи и принципы оперативно-розыскной деятельности, ее специфика и система гарантий законности при ее осуществлении.

* См., напр.: О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД РФ от 17 янв. 2006 г. N 19: ред. от 30 дек. 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 21 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2013. N 51. Ст. 6689.

В Уголовно-исполнительном кодексе РФ предусмотрена специальная норма – статья 84 «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях»***, в которой четко сформулированы задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях:

– обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц;

– выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания;

– розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительного учреждения, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы;

– содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

Следовательно, оперативно-розыскная профилактика требует применения знаний не только в области оперативно-розыскной деятельности, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, но и в области криминологии (умение прогнозировать развитие криминогенной ситуации и индивидуального преступного поведения).

Поскольку специфика научных, организационных, методических и тактических основ оперативно-розыскной деятельности, целей ее осуществления очевидна, постольку есть все основания рассматривать этот комплексный вид деятельности как самостоятельную часть профилактики пенитенциарной преступности. Оперативно-розыскная профилактика становится самостоятельной подсистемой процесса предупреждения пенитенциарной преступности и характеризуется специальной направленностью, специальными субъектами, использующими возможности оперативной деятельности.

Следует отметить, что некоторые ученые отождествляют такие направления де-

*** Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. N 1-ФЗ: ред. от 5 мая 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 2. Ст. 198; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

тельности, как «предупреждение», «предотвращение», «профилактика» [5, с. 7]. В то же время многие исследователи в своих работах указывают на специфические отличия между упомянутыми терминами, поскольку их толкование имеет много частных элементов [6, с. 533-534; 7, с. 418; 8, с. 162].

Полагаем, что в основу разграничения предупредительной деятельности по уровням, направлениям и видам должен быть положен анализ ее содержания [9, с. 156]. Изучение научных работ, нормативно-правовой базы и практики предупреждения преступлений позволяет сделать вывод о том, что оперативно-розыскная профилактика в настоящее время направлена на выявление и устранение причин совершения преступлений и условий, им способствующих, а также на выявление лиц, допускающих отклонения от норм поведения, и оказание на них воздействия еще до совершения ими преступления. При этом необходимо обращать внимание на содержательную сторону оперативно-розыскной профилактики, а именно на осуществление контроля за профилируемыми лицами путем оперативно-профилактического наблюдения в целях предупреждения замышляемых или подготавливаемых преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, устранения или нейтрализации конкретных причин совершения преступлений и способствующих им условий.

Таким образом, оперативно-розыскная профилактика — это основанная на достижениях науки и законах, урегулированная ведомственными нормативными актами деятельность, осуществляемая уполномоченными на то должностными лицами, заключающаяся в комплексном применении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления и устранения причин преступлений и способствующих им условий, установления лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и оказания на них воздействия с целью недопущения с их стороны преступлений [10, с. 47-48].

Оперативно-розыскная профилактика является составной частью общегосударственной системы профилактики преступности, которая, в свою очередь, включает в себя комплекс мер общей, специально-криминологической и индивидуальной профилактики. Исходя из вышеиз-

ложенного оперативно-розыскные меры следует рассматривать как специфическую подсистему с учетом ее особенностей, связанных с принадлежностью к оперативно-розыскной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем оперативно-розыскная профилактика в силу специфики задач и способов их реализации выступает как самостоятельная тактическая основа профилактики пенитенциарной преступности. Она предполагает, в частности, применение на плановой основе комплекса оперативно-розыскных, правовых, воспитательных и иных мер, направленных на исправление осужденных.

В учреждениях ФСИН России оперативно-розыскная профилактика имеет следующие особенности, обусловленные спецификой деятельности оперативного аппарата и содержащегося там контингента:

- профилактические мероприятия оперативных аппаратов непосредственно связаны с процессом воспитания осужденных;

- подавляющая часть профилактических мероприятий проводится в отношении осужденных, то есть лиц, уже совершивших преступления, в том числе и неоднократно;

- в учреждениях ФСИН России право проведения оперативно-розыскных мероприятий предоставлено только конкретным должностным лицам, которые несут ответственность за соблюдение законности при их осуществлении;

- территория, на которой проводятся профилактические мероприятия, в основном ограничена пределами учреждения ФСИН России;

- большинство оперативно-розыскных мероприятий проводятся негласно, но при выявлении преступлений могут быть в дальнейшем отражены в судебно-следственных документах.

Одним из условий успешного решения задач по профилактике пенитенциарной преступности является повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях как важнейшей составляющей правоохранительной практики. Нужно заметить, что подготавливаемые в исправительных учреждениях преступления носят замаскированный характер. В связи с этим задачи

по их выявлению до начала совершения должны решаться оперативными аппаратами учреждений, которые располагают соответствующими силами и средствами и имеют возможность проводить оперативно-розыскные мероприятия в условиях исправительных учреждений.

При осуществлении оперативно-розыскной профилактики используются преимущественно средства убеждения. В силу специфики решаемых задач особое место в профилактике пенитенциарной преступности отводится оперативным аппаратам исправительных учреждений, чью деятельность можно рассматривать в двух основных формах:

- самостоятельное проведение мероприятий специально-криминологической и индивидуальной профилактики с использованием негласных возможностей и оперативно-розыскных методов [11, с. 84];

- обеспечение полученной информацией заинтересованных органов, иных подразделений, учреждений [12, с. 550].

Использование в профилактической работе сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности выделяет оперативные аппараты из других подразделений уголовно-исполнительной системы, так как создает для них более широкие возможности для эффективного осуществления своей деятельности. Практика подтверждает, что во многих случаях оперативно-розыскная деятельность является, в сущности, единственным средством эффективного воздействия на криминальные явления, процессы и конкретные допреступные действия, нейтрализация и предотвращение которых с помощью гласных мер уголовно-процессуального либо воспитательно-профилактического характера невозможна.

К сожалению, из поля зрения оперативных аппаратов учреждений ФСИН России пока выпадает значительная часть осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы. Полагаем, что это существенный законодательный пробел, который необходимо устранить в самое ближайшее время путем создания в уголовно-исполнительных инспекциях соответствующих подразделений оперативного характера. Данные подразделения могли бы в полном объеме осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в отношении со-

стоящих в них на учете осужденных. Для этого потребовалось бы внести некоторые изменения в статью 84 «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях» Уголовно-исполнительного кодекса РФ, изложив ее название в следующей редакции: «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях системы ФСИН России», дополнив одновременно ее содержание соответствующими сведениями.

3. Профилактика преступности среди осужденных, находящихся в учреждениях ФСИН России, ранее уже совершавших преступления.

Повышенную опасность для осужденных, содержащихся в учреждениях ФСИН России, и сотрудников их администраций представляет рецидивная преступность, которая негативно влияет на процесс исправления всех осужденных. Неслучайно показатель этого вида преступности признается большинством специалистов одним из критериев эффективности пенитенциарной политики [13, с. 11].

Наиболее отрицательное влияние на состояние пенитенциарной преступности оказывает преступная деятельность устойчивого активного криминального ядра, в которое входят лица, ранее совершавшие преступления, – представители злого и особо злого типов личности [14, с. 27]. Меры профилактики на эту категорию осужденных практически не действуют, поэтому приоритет в работе с ними принадлежит мерам принуждения – изоляции. Однако даже длительное и суровое наказание редко способствует исправлению таких преступников. Наказание в данном случае выполняет ограниченную функцию защиты общества от преступлений и преступников.

Сотрудники администраций учреждений ФСИН России в своей профилактической работе с представителями злого и особо злого типов личности традиционно испытывают некоторые затруднения.

Так, содержание представителей злого и особо злого типов личности совместно со случайными, ситуационными и неустойчивыми преступниками является неблагоприятным условием нравственного формирования их личности, приводит к отрицательному влиянию ранее суди-

мых и иных антисоциальных элементов на впервые осужденных [14, с. 24].

Раздельное же содержание представителей злостного и особо злостного типов личности со случайными, ситуационными и неустойчивыми преступниками тоже не решает всех проблем, поскольку потребность в общении реализуется у ранее судимых путем интенсивных контактов со знакомыми по местам отбывания наказания, бывшими соучастниками преступлений, то есть с представителями той среды, для которой характерно преобладание узких личностных интересов, в первую очередь преступных, искажение моральных ценностей, антиобщественный образ жизни. Общность криминальных интересов обуславливается возможностью реализации дальнейшей совместной преступной деятельности, носящей групповой характер. В условиях отбывания наказания, связанного с лишением свободы, участие в преступных группах тщательно скрывается осужденными. Выявить всех участников преступных групп и предупредить их совместные преступления становится возможным только с помощью сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим большое значение приобретает знание оперативными работниками исправительных учреждений всех особенностей преступной деятельности находящегося у них контингента, степени и характера его влияния на состояние оперативной обстановки.

По отношению к сотрудникам администраций учреждений ФСИН России представители злостного и особо злостного типов личности занимают, как правило, своеобразную позицию: избегая контактов с ними, они стараются создать о себе хорошее мнение, особенно у молодых, неопытных работников. Находясь в учреждениях ФСИН России, такие преступники часто демонстрируют ложное рвение к труду, специально привлекая к этому внимание сотрудников администраций, добиваясь, чтобы их успехи были непременно замечены и зафиксированы.

Внешне они строго соблюдают установленный режим отбывания наказания, но в то же время вынашивают намерения продолжать преступную деятельность; изучают настроение осужденных, выискивая среди них единомышленников; устанавливают с ними преступные контакты.

Криминологические исследования показывают, что лица, совершившие новые преступления в период отбывания наказания, в 6 раз чаще имели среди своих друзей и знакомых ранее судимых, в отличие от осужденных, не нарушавших дисциплины [13, с. 11].

Таким образом, тактика поведения оперативных сотрудников с представителями злостного и особо злостного типов личности должна кардинально отличаться от стиля общения со случайными, ситуационными и неустойчивыми преступниками. Учет индивидуальных и групповых особенностей осужденных является непременным условием реализации эффективных мер предупреждения пенитенциарной преступности.

Проведенное нами исследование показало, что преступления, совершенные в период отбывания наказания в виде лишения свободы, не только оказывают негативное воздействие на достижение целей уголовного наказания, подрывая авторитет уголовно-исполнительной системы, но и дестабилизируют оперативную обстановку и состояние правопорядка в исправительных учреждениях, свидетельствуя о наличии коренных противоречий, возникающих при исполнении наказания в виде лишения свободы. Значительное влияние на состояние преступности в местах лишения свободы оказывает качественный состав осужденных.

Важность проведения дальнейших исследований пенитенциарной преступности обуславливается необходимостью совершенствования деятельности в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы, потребностями разработки и реализации более эффективного законодательства.

Список литературы

1. Число преступлений, совершенных отдельными категориями лиц // ФСГС РФ: сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-03.htm (дата обращения: 20 мая 2014 г.).
2. Королева Е.В. Теоретическое моделирование наказания в виде лишения свободы в аспекте экономики мер уголовно-правовой репрессии и предупреждения пенитенциарного рецидива преступлений: монография. Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. ун-та, 2014. 145 с.

3. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях // ФСИН РФ: сайт. URL: <http://fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 20 мая 2014 г.).
4. Алексеева А.П. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 4 (22). С. 16-20.
5. Лекарь А.Г. Основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел: учеб. пособие. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1988. 44 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1972. 816 с.
7. Словарь синонимов. М.: Астрель, 2001. 648 с.
8. Алексеева А.П. «Противодействие» преступности и его отличие от других смежных понятий // Российский криминологический взгляд. 2006. N 4. С. 159-163.
9. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 415 с.
10. Артемьев Н.С. Профилактика рецидивной преступности: монография. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1998. 472 с.
11. Шумилов В.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2007. 375 с.
12. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Саратовская гос. юрид. акад., 2013. С. 549-551.
13. Артемьев Н.С., Некрасов А.П. Рецидивная преступность в местах лишения свободы: криминологическая характеристика и предупреждение. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2007. 174 с.
14. Сахаров А.Б. Причины и условия индивидуального преступного поведения: лекция. М.: Изд-во МВШМ МВД России, 1995. 30 с.

References

1. *Chislo prestupleniy, sovershennykh ot del'nymi kategoriyami lits* [Number of crimes committed by certain categories of persons]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-03.htm (Accessed 20 May 2014).
2. Koroleva E.V. *Teoreticheskoe modelirovanie nakazaniya v vide lisheniya svobody v aspekte ekonomii mer ugovno-pravovoy repressii i preduprezhdeniya penitentsiarnogo retsidiva prestupleniy* [Theoretical modeling of a sentence of imprisonment in the aspect of saving measures penal repression and prevention prison recidivism]. Astrakhan, Astrakhan State University Publisher, 2014. 145 p.
3. *Kharakteristika lits, sodержashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh* [Characteristics of persons detained in penal colonies]. Available at: <http://fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (Accessed 20 May 2014).
4. Alekseeva A.P. *Dorozhnaya karta dal'neyshego reformirovaniya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (kadrovyy professionalizm, otkrytost' dlya doveriya i optimizatsiya): problemy i perspektivy realizatsii* [Roadmap for further reform of the internal affairs of the Russian Federation (personnel professionalism, trust and openness for optimization): problems and prospects of implementation]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal Science and Law enforcement Practice, 2012, no. 4 (22), pp. 16-20.
5. Lekar' A.G. *Osnovy organizatsii predotvrashcheniya prestupleniy organami vnutrennikh del* [Basis for the organization of crime prevention bodies of internal affairs]. Tashkent, 1988. 44 p.
6. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1972. 816 p.
7. *Slovar' sinonimov* [Dictionary of synonyms]. Moscow, Astrel' Publ., 648 p.
8. Alekseeva A.P. *"Protivodeystvie" prestupnosti i ego otlichie ot drugikh smezhnykh ponyatiy* ["Fighting" Crime and its distinction from other related concepts]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad* – Russian Criminological look, 2006, no. 4, pp. 159-163.
9. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1994. 415 p.
10. Artem'ev N.S. *Profilaktika retsidivnoy prestupnosti* [Prevention of recidivism]. Ryazan, 1998. 472 p.
11. Shumilov V.N. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti"* [Comment to the Federal Law "On operative-investigative activity"]. Moscow, Publisher Shumilova I.I., 2007. 375 p.
12. Alekseeva A.P. *Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nye osnovy i perspektivy realizatsii* [Prevention of crime in Russia: legislative framework and prospects of implementation]. *Prestupnost', ugovlnaya politika, ugovlnyy zakon* [Crime, criminal policy, criminal law]. Saratov, Saratov State Law Academy, 2013. Pp. 549-551.
13. Artem'ev N.S., Nekrasov A.P. *Retsidivnaya prestupnost' v mestakh lisheniya svobody: kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie* [Recidivism in prisons: Criminological Research and prevention]. Samara, Samara Law Institute FSIN of Russia, 2007. 174 p.
14. Sakharov A.B. *Prichiny i usloviya individual'nogo prestupnogo povedeniya* [Causes and conditions of individual criminal behavior]. Moscow, 1995. 30 p.

КРЫМОВ А.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
apu-fsin@mail.ru
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний Российской Федерации,
390036, Рязань, Сенная, 1

KRYMOV A.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
apu-fsin@mail.ru
Academy of law and governance
of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation,
Sennaya St. 1, Ryazan, 390036,
Russian Federation

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

Реферат. Показана проблема снижения эффективности исправительного воздействия на осужденного в результате его незаслуженного условно-досрочного освобождения. Рассмотрен дисбаланс прав и обязанностей представителя пенитенциарной системы: Уголовно-процессуальный кодекс РФ фиксирует комплекс его обязанностей без надлежащего закрепления прав, необходимых для справедливого решения вопроса об условном освобождении. Администрация исправительного учреждения обязана направить в суд ходатайство осужденного, а также обеспечить участие своего представителя в судебном заседании. Права осужденного позволяют ему активно участвовать в судебном заседании, например, оспаривать наложенное взыскание, давая собственную трактовку обстоятельств, ходатайствуя о приглашении свидетелей – других осужденных или сотрудников (в том числе уволенных со службы), готовых подтвердить его «невиновность». Представитель исправительного учреждения не имеет права заявлять ходатайства для приглашения в судебное заседание сведущих должностных лиц (сотрудников – очевидцев или составлявших материалы о нарушении, врача и психолога, наблюдавшего осужденного). Он также не уполномочен представлять иные документы, характеризующие осужденного (которые могут находиться не в личном деле, а в служебной документации учреждения), видео- и другие материалы, полученные при законном использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля. Администрация исправительного учреждения не уполномочена обжаловать постановление суда об условно-досрочном освобождении осужденного. Критикуется подход Верховного Суда РФ к формированию судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, противоречащий Уголовно-исполнительному кодексу РФ, игнорирующий законные интересы исправительного учреждения.

Ключевые слова: исправительное учреждение, правовое положение, условно-досрочное освобождение, судебное заседание, исполнение приговора.

THE LEGAL STATUS OF THE CORRECTIONAL FACILITY'S REPRESENTATIVE IN THE JUDICIAL SITTING WHILE RESOLVING THE ISSUE OF PAROLE

Abstract. The problem of reducing the effectiveness of correctional treatment of the convicted due to his/her undeserved parole is shown. Disbalance of rights and duties of penitentiary system's representatives is considered: the RF Criminal Procedure Code fixes the set of their duties without proper vesting of rights necessary for fair deciding the issue of parole. The correctional facility's administration is obliged to refer to court the petition of the convicted and ensure his/her representative's participation in judicial sitting. The convict's rights allows him/her to take an active part in judicial sitting, for example, to contest the imposed penalty, giving his/her own interpretation of circumstances, presenting motion for inviting witnesses, other convicts or officials (including retired ones) ready to argue his/her innocence. The correctional facility's representatives have no right to make a motion for inviting officials (officers, eyewitnesses or officers preparing case materials, physician and psychologist observing the convict). They also have no authority to submit other documents characterizing the convict (which can be not in personal file, but in the correctional facility's office documents), video and other materials obtained by legal use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision. The correctional facility's administration is not authorized to appeal against legal resolution on convict's parole. The RF Supreme Court's approach to forming judicial practice of parole contradicting the RF Criminal Procedure Code and ignoring legitimate interests of correctional facility is criticized.

Keywords: correctional facility, legal status, parole, judicial sitting, execution of sentence.

На стадии исполнения приговора судом разрешаются многие вопросы. Наиболее значимым среди них представляется вопрос об условно-досрочном освобождении (далее — УДО) осужденного. Вопрос об УДО инициируется самим осужденным либо его адвокатом путем внесения в суд соответствующего ходатайства через администрацию исправительного учреждения (далее — ИУ).

Правовое положение персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, определяется совокупностью прав и обязанностей, возлагаемых на него при исполнении наказаний. Однако в процессе принятия решения по вопросу об УДО наблюдается дисбаланс между обязанностями представителя ИУ и его правами. Более того, можно констатировать юридическое закрепление в УПК РФ только его обязанностей.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 175 УИК РФ не позднее чем через 10 дней после подачи ходатайства осужденного об УДО администрация ИУ направляет в суд указанное ходатайство (т.е. она обязана это делать) вместе с характеристикой на осужденного. В характеристике должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения.

Представитель ИУ вызывается в судебное заседание (т.е. он также обязан присутствовать), согласно ст. 399 УПК РФ, но его права четко не регламентированы.

Было бы логично, если бы у администрации ИУ право направления материалов в суд по поводу УДО подкреплялось соответствующими правами в ходе судебного заседания. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве это закреплено только в отношении осужденных.

В соответствии с ч. 3 ст. 399 УПК РФ осужденный имеет следующие права: знакомиться с предоставленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. Эти права, при кажущейся их несущественности, на самом деле достаточно важны, и осужденный, в отличие от представителя

администрации исправительного учреждения, приобретает возможность активно участвовать в судебном заседании по вопросу его УДО.

Так, основным «камнем преткновения» может стать взыскание, наложенное на него администрацией учреждения, с которым он не согласен. В этом случае осужденный может объяснять суду обстоятельства совершения нарушения (в свою пользу) или даже опровергать изложенное в материалах его личного дела, ходатайствовать о приглашении в судебное заседание свидетелей (других осужденных или сотрудников (в том числе уже уволенных со службы), которые готовы подтвердить его «невиновность») и пр.

У представителя ИУ таких прав в судебном заседании нет. Он лишь в начале судебного заседания делает общий доклад по сути вопроса (в данном случае — о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного), не акцентируя внимание на вопросе, который впоследствии может обсуждаться по инициативе осужденного, а затем дает объяснение по поводу наложенного на осужденного взыскания. Вместе с тем представитель ИУ в судебном заседании — обычно должностное лицо из числа среднего и старшего начальствующего состава учреждения (заместитель начальника учреждения, начальник отдела и т.п.), который вряд ли присутствовал при совершении данным осужденным этого нарушения и составлял по этому поводу рапорт. В связи с этим представитель учреждения обычно не может дать обстоятельные ответы «в защиту» администрации ИУ.

Если бы у представителя ИУ было право заявлять ходатайства, то он мог бы попытаться пригласить в судебное заседание различных должностных лиц. Например, со стороны ИУ в судебном заседании могли бы участвовать: сотрудники, являвшиеся очевидцами происшествия и/или составлявшие материалы об обсуждаемом нарушении, врач (который обследует и лечит этого осужденного, нередко зная его различные индивидуальные признаки), психолог (анализирующий поведение этого осужденного, выявляющий наличие у него психических отклонений, а также прогнозирующий его последующее поведение (может

быть, и правонарушающее) после освобождения).

Кроме того, некоторые материалы, характеризующие осужденного, могут находиться не в его личном деле, а в служебной документации учреждения (например, переписка с адвокатом и иными лицами о намерении совершить новое преступление, оказывать психологическое и другое воздействие «из мести» на потерпевших и свидетелей по уголовному делу, осуществлять давление на родственников, которые, например, должны составить заявление для администрации ИУ и суда о готовности «предоставить» ему жилье после освобождения, и пр.).

Однако правом предоставить эти материалы в суд или ходатайствовать о приглашении в судебное заседание оперативных сотрудников представитель ИУ не обладает. Даже в случае уже начавшегося оказания неправомерного воздействия на родственников осужденного, потерпевших или свидетелей по уголовному делу, например, со стороны его подельников, оставшихся на свободе, ходатайствовать о приглашении первых в суд проблематично.

Достаточно трудноосуществимым будет и показ в суде видео- и других материалов, полученных при использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных в соответствии со ст. 83 УИК РФ.

По всей видимости, предоставление суду этих и других материалов возможно и в неформальном порядке, однако их юридическое отражение в постановлении суда все равно будет маловероятным.

Получается, что осужденный пользуется большим объемом процессуальных прав в ходе судебного заседания при решении вопроса об УДО, чем представитель учреждения. Особенно это будет иметь значение при отрицательной характеристике осужденного со стороны администрации ИУ и заключении о нецелесообразности его условно-досрочного освобождения.

Более того, осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката (ч. 4 ст. 399 УПК РФ). Последний

«в защиту» осужденного дополнительно может ходатайствовать о приглашении в судебное заседание родственников (поддерживающих его материально и другими способами), лиц, освободившихся из мест лишения свободы (возможно, знавших об обстоятельствах этого нарушения), членов общественных наблюдательных комиссий по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания (осуществляющих общественный контроль за деятельностью ИУ), и других лиц.

В таких условиях представителю ИУ, не имеющему соответствующих прав в судебном заседании, может быть сложно доказать суду обоснованность отрицательной характеристики осужденного и нецелесообразность его условно-досрочного освобождения.

Имеющийся «перекосяк» в сторону обязанности при регулировании правового положения представителя учреждения вряд ли обоснован, поскольку именно администрация ИУ осуществляет исправительное воздействие в отношении осужденного, определенное время изучает его, оказывает ему психологическую помощь и пр.

Обращает на себя внимание безупречная позиция Верховного Суда РФ в этой области. Так, в п. 6 постановления от 21 апреля 2009 г. N 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» Пленум Верховного Суда определяет, что судья не вправе отказать в УДО по основаниям, не указанным в законе (например, в случае непризнания осужденным вины), а наличие или отсутствие у осужденного взыскания не может служить как препятствием, так и основанием к его условно-досрочному освобождению*. Полагаем, что вышеуказанное игнорирует положение ч. 1 ст. 175 УИК РФ о том, что в ходатайстве осужденного должны содержаться данные о его раскаянии в совершенном деянии, и, по сути, необоснованно разрешает условно-досрочно освобождать отрицательно характеризующееся лицо (в том числе имеющее неснятые и непогашенные взыскания). С учетом этого, а также с

* Рос. газ. 2009. 29 апр.

учетом наличия у осужденного бóльшего объема прав (чем у представителя ИУ) возможности по его условно-досрочному освобождению возрастают.

В этой ситуации исправительное воздействие на такого осужденного, связанное с привлечением его к общественно полезному труду, применением поощрений и взысканий и пр., может быть резко прекращено вынесением решения суда о его условно-досрочном освобождении, хотя он этого может и не заслуживать. Нельзя забывать и о том, что обычно судьи, принимающие решения по вопросам, связанным с исполнением приговора, не специализируются на уголовно-исполнительном законодательстве и относятся к этому как к чему-то второстепенному среди других своих обязанностей.

Обозначенные вопросы принимают дополнительную остроту в случае, когда осужденный не соблюдает порядок подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении.

Этому также способствует позиция Пленума Верховного Суда, согласно которой судья не вправе отказать в принятии ходатайства осужденного (его законного

представителя или адвоката) об условно-досрочном освобождении в связи с отсутствием документов, которые обязана предоставить администрация ИУ (п. 14 вышеуказанного постановления). Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ ориентирует осужденных (их законных представителей или адвокатов) подавать ходатайство об УДО прямо в суд, минуя администрацию ИУ и игнорируя положения ч.ч. 1 и 2 ст. 175 УИК РФ.

Это еще раз подтверждает «бесправие» администрации ИУ при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. При этом администрация ИУ не обладает правом обжалования постановления суда, например, об условно-досрочном освобождении осужденного.

Таким образом, достаточно актуальным видится вопрос о надлежащем закреплении правового положения представителя ИУ, и особенно его прав при разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного. Полагаем, что перечень этих прав у представителя ИУ в судебном заседании должен быть по крайней мере не меньше, чем у осужденного или его адвоката.

Раздел 6. Правоохранительная политика

БОСТАНОВ Р.А., кандидат юридических наук, bostanovra@mail.ru Кафедра профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	BOSTANOV R.A., Candidate of Legal Sciences, bostanovra@mail.ru Chair of professional activity of economic security divisions' officers; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЫЕ МОМЕНТЫ

Реферат. Рассматриваются положения вступившей в силу в 2013 году Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Выявлены ее коллизии с федеральными законами, внутренние противоречия документа, пробелы и иные технико-юридические дефекты. Детально рассмотрены новые требования и существенные условия представления результатов оперативно-розыскной деятельности, охарактеризованы проблемы, возникновение которых возможно при их выполнении. Дается детальная характеристика нового документа путем сравнения его положений с ранее действовавшей Инструкцией. Отмечается, что пока законодатель не видит альтернативы существующему порядку, так как это потребует кардинального реформирования уголовно-процессуального законодательства. Формулируются неизменные требования к использованию результатов такой деятельности в уголовно-процессуальном доказывании. Во-первых, результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства. Во-вторых, формируемое доказательство должно удовлетворять требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом и к соответствующему виду доказательств. В-третьих, результаты оперативно-розыскной деятельности должны содержать: сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, то есть обладать свойством относимости; указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства; данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе. Резюмируется, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основой для формирования всех видов доказательств, а также создавать условия и предпосылки для установления новых источников доказательств как в ходе предварительного расследования, так и во время судебного разбирательства.

Ключевые слова: инструкция, результаты оперативно-розыскной деятельности, доказательство, оперативно-розыскные мероприятия, дознание, доказывание.

NEW LEGAL POLICIES OF DETECTIVE ACTIVITY RESULTS' LEGALIZATION

Abstract. The provisions of Instruction on the procedure of submitting detective activity results to inquiry bodies, investigators or court (which came into force in 2013) are considered. The Instruction collisions with the federal laws, its inherent contradictions, imperfection and other technical legal flaws are revealed. New requirements and important conditions of submitting detective activity results and possible problems are studied. The detailed description of new document by comparing its provisions with the provisions of prior Instruction is provided. It is noted that there is no alternative to the present system as it will require cardinal reform of criminal procedure legislation. Immutable requirements to use detective activity results in criminal procedure proving are settled: 1) detective activity results being submitted for using in proving process, should allow to establish proofs; 2) these proofs should meet the requirements of criminal procedure legislation being settled to general proofs and proofs of a certain kind; 3) detective activity results should comprise the following information: relevance to the criminal case; indication of crime detection actions during which supposed proofs were obtained; data allowing to check the proofs in criminal proceedings. Detective activity results can serve as a ground

for establishing all kinds of proofs as well as create conditions and preconditions for establishing new sources of proofs during both the preliminary investigation and legal trial.

Keywords: instruction, detective activity results, proofs, crime detection actions, inquiry, proving.

Российское уголовно-процессуальное право закрепляет концептуальное разделение между оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД) по выявлению, раскрытию преступлений, изобличению причастных к ним лиц и уголовно-процессуальным расследованием преступлений и доказыванием. В этом разделении усматривают гарантию обеспечения прав личности и установления объективной истины по уголовному делу.

Законодатель пока не видит скольконибудь серьезной альтернативы существующему порядку представления результатов ОРД субъектам уголовно-процессуальной деятельности. Между тем такая альтернатива предлагается отдельными учеными [1, с. 47-55; 2, с. 35-39], однако это потребовало бы кардинальных изменений в нашем уголовно-процессуальном праве [3, с. 49-57]. На данный момент готовности нашего государства к этому нет. В связи с этим совершенствование порядка представления и использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании носит косметический характер и происходит на уровне ведомственного нормативного регулирования. Это относится к новой Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд* (далее — Инструкция 2013 г.), которую мы сделаем предметом рассмотрения в настоящей статье. Проведем сравнительный анализ положений Инструкции 2013 г. и ранее действовавшей аналогичной Инструкции**

* Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27 сент. 2013 г. // Рос. газ. 2013. 13 дек.

** Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: утв. приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апр. 2007 г. N 368/185/164/4 81/32/184/97/147 // Рос. газ. 2007. 16 мая.

(далее — Инструкция 2007 г.), которая утратила силу.

Уже из общих положений, содержащихся в первом пункте Инструкции 2013 г., вытекает первое и, наверное, главное новшество в анализируемом порядке: в числе уполномоченных субъектов, которым представляются результаты ОРД, теперь нет прокурора***. Среди «уполномоченных органов» не указан и дознаватель. Однако надо иметь в виду то, что после внесения изменений в статьи 41 и 152 УПК РФ**** дознаватель, как и следователь, вправе давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Следует согласиться с мнением о том, что результаты ОРД, полученные по поручению дознавателя, должны представляться в тот государственный орган, который является органом дознания и в котором соответствующий дознаватель проходит службу [4, с. 56], после чего начальник органа дознания передает этот материал дознавателю.

Из пункта первого Инструкции 2013 г. следует, что результаты ОРД представляются органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, «уполномоченным органам» в следующих случаях:

1. При наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

2. В порядке выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам.

*** Заметим, что если Инструкция 2007 г. согласовывалась с Генеральной прокуратурой РФ, то Инструкция 2013 г. не согласовывалась. Кроме того, одним из соавторов новой Инструкции стал СКР. Это обстоятельство, очевидно, также сказалось на том, что прокурора не оказалось в числе уполномоченных лиц, которым направляются результаты ОРД.

**** О внесении изменений в статьи 41 и 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 7 и 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: федер. закон от 5 апр. 2013 г. N 53-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 14. Ст. 1661.

3. В порядке выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий по материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве.

4. В порядке исполнения требования суда (судьи) о представлении документов по находящейся у него на рассмотрении жалобе лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и полагает, что при этом были нарушены его права, о непредставлении или представлении не в полном объеме органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о полученной об этом лице информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны.

5. В порядке исполнения требования суда (судьи) о представлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве.

6. По указанным в статье 15 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. N 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» судебным искам.

Кроме того, результаты ОРД представляются по запросам международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов иностранных государств (пункт 2 Инструкции 2013 г.).

Анализ содержания пункта 1 Инструкции 2013 г. приводит к следующим выводам. Во-первых, исчезло такое основание для проведения ОРМ и, соответственно, представления их результатов, как «выполнение указания прокурора о проведении ОРМ». Между тем положения статей 2 (часть 2), 6, 29-30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»*, которыми регулируется такое направление прокурорского надзора, как надзор за за-

конностью ОРД, а также полномочия прокуроров, осуществляющих надзор в данной сфере, остаются в силе. Процессуальные права прокурора, предусмотренные статьей 37 и другими статьями УПК РФ, по-прежнему позволяют расценивать его роль в уголовном процессе как процессуального руководителя и координатора взаимодействия правоохранительных органов, что крайне важно при легализации данных, полученных в ходе ОРД [5, с. 110-114]. Несмотря на то, что прокурор не вправе давать поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, он вправе затребовать результаты ОРД. Действующий приказ Генерального прокурора России от 15 февраля 2011 г. N 33 (ред. от 5 сентября 2012 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»** и другие ведомственные нормативные акты*** в полной мере позволяют прокурору пользоваться результатами ОРД, в том числе для координации/организации раскрытия и расследования преступлений (пункты 4, 7, 9 приказа).

Таким образом, произведенное в Инструкции 2013 г. исключение прокурора из числа субъектов, которые могут получать результаты ОРД, является ошибочным. Оно противоречит действующему законодательству и, несомненно, послужит причиной конфликтов между прокурором и поднадзорными органами, обострению ведомственной конкуренции.

Кроме того, ввиду изменения редакции статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»**** (далее – ФЗ «Об ОРД») в Инструк-

** Законность. 2011. N 5.

*** См.: О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: указание Генеральной прокуратуры РФ N 215/69, МВД России N 1/7818 от 29 сент. 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** О внесении изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и статью 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»: федер. закон от 21 дек. 2013 г. N 369-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 51. Ст. 6689.

* О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 3 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 47. Ст. 4472; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ции 2013 г. возник пробел: в ней не учтено такое новое основание для представления результатов ОРД, как ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (пункт 2 части 2 статьи 7 ФЗ «Об ОРД»).

Вторая группа крупных изменений относительно оснований проведения ОРМ, касающихся полномочий суда на получение результатов ОРД (четвертый и шестой случаи), обусловлена, во-первых, более последовательным развитием «правозащитных» положений частей третьей и четвертой статьи 5 ФЗ «Об ОРД» и появлением новых правовых норм в статье 8 ФЗ «Об ОРД»* (не имеющих отношения к уголовному процессу).

Новая и более подробная спецификация случаев представления результатов ОРД уполномоченным органам — явление позитивное, хотя закономерно возникает вопрос о необходимости следственной власти: ведь теперь судья имеет такие же полномочия по легализации данных, полученных оперативно-розыскным путем, что и следователь.

В перспективе видятся институт следственного судьи — вместо следователя единого и универсального СКР и институт депонирования судебных доказательств в ходе досудебной подготовки материалов сторонами.

Правомерным является выделение в качестве двух отдельных случаев представления результатов ОРД:

а) проведение проверки сообщений о преступлении;

б) по уголовному делу.

Причиной этой новации стали изменения, внесенные в редакцию статьи 11 ФЗ «Об ОРД» Федеральным законом от

28 декабря 2010 г. N 404-ФЗ**. Теперь правовой режим представления результатов ОРД в равной мере стал распространяться на оба эти случая (см. пункты 1, 9 Инструкции 2013 г.).

В пункте четвертом Инструкции 2013 г. содержатся принципиальные положения о способах использования результатов ОРД, которые могут:

1. Служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

2. Быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ.

3. Использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Новшество мы усматриваем в порядке урегулирования вопроса о предании гласности сведений о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих или оказывавших органам, осуществляющим ОРД, содействие на конфиденциальной основе, которые содержатся в результатах ОРД. В пункте пятом ранее действовавшей Инструкции 2007 г. акцент делался на представлении такого рода сведений прокурорам, причем условием для разглашения данных сведений было письменное согласие перечисленных лиц, «за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности». Кроме того, в Инструкции 2007 г. имелся пункт шестой, который регламентировал порядок привлечения к участию в производстве следственных и судебных действий лиц, внедренных (внедрявшихся) в организованные преступные группы, в том числе штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих или оказывавших этим органам содействие на конфиденциальной основе.

В Инструкции 2013 г. ограничились воспроизведением в пункте пятом поло-

* О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: федер. закон от 29 апр. 2008 г. N 57-ФЗ: ред. от 3 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 18. Ст. 1940; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 404-ФЗ: ред. от 22 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 16; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

жений, которые ранее были в пункте шестом Инструкции 2007 г. Однако исчезла норма об обязательном представлении прокурору сведений о личности агентов в случаях, требующих их привлечения к уголовной ответственности. Произошедшие изменения можно оценивать двояко. Казалось бы, усиливаются гарантии конфиденциальности штатных и внештатных агентов. Но вместе с тем объективно ослабляется прокурорский надзор за законностью в данной сфере деятельности. При этом положение о рассекречивании таких сведений все равно продолжает действовать – в силу части 4 статьи 15 ФЗ «Об ОРД» и пункта 6 приказа Генерального прокурора России от 15 февраля 2011 г. N 33. Таким образом, налицо еще одно противоречие в нормативном регулировании порядка представления результатов ОРД субъектам уголовно-процессуальной деятельности.

Прокомментируем теперь основные изменения, произошедшие в порядке представления результатов ОРД уполномоченным должностным лицам (органам). В первую очередь следует отметить такую особенность юридической техники правовых предписаний новой Инструкции, как уточнение содержания ряда бланкетных норм через указание в них конкретных статей УПК РФ. Это проявилось в новой редакции пунктов 7, 9 Инструкции 2013 г. Переход от общих формулировок к ссылкам на статьи Кодекса, безусловно, является верным и делает предписания относительно порядка использования результатов ОРД в уголовном процессе более четкими.

В этом плане специально надо сказать о пункте 9 Инструкции 2013 г., который стал действовать вместо пункта 7 Инструкции 2007 г. Отличия в порядке представления результатов ОРД уполномоченным органам таковы:

1. Термин «уполномоченные органы» заменил содержавшееся в пункте 7 Инструкции 2007 г. перечисление органов, которым представляются результаты ОРД (в их число входил и прокурор). Судя по новой нормативной формулировке, результаты ОРД не предназначаются для представления прокурору.

2. Сейчас четко указаны цели представления результатов ОРД. Ранее подобного целеуказания не было. Нельзя не

одобрить такой ход нормотворца, позволяющий однозначно судить о следующем. Во-первых, результаты ОРД представляются для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке статей 144 и 145 УПК РФ. Формулировка «результаты ОРД» подразумевает результаты любых ОРМ, которые ранее специально приводились в пункте 7 Инструкции 2007 г. Во-вторых, результаты ОРД представляются для приобщения к уголовному делу.

3. Более четко теперь прописано документирование акта представления результатов ОРД: представление результатов ОРД уполномоченному органу осуществляется на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя). Указанное постановление составляется в двух экземплярах, первый из которых направляется уполномоченным должностным лицам (органам), второй приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, к материалам номенклатурного (литерного) дела. Таким образом, основанием для представления результатов ОРД является постановление руководителя органа (подразделения), который осуществил данное ОРМ. Ранее существовавшая формулировка аналогичных положений, содержащихся в пункте 7 Инструкции 2007 г., была гораздо менее конкретной.

Следует отметить, что положения пункта 9 Инструкции 2013 г. развиваются в пункте десятом, содержащем расширенный перечень ОРМ, результаты которых представляются уполномоченным органам. В этом перечне появилось такое ОРМ, как оперативное внедрение, указание на которое отсутствовало в пункте 7 Инструкции 2007 г. Далее в пункте 10 Инструкции 2013 г. воспроизводится положение о том, что к материалам, в которых отражены результаты ОРМ, прилагается постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), о проведении данного ОРМ.

«Копии указанных постановлений органа, осуществляющего ОРД, подлежат хранению в материалах дела оперативного учета, материалах оперативной проверки либо, в случае их отсутствия, приобщаются к материалам номенклатурного (литер-

ного) дела». Приведенная формулировка правовой нормы стала более однозначной по сравнению с той, что имелась в пункте 7 Инструкции 2007 г., хотя по существу регламентируемый ими порядок не изменился.

Если сравнивать пункт 11 Инструкции 2007 г. и аналогичный ему по содержанию пункт 12 Инструкции 2013 г., в котором говорится об особенностях документирования проверочной закупки, то следует отметить, во-первых, то, что прокурору результаты данного ОРМ не представляются, а во-вторых, то, что теперь результаты первой проверочной закупки могут приобщаться не только к материалам повторной проверочной закупки, но и к «другим материалам ОРМ, содержащим признаки преступления».

В пункте 12 Инструкции 2013 г. воспроизводится ранее существовавшее положение (пункт 13 Инструкции 2007 г.) о том, что к результатам ОРД, полученным при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, прилагаются копии судебных решений о проведении ОРМ. Несмотря на то, что в литературе высказываются сомнения о целесообразности приложения судебных актов [4, с. 56, 58], мы считаем это необходимым, учитывая, разумеется, что доказательственного значения они не имеют.

В пункте 13 Инструкции 2013 г. появилось правильное уточнение насчет того, что представление результатов ОРД, содержащих сведения об организации и тактике проведения оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, используемых при их проведении технических средствах, о штатных негласных сотрудниках оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, должно не только согласовываться с исполнителями соответствующих мероприятий, но и «осуществляться в соответствии с требованиями, предъявляемыми к обращению со сведениями, составляющими государственную тайну».

Более конкретной стала регламентация процедуры рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну. В пункте 14 Инструкции 2013 г. появилось ранее отсутствовавшее указание на то, что постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей «составляется в двух

экземплярах, первый из которых направляется уполномоченному должностному лицу (органу), второй приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, — к материалам номенклатурного дела».

Сделано существенное уточнение относительно материалов, которые прилагаются к документам, содержащим результаты ОРД. В пункте 16 Инструкции 2013 г. по этому поводу говорится, что к документам, указанным в пункте 6 настоящей Инструкции, прилагаются (при наличии) полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. Ранее указания на иные носители информации не было, что с учетом развития информационных технологий и увеличения ассортимента носителей цифровой информации создавало на практике определенные затруднения. Вообще, совершенно оправданно внимание правотворческого органа к созданию гарантий сохранения и представления в случае необходимости суду первоисточников цифровой информации, полученной в ходе проведенных ОРМ (пункты 16, 17 Инструкции 2013 г.).

Если говорить о содержании пункта 17 Инструкции 2013 г., то ничего существенно нового в регламентации материалов, прилагаемых к документам о результатах ОРД, он не предлагает. Появилось лишь дополнение о том, что в случае представления уполномоченному органу копии материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, об этом обязательно указывается не только в сообщении (рапорте), но «и на бумажном носителе записи переговоров».

Мы специально изучали проблемы представления и проверки в суде оригинала цифровой информации (ее носителя) в контексте использования производных доказательств, так как в случае использования в доказывании копии имеет место именно данная проблематика. Изготовление «выписки» чревато такими эксцессами, как «просеивание фактов», толкование фактов, умалчивание о невыгодных фактах. Вывод состоит в необходимости

создания организационно-правовых гарантий того, чтобы цифровая информация, лежащая в основе результатов ряда ОРМ, не подверглась искажению при копировании, документировании и прочих операциях. Должны быть соблюдены стандарты допустимости и относимости при формировании доказательств из такого рода информации (цифровой) — в соответствии с общепринятыми международно-правовыми стандартами. Если возникают сомнения в достоверности доказательств, сформированных на основе результатов ОРМ, то закономерным будет обращение к оригиналу, который должен быть сохранен до вступления приговора в законную силу, а не до окончания судебного разбирательства, поскольку возможно апелляционное производство. Этот оригинал должен быть доступен суду в случае необходимости [6, с. 268-276, 290-291].

Требование об обеспечении сохранности оригинала информации было закреплено и ранее (пункт 18 Инструкции 2007 г.), оно сохранилось в прежнем виде, что свидетельствует либо о непонимании нормодателем важности данной проблематики, либо о том, что суды удовлетворены существовавшей до сего времени нормативной базой для проверки и исследования в судебном заседании доказательств, сформированных на основе результатов ОРД.

Новая деталь появилась в предписании относительно данных, которые имеют, по мнению авторов Инструкции 2013 г., значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела на основании результатов ОРД. В пункте 18 Инструкции 2013 г. к ним отнесены и сведения об очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. На наш взгляд, это положение нельзя толковать буквально, т.е. требовать такого рода сведения в каждом случае принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В пунктах 18, 19 и 20 Инструкции 2013 г., во-первых, появилось указание на то, что результаты ОРД могут представ-

ляться для подготовки и осуществления не только следственных, но и судебных действий, во-вторых, подчеркивается процессуальный аспект в направлении использования результатов ОРД, в-третьих, делается уточнение по поводу того, что не только предметы, но и документы могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу и, соответственно, сведения об их местоположении могут содержаться в результатах ОРМ, используемых для подготовки и проведения тех или иных процессуальных действий.

Самое же важное состоит в преювентивности положений, ранее содержащихся в пункте 21 Инструкции 2007 г. (пункты 18-20 Инструкции 2013 г.), что свидетельствует о сохранении принципиальной позиции по поводу использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании. Это закономерно в силу продолжения действия статьи 89 УПК РФ.

Оставшиеся, по сути, неизменными требования к использованию результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании таковы:

1. Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства.

2. Формируемое доказательство должно удовлетворять требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом и к соответствующему виду доказательств.

3. Результаты ОРД должны содержать: а) сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, т.е. обладать свойством относимости, б) указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, в) данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основой для формирования всех видов доказательств, а также создавать условия и предпосылки для установления новых источников доказательств, причем как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства.

Список литературы

1. Агутин А.В., Осипов С.А. Место оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Следователь. 2003. N 2. С. 47-55.
2. Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели // Российский следователь. 2012. N 6. С. 35-39.
3. Александров А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 4 (26). С. 49-57.
4. Горянов Ю.И. Новый порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности // Уголовный процесс. 2014. N 3. С. 55-58.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 1087 с.
6. Александров А.С., Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 320 с.

References

1. Agutin A.V., Osipov S.A. *Mesto operativno-rozysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam* [Place operatively-search activity in proving criminal]. *Sledovatel' – Investigator*, 2003, no. 2, pp. 47-55.
2. Aleksandrov A.S., Kucheruk D.S. *Rezultaty ORM – baza prigovora? Stat'ya 2. Rossiyskie reglamenti ustareli* [Results ORM – base sentence? Article 2. Russian regulations are outdated]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator*, 2012, no. 6, pp. 35-39.
3. Aleksandrov A.S. *Reforma politsii, reforma obvinitel'noy vlasti Rossii – put' k evrointegratsii* [Police reform, reform of the prosecutive authority in Russia – the way to eurointegration]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law enforcement Practice*, 2013, no. 4 (26), pp. 49-57.
4. Goryanov Yu.I. *Novyy poryadok predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [New procedure for submitting results of operatively-search activity]. *Ugovolnyy protsess – Criminal proceedings*, 2014, no. 3, pp. 55-58.
5. *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 1087 p.
6. Aleksandrov A.S., Bostanov R.A. *Ispol'zovanie proizvodnykh dokazatel'stv v ugovolnom protsesse* [Use of derivative evidence in criminal proceedings]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. 320 p.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

СУПРУН С.В., кандидат юридических наук, доцент, prozess_khv@mail.ru Кафедра уголовного процесса; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, г. Хабаровск, Казарменный, 15	SUPRUN S.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, prozess_khv@mail.ru Chair of criminal procedure; Far East Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazarmenny lane 15, Khabarovsk, 680020, Russian Federation

ПОРУЧЕНИЕ ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ МВД РОССИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Реферат. Исследуются правовые коллизии исполнения поручения органом дознания и органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность МВД России. Обосновывается, что уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает оснований, процессуального порядка и сроков исполнения соответствующего поручения следователя, не регламентирует объем производства следственных или иных процессуальных действий, не учитывает статус органа дознания при проверке сообщения о преступлении. Обосновывается, что результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные уполномоченным органом МВД России на основании такого поручения, не могут использоваться следователем при проверке сообщения о преступлении. Для устранения противоречия между уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законом предлагается: исключить из содержания п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ право следователя давать письменное поручение органу дознания МВД России о производстве оперативно-розыскных мероприятий при проверке сообщения о преступлении; дополнить п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ положением о праве следователя поручать органу МВД России, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, проведение оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела; установить в ч. 1 ст. 144 УПК РФ срок исполнения поручения органом дознания (не должен превышать 10 суток, в случае необходимости – продление до 30 суток); конкретизировать в ч. 1 ст. 144 УПК РФ право следователя поручать органу дознания МВД России производство следственных или иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела, предусмотренное ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

Ключевые слова: следователь, поручение, органы дознания МВД России, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность МВД России, проверка сообщений о преступлениях, возбуждение уголовного дела.

INQUIRY BODIES OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY COMMISSIONED TO LEGAL PROCEEDING AND CRIME DETECTION ACTIVITY PRIOR TO THE INITIATION OF CRIMINAL CASE

Abstract. Legal collisions of executing the commission by inquiry bodies and detective agencies of the Russian Interior are studied. Criminal procedure legislation is proved not to fix grounds, procedure order and terms of executing investigator's commissions. It also does not regulate range of investigative and other procedural activities, does not take account of inquiry body's status while checking crime reports. Moreover, investigators cannot use results of crime detection activity, obtained by authorized body of the Russian Interior on the basis of such commission, during crime reports checking. To eliminate existing contradictions some proposals are made: 1) investigator's right to give written commissions to inquiry body for crime detection during crime reports checking should be expunged from Art. 38, Sec. 2, clause 4 and Art. 144, Sec. 1 of the RF Criminal Procedure Code; 2) investigator's right to give commissions to detective agencies for crime detection actions prior to criminal case initiation should be inserted into Art. 38, Sec. 2, clause 4 and Art. 144, Sec. 1 of the RF Criminal Procedure Code; 3) term of executing commission by inquiry body should be determined in Art. 144, Sec. 1 of the RF Criminal Procedure Code (must not exceed 10 days, can be prolonged for 30 days as needed); 4) investigator's right to give commissions to inquiry body for conducting investigative and other procedural activities prior to criminal case initiation, provided in Art. 21, Sec. 4 of the Code, should be specified in Art. 144, Sec. 1 of the Code.

Keywords: investigator, commission, inquiry bodies of the Russian Interior Ministry, detective agencies of the Russian Interior Ministry, checking of crimes reports, initiation of criminal case.

Федеральным законом от 4 марта 2013 года N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ч. 1 ст. 144 УПК РФ была изменена и изложена в следующей редакции:

«...При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, *давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий* (выделено нами. — С. С.)»*.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь органов внутренних дел вправе до возбуждения уголовного дела давать органу дознания МВД России обязательные для исполнения письменные поручения о производстве следственных и иных процессуальных действий, а также проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Требования, поручения и запросы следователя, предъявленные в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Нормы, содержащиеся в ч. 4 ст. 21, п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, образующие в своей совокупности отраслевой уголовно-процессуальный институт поручения *органу дознания* МВД России на этапе возбуждения уголовного дела, не содержат понятия оснований для дачи следователем поручения, не регулируют процессуальный порядок его вынесения, не устанавливают сроки исполнения, объем производства

следственных или иных процессуальных действий, не учитывают статус органа дознания при проверке сообщения о преступлении.

Данные нормы ничего не говорят о праве следователя органов внутренних дел давать поручение органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность МВД России, не подчеркивают межотраслевой характер этого правового института, входят в противоречие с ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»** (далее — ФЗ «Об ОРД»), содержащей перечень субъектов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности. Среди субъектов ОРД органы дознания МВД России не значатся. В рамках настоящей работы мы остановимся лишь на отдельных проблемах правового регулирования поручения органу дознания МВД России производства следственных или иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела и проанализируем их содержание.

Анализ права следователя на дачу поручения органу дознания МВД России производства следственных или иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела начнем с общего условия предварительного расследования, содержащего правило, регламентирующее место его проведения. В соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование уголовного дела проводится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. В случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь органов внутренних дел вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий соответственно следователю или органу дознания, который обязан выполнить поручение следователя в срок не позднее 10 суток.

Полагаем, что правило о месте производства следственного или розыскного действия органом дознания МВД России

** Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 21 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2013. N 51. Ст. 6689.

* Рос. газ. 2013. 6 марта.

по поручению следователя органов внутренних дел в отдаленном районе, городе, области, пропущенное через призму теоретического понятия аналогии в уголовном процессе, может применяться на этапе возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении. На основании аналогии до возбуждения уголовного дела следователь органов внутренних дел вправе поручать органу дознания МВД России производство отдельных следственных или иных процессуальных действий в другом месте, если он сам по каким-либо причинам не может их выполнить лично. К следственным действиям, производство которых может быть поручено органу дознания МВД России до возбуждения уголовного дела, относятся: осмотр места происшествия, предметов, документов, трупа, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

До возбуждения уголовного дела следователь органов внутренних дел вправе поручить органу дознания МВД России производство иных процессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ. К иным уголовно-процессуальным действиям относятся: получение объяснений от граждан и должностных лиц, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов. На основании письменного поручения следователя иные процессуальные действия могут быть проведены органом дознания МВД России по месту производства проверки сообщения о преступлении либо в ином, удаленном от органа предварительного расследования месте.

Право следователя поручать органу дознания МВД России производство следственных или иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, может быть реализовано при условии, когда следователь органов внутренних дел при проверке сообщения о преступлении сам лично не может их выполнить по каким-либо объективным причинам.

Срок выполнения поручения следователя органом дознания МВД России (10 суток), установленный ч. 1 ст. 152 УПК РФ для стадии предварительного расследования уголовного дела, по аналогии может распространяться и на стадию возбуждения уголовного дела. В связи с изложенным считаем обоснованным на законодательном уровне установить для стадии возбуждения уголовного дела срок исполнения поручения 10 суток. На этом этапе уголовного судопроизводства срок исполнения поручения следователя органов внутренних дел не должен превышать предельный срок стадии возбуждения уголовного дела – 30 суток (ч.ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ).

При проверке сообщения о преступлении следователь органов внутренних дел в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вправе поручить органу дознания МВД России производство оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление деяния, содержащего признаки преступления, лиц, его совершивших, похищенного имущества, орудий преступления и т.д. Если письменное поручение следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий орган дознания МВД России в течение 10 суток выполнить не может, то руководителем следственного органа срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен. В случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ, руководитель следственного органа по ходатайству следователя органа внутренних дел вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Право следователя органов внутренних дел поручать органу дознания МВД России производство оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела входит в противоречие с ч. 1 ст. 13 ФЗ «Об ОРД», содержащей перечень органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность. В соответствии с ч. 1 ст. 13 ФЗ «Об ОРД» на территории Российской Федерации правом осуществления оперативно-розыскной деятельности наделены оперативные подразделения:

1. Органов внутренних дел Российской Федерации.
2. Органов Федеральной службы безопасности.
3. Федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны.
4. Таможенных органов Российской Федерации.
5. Службы внешней разведки Российской Федерации.
6. Федеральной службы исполнения наказаний.
7. Органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Руководители указанных выше органов вправе устанавливать перечень оперативных подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, их структуру и организацию работы (ч. 3 ст. 13 ФЗ «Об ОРД»). Перечень органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, содержащийся в ст. 13 ФЗ «Об ОРД», является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Он может быть изменен или дополнен только федеральным законом. Среди указанных выше органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, нет органов дознания. Эта позиция законодателя теоретически объяснима: понятие «органы дознания» является уголовно-процессуальным, поэтому не используется в ФЗ «Об ОРД».

Органы дознания МВД России не являются субъектами оперативно-розыскной деятельности и не вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия. Они являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности, создаются и действуют только в сфере уголовного судопроизводства. К органам дознания МВД России относятся органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ).

В сфере уголовного судопроизводства при проверке сообщения о преступлении органы внутренних дел могут действовать в статусе органов дознания или в статусе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность МВД России. До возбуждения уголовного дела органы внутренних дел могут действовать

одновременно в статусе органов дознания и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В последнем случае они имеют двойной процессуальный статус.

Органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции как органы дознания МВД России до возбуждения уголовного дела вправе проводить проверку заявлений и сообщений о преступлениях либо осуществлять иные предусмотренные УПК РФ полномочия (п. 3 ч. 2 ст. 40 УПК РФ). К иным предусмотренным УПК РФ полномочиям органов внутренних дел как органов дознания МВД России, реализуемым до возбуждения уголовного дела относится, в частности, выполнение поручения следователя о производстве следственных или иных процессуальных действий либо об оказании содействия следователю в их производстве (ч. 4 ст. 21, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Оперативно-розыскные мероприятия не входят в понятие «иные предусмотренные УПК РФ полномочия» органов дознания МВД России.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что органы внутренних дел, как органы дознания МВД России, не вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия на основании письменного поручения следователя, вынесенного в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, потому что не имеют полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Право органов внутренних дел как субъектов оперативно-розыскной деятельности проводить оперативно-розыскные мероприятия по поручению следователя до возбуждения уголовного дела закреплено в нормах оперативно-розыскного права. Будучи субъектами оперативно-розыскной деятельности (ст. 13 ФЗ «Об ОРД») и действуя по поручению следователя, органы внутренних дел уполномочены гласно и негласно проводить оперативно-розыскные мероприятия, изымать при их производстве документы, предметы, материалы и сообщения, а также прерывать услуги связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, угрозы государственной, военной, экономической или экологической бе-

зопасности Российской Федерации (ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»),

До возбуждения уголовного дела по письменному поручению следователя органы внутренних дел вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируруемую поставку, оперативный эксперимент (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»),

Основанием проведения оперативно-розыскных мероприятий органом внутренних дел, уполномоченным осуществлять оперативно-розыскную деятельность, являются сведения (ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД»):

– о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела;

– событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

– лицах, без вести пропавших, об обнаружении неопознанных трупов.

Органы внутренних дел вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия на основании письменного поручения следователя, вынесенного по находящемуся у него в производстве материалу проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 7 ФЗ «Об ОРД»). Поручение следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий должно быть адресовано начальнику органа внутренних дел, наделенного правом осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Начальник органа внутренних дел через резолюцию на поручении следователя обязывает соответствующее оперативное подразделение МВД России организовать проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление

признаков преступления. На основании письменного поручения следователя оперативный работник проводит оперативно-розыскные мероприятия и розыскные действия в соответствии с ФЗ «Об ОРД». Осуществляя оперативно-розыскную деятельность, оперативный работник проверяет по криминалистическим учетам изъятые при проверке сообщения о преступлении вещи и объекты, выявляет очевидцев, места хранения и сбыта похищенного, после чего незамедлительно информирует следователя о результатах проделанной им розыскной работы.

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться следователем при проверке сообщения о преступлении для подготовки и производства отдельных следственных или иных процессуальных действий, установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, а также в качестве основания для возбуждения уголовного дела (ч. 1 и 2 ст. 11 ФЗ «Об ОРД»).

Оперативно-розыскные данные, полученные по письменному поручению следователя, представляются ему начальником органа внутренних дел, его заместителем либо начальником подразделения, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность МВД России, в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд* (далее – Инструкция).

Представляемые для использования в доказывании по уголовным делам результаты оперативно-розыскной деятельности должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств,

* Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27 сент. 2013 г. // Рос. газ. 2013. 13 дек.

подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе (п. 20 Инструкции).

Следователь изучает представленные органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность МВД России, оперативно-розыскные данные, анализирует и дает им процессуальную оценку с позиции относимости, допустимости и достоверности. При проверке сообщения о преступлении следователем органов внутренних дел могут использоваться только допустимые оперативно-розыскные данные, полученные органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность МВД России, в порядке, предусмотренном ФЗ «Об ОРД». Оперативно-розыскные данные являются допустимыми, когда они получены:

а) компетентным органом (ст. 13 ФЗ «Об ОРД»);

б) в результате оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»);

в) при наличии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД»);

г) при наличии условий для осуществления отдельных оперативно-розыскных мероприятий (ч.ч. 5 и 6 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»);

д) при наличии поручения следователя, адресованного органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность (ч. 3 ст. 7 ФЗ «Об ОРД»).

Оперативно-розыскные данные, полученные органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность МВД России, на основании письменного поручения следователя органов внутренних дел, содержащего ссылку на ч. 3 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», представляются допустимыми и могут использоваться при проверке сообщения о преступлении.

Оперативно-розыскные данные, полученные органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность МВД России, на основании письменного поручения следователя, содержащего ссылку на ч. 1 ст. 144 УПК РФ, представляются недопустимыми и не могут использоваться следователем органов внутренних дел при проверке сообщения о преступлении.

Часть 1 ст. 144 УПК РФ не называет органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность МВД России, субъектами уголовно-процессуальной деятельности и не разрешает следователю органов внутренних дел поручать им производство оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела.

По нашему мнению, необходимо устранить имеющуюся несогласованность в действующем уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве, регулирующем поручение органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность МВД России, проведение оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела. С этой целью представляется значимым исключить из содержания п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ право следователя органов внутренних дел давать письменное поручение органу дознания МВД России о производстве оперативно-розыскных мероприятий при проверке сообщения о преступлении и изложить указанные выше процессуальные нормы в следующей редакции:

– п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ: «следователь вправе давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, об исполнении постановлений о задержании, принудительном приводе, иных мер процессуального принуждения, получать содействие при их осуществлении, а также поручать органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, производство оперативно-розыскных мероприятий»;

– ч. 1 ст. 144 УПК РФ: «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их

в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении следственных или иных процессуальных действий, а органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, – письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Срок исполнения поручения

не должен превышать 10 суток. В случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий свыше 10 суток срок проверки заявления (сообщения) о преступлении может быть продлен руководителем следственного органа по ходатайству следователя или прокурором по ходатайству дознавателя до 30 суток».

Право следователя на поручение органу дознания МВД России производства следственных или иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ должно быть конкретизировано в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Оно может быть реализовано при условии, если следователь не может самостоятельно выполнить эти действия по каким-либо объективным причинам.

КОРНАКОВА С.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Svetlana-kornakova@yandex.ru
Кафедра уголовного процесса
и прокурорского надзора;
Байкальский государственный
университет экономики и права,
664003, г. Иркутск, Ленина, 11

KORNAKOVA S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Svetlana-kornakova@yandex.ru
Chair of criminal process and
prosecutorial supervision;
Baikal State University of Economics and Law,
Lenina St. 11, Irkutsk, 664003,
Russian Federation

ЛОГИКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Реферат. Обращается внимание на достоверность выводов, полученных путем индукции и аналогии, при их использовании в процессе расследования преступления. Обосновывается оправданность использования в доказывании фактических презумпций, которые основываются на индуктивном обобщении многовекового опыта предшествующих поколений и имеют в силу этого высокую степень вероятности (не исключающую опровержения). Дедуктивный метод в доказывании, несмотря на возможность получения с его помощью достоверного знания, ограничен ретроспективным характером уголовно-процессуального познания, что неизбежно влечет использование правдоподобных форм дедуктивных умозаключений. Поскольку проверка выдвигаемых следственных версий проводится путем проверки выводимых из них следствий, постольку важно различать достоверность как свойство каждого доказательства и достоверность выводов субъекта доказывания, основанных на полученных доказательствах. Необходимо разграничивать дедуктивные формы умозаключений, обеспечивающие при достоверных посылах достоверное заключение, и формы, которые при таком же условии этого не гарантируют. Показаны условия достоверности вывода при использовании дедукции: единственный факт, противоречащий версии, способен ее опровергнуть; подтверждение фактов, вытекающих из версии, не доказывает ее истинности. Обосновывается, что сфера познания подчиняется объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные. Накопление доказательств, подтверждающих версию, не бесконечно, а идет до тех пор, пока случайное совпадение собранной совокупности доказательств становится практически нереальным. Только такая совокупность доказательств, образующая логическое основание для единственно возможного вывода, делает достоверным знание об обстоятельствах преступления и является достаточной для однозначного вывода суда.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, следственная версия, вероятность, достоверность.

THE LOGIC OF CRIMINAL PROCEDURE PROVING

Abstract. The reliability of the conclusions obtained by induction and analogy when using them during crime investigation is analyzed. The propriety of using in proving the presumptions of fact, based on inductive generalization of the great experience of previous generations, and, therefore, having a high degree of probability (not excluding refutation), is justified. Despite the possibility of getting reliable knowledge, deductive method in proving is limited by the retrospective nature of criminal procedure cognition which inevitably involves using the plausible forms of deductive conclusions. Since the proposed investigative versions are verified by checking the deduced consequences, it is important to distinguish reliability of evidence and reliability of the subject of proving' conclusions, based on the obtained evidence. It's necessary to differentiate the deductive forms of reasoning, providing reliable conclusions from reliable assumptions, and the forms which don't guarantee it under the same conditions. The conditions of the conclusion's reliability while using deduction are shown: a single fact contradicting the version is able to disprove a case; confirmation of facts arising from the version does not prove its truth. It is proved that the sphere of cognition is a subject to objective and universal dialectical law of transition of quantitative changes to qualitative ones. Collecting of proofs confirming the version lasts until the coincidence of the collected body of evidence becomes almost impossible. Only the body of evidence forming a logical basis for the only possible conclusion makes knowledge of the circumstances of the offence reliable and is sufficient for unambiguous court decision.

Keywords: criminal procedure proving, investigative version, probability, reliability.

Уголовно-процессуальное доказывание в его логическом аспекте представляет собой переход вероятного знания в достоверное. Вопрос о том, каким образом вероятное знание трансформируется в достоверное, какие логические методы при этом используются, представляет теоретический и практический интерес.

В ходе расследования преступлений достижение достоверного знания происходит при преимущественном использовании вероятностной, индуктивной логики, путем накопления доказательств. При использовании дедуктивной модели доказывания достоверное знание достигается путем опровержения всех возможных версий, за исключением одной, единственно возможной. Ю.К. Орлов в связи с этим отмечает, что противники вероятностной логики отрицают возможность постепенного перехода вероятности в достоверность. При этом основным камнем преткновения между сторонниками и противниками вероятностной логики является вопрос о том, на каком этапе накопления доказательств происходит превращение вероятного знания в достоверное [1, с. 92].

Представляется, что в процессе расследования преступлений возможно использование как дедуктивной, так и индуктивной модели в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела, и эти методы построения выводов дополняют, а не исключают друг друга. В связи с этим категоричный вывод о том, что метод перебора всех возможных версий в судебном доказывании исключен [1, с. 92], является поспешным.

В судебном исследовании необходимо показать, что версия, на которой основано обвинение, была получена после того, как были отброшены все версии, следствия которых не подтвердились в ходе расследования, при этом соблюдение требования о выдвижении всех возможных версий вовсе не означает необходимости проверки «всех, теоретически мыслимых» [1, с. 92]. Так, Я.В. Жданова считает, что если перечень выдвинутых версий должен быть исчерпывающим, значит «...необходимо "строить" все без исключения возможные версии. Но на практике невозможно проверить и опровергнуть все теоретически мыслимые версии (например, доказать непричастность к преступлению

всех жителей города и приезжих, находящихся в нем в день убийства). Такая возможность бывает лишь в тех случаях, когда круг лиц, возможно причастных к преступлению, заведомо ограничен. И даже если по делу имеется возможность выдвижения и проверки всех мыслимых версий, то все равно единственная оставшаяся из них нуждается в позитивном обосновании, а это возможно только по правилам неформальной логики» [2, с. 17].

Во-первых, на практике все-таки встречаются случаи, когда круг подозреваемых в совершении преступления заведомо ограничен, а значит, этот путь не исключен.

Во-вторых, основной вопрос, который ставит перед собой следователь, очерчивая круг подозреваемых, — это вопрос: «Кому это выгодно?». Не может быть выгодным результат преступления «всем жителям города и приезжим, находившимся в нем в день убийства» [2, с. 17]. А.М. Ларин в связи с этим пишет: «Возьмем, к примеру, пресловутые заказные убийства. Каждое из них — преступление, имеющее предысторию, веские причины, связанные с деятельностью потерпевшего, преступление обдуманное, обсужденное заранее и к тому же дорогостоящее. Далее, как бы ни маскировался киллер, он известен заказчику и посреднику, торговцу оружием, преступной среде, из которой он вышел. Поэтому возникает веер версий — предположительных ответов на вопросы о том, кому мешал жить пострадавший, кто свел заказчика с убийцей, кто из каких средств ему платил, у кого приобретено оружие и т.д.» [3, с. 116]. Таким образом, мысленно задаваемые субъектом доказывания вопросы являются одновременно и содержанием выдвигаемых на их основании версий, а поскольку область поиска ответов на поставленные вопросы всегда ограничена, то вариантов версий всегда имеется конечное число.

В-третьих, понятие «возможные версии» следует толковать не как любые произвольно взятые догадки, а только как объективно обусловленные предположения. В расчет берутся только те версии, которые в какой-то мере подкрепляются фактами, объясняют их. Необходимый признак следственной версии — обоснованность: версия должна быть реальной, учитыва-

ющей наиболее вероятные взаимосвязи и отношения в расследуемом событии.

И, наконец, о какой логике идет речь? Понятие «формальное» означает соответствие определенным строгим правилам, законам. Если логика неформальная, то какие правила могут быть у логики без правил? Здесь уместно привести справедливое утверждение авторов учебника «Философия»: «Если говорить о логике, то в ней нет никаких других логик, отдельных от формальной логики. Есть только одна – единая, общечеловеческая аристотелева логика, все остальное – особые названия ответвлений от единой логики, даже “диалектическая логика” – лишь своеобразие формальной, и без нее она не существует как логика» [4, с. 387].

Конечно, чаще в процессе доказывания по уголовному делу невозможно заранее установить, что выдвинутые версии являются исчерпывающими, поэтому исключение противоположных версий – необходимое, но не достаточное условие для признания оставшейся версии единственно правильной. Для этого обязательно наличие обоснования оставшейся версии совокупностью согласованных между собой достоверных доказательств.

В процессе доказывания по уголовному делу, как и во всяком познании, применяются самые различные логические средства. С точки зрения логической формы обобщение полученных данных в ходе расследования представляет собой индукцию – переход от знания меньшей степени общности к знанию большей степени общности. Вывод в таком умозаключении в основном является проблематичным. Исключение составляют выводы, полученные в результате использования полной индукции, применимость которой в рассуждениях определяется практической перечисляемостью исследуемых предметов, поэтому позволяет сделать достоверный вывод путем исчерпывающего перечисления, например, всех способов проникновения в помещение (число таких способов конечно и легко обозримо), устанавливаемых в ходе производства осмотра места происшествия. Этим же методом определяется тип оружия, которым было нанесено ранение, способ совершения преступления, причины пожара и т.д. Состав преступления содержит перечень

исчерпывающих признаков конкретного деяния, отсутствие хотя бы одного из которых ведет к отсутствию состава данного преступления. В этом случае также используется метод полной индукции, но с отрицательным заключением.

На основании индуктивных выводов в следственной практике формулируются обобщения, касающиеся обычных отношений между людьми, мотивов, целей и способов совершения преступлений, типичных реакций людей и т.д. В этом состоит ценность индуктивных обобщений – они не только указывают на возможную причину, возможное поведение лица, но и отмечают наиболее часто встречающиеся, являющиеся более вероятными. Так, стремление скрыться от следствия чаще характерно для лица, совершившего преступление, нежели не причастного к нему. Таким образом, индукция позволяет сузить круг предполагаемых причин и вести исследование целенаправленно и экономно, но следует помнить, что выводы по неполной индукции всегда имеют только вероятный характер.

Аналогией в логике называется умозаключение, в котором на основе сходства предметов или событий в определенных признаках делается вывод об их сходстве в признаках, не подвергавшихся исследованию. Используя аналогию и исходя из известных обстоятельств дела, субъект доказывания отыскивает в прошлом нечто сходное, что предположительно может возместить недостающую информацию, дать толчок к высказыванию предположений. Так, по признаку недостачи можно уподобить предполагаемое событие хищению. Но останавливаться на одной этой аналогии нельзя, т.к. недостача может быть признаком не только хищения, но и сверхнормативной убыли, ошибок в товарных и учетных операциях и т.д. Поэтому естественны и необходимы конкурирующие аналогии, конкурирующие версии. Произвольный выбор одной из аналогий, игнорирование иных возможных аналогий есть необъективность и односторонность исследования [3, с. 95]. И.Я. Фойницкий в связи с этим отмечает: «Судебная практика крайне неохотно допускает к доказыванию обстоятельства, из которых лишь по аналогии или по уподоблению можно заключить о справедливости или несправед-

ливости данного утверждения, к этой области, в частности, относятся факты поведения и прежние поступки данного лица» [5, с. 236]. Поскольку логическая природа аналогии близка к догадке, то выводы при ее использовании дают лишь вероятные заключения, но могут использоваться для выдвижения предположений, версий в практике судебного исследования. При этом чем богаче профессиональный и жизненный опыт субъекта доказывания, тем более обоснованны выводы по аналогии.

Особое положение среди форм умозаключений занимает дедукция, с помощью которой при соблюдении правил вывода и истинности посылок получают достоверное заключение. Дедукции принадлежит огромная роль в проверке положений, полученных путем аналогии и индукции.

Большой посылкой дедуктивного умозаключения, устанавливающего связь отдельного доказательства с событием преступления, выступает общее суждение, формулирующее знание о связях между подобными рода явлениями. Меньшей посылкой является суждение, содержащее знание о существовании конкретного факта. Достоверный вывод может быть получен только в том случае, если обе посылки умозаключения – достоверные суждения: большая посылка отражает истинное общее знание, а меньшая – достоверно установленный факт. Если большей посылкой является вероятное суждение, например полученное индуктивным путем, то при подведении единичного факта под такое общее положение заключение будет носить проблематичный характер. Кроме этого, если общее суждение отражает наиболее вероятное знание, например, о типичном поведении людей в определенных ситуациях, то может быть использовано в процессе исследования обстоятельств дела в качестве фактической презумпции, позволяющей сделать логический переход от знания о возможной причине к знанию о действительной причине поведения лица.

Фактические презумпции в большинстве случаев выражают действительно существующее положение вещей, не зависящее от субъекта, поэтому являются объективными по своему содержанию, хотя и не исключают своего опровержения.

Д. Мейер приводит следующее высказывание французского юриста Дома (1753 год) о *praesumptiones hominis*: «все, что случается естественно и обыкновенно, предполагается истинным, и напротив, необыкновенное и неестественное, не будучи доказано, не считается истинным. На этом основано предположение, что отец любит своих детей, что каждый заботится о своих детях... что люди действуют сообразно правилам своим и привычкам, что каждый поступает по указаниям рассудка... Никогда затем не следует предполагать, т.е. допускать бездоказательно, что отец ненавидит своих детей, что человек пренебрегает своими интересами, что рассудительный человек совершил действие, недостойное его обычного поведения...» [6, с. 52-53].

Фактические презумпции основаны на обобщении многовекового опыта предшествующих поколений, поэтому закрепленное в них знание является в высокой степени вероятным, т.е. вероятность истинности такого знания больше вероятности его ложности. Именно тем, что существенным признаком фактических презумпций является их высокая вероятность, обосновывается возможность и оправданность использования презюмируемых фактов в процессе доказывания по уголовному делу. Основанные на индуктивном обобщении презумпции создают возможность их использования при оценке аналогичных явлений и ситуаций, возникающих в процессе расследования преступлений, поскольку отражают объективно существующие связи и зависимости.

Тем не менее посылки недедуктивных рассуждений лишь с той или иной степенью вероятности подтверждают заключение. В свою очередь, в дедуктивных умозаключениях, дающих достоверное знание, вероятный вывод получается только в двух случаях, а именно:

1) если в посылках использовано знание, достоверность которого вызывает сомнение;

2) использованы не достоверные, а правдоподобные формы дедуктивных умозаключений.

П.В. Копнин указывает, что деление умозаключений по признаку достоверности имеет важное познавательное значение: «Мы должны строго различать формы умозаключений, обеспечивающих

при достоверных посылках достоверное заключение, от форм, которые при этом же условии не гарантируют достоверного вывода» [7, с. 170].

Различие между доказательным и правдоподобным рассуждением, например, при использовании условно-категорического (гипотетического) силлогизма, заключается в направлении движения мысли: от основания к следствию или от следствия к основанию. Достоверный вывод возможен лишь в первом случае, когда истинность следствия логически вытекает из условного суждения при истинности его основания.

Во втором случае истинность следствия лишь с определенной степенью вероятности подтверждает основание. С точки зрения логики такое умозаключение не является корректным, т.к. при истинности следствия основание является лишь вероятным. Тем не менее именно таким путем осуществляется подтверждение версий при расследовании преступлений, когда основным содержанием мыслительной деятельности следователя является выведение следствий из выдвинутых версий и сравнение этих следствий с уже имеющимися данными.

Преступление является событием прошлого. Его невозможно непосредственно наблюдать, но возможно выдвигать о нем версии, объясняющие имеющиеся в наличии, непосредственно наблюдаемые факты, проверять версии с помощью логического выведения из них следствий (верификации), которые допускают эмпирическую проверку, например, посредством проведения следственного эксперимента, опознания и других процессуальных действий. В связи с этим особенностью расследования преступления является то, что конкретное единичное событие восстанавливается по его следам, и лицо, ведущее расследование, имеет дело не с причиной, а с определенными результатами (в логике – следствиями) прошлых событий, поэтому неизбежно использование правдоподобного объяснения этих результатов.

Проверить существование следствий в процессе доказывания по уголовному делу – значит законным способом отыскать и в надлежащей уголовно-процессуальной форме установить конкретные факты, которые подтверждают либо исключают эти

следствия. Проверая версию, следователь по правилам гипотетического силлогизма делает заключение: если версия истинна, то должны быть определенные следствия. Нахождение следствий, несомненно, укрепляет версию, но не доказывает ее достоверности:

Если подозреваемый совершил преступление, то должен был быть на месте его совершения. Был. Он совершил?

Если подозреваемый совершил преступление, то мог оставить отпечатки пальцев на месте его совершения. Отпечатки обнаружены. Он совершил?

Если подозреваемый совершил преступление, то его могут опознать очевидцы. Опознание произошло. Он совершил?

Если подозреваемый совершил преступление, то сможет повторить свои действия в условиях эксперимента. Повторил. Он совершил?

Только вероятно, что он. Опровержение алиби подозреваемого также влечет за собой только вероятный вывод о его причастности к преступлению.

Каждое из перечисленных обстоятельств с достоверностью установлено процессуальным путем, соответствует действительности. В связи с этим характерны ошибки, допускаемые в следственной практике при оценке значения таких доказательств: не берется во внимание их предположительный характер и нередко из них сразу делается вывод о виновности подозреваемого. Выводы субъекта доказывания в таких случаях, хотя и основанные на достоверно установленных данных, полученных в процессе проведения следственных действий (значит, относимых, допустимых и достоверных), тем не менее остаются только вероятными. Соответственно необходимо различать достоверность как свойство каждого доказательства и достоверность выводов субъекта доказывания, основанных на этих доказательствах. Подтверждение версии не ведет к однозначному выводу об истинности заключенного в ней предположения, и хотя вероятность истинности заключения повышается, все же продолжает оставаться только вероятностью.

При использовании отрицающего модуса условно-категорического (гипотетического) силлогизма достоверный вывод получается лишь в том случае, если

мысль движется от отрицания следствия к отрицанию основания. Одна и та же причина не вызывает двух противоположных результатов, соответственно, если нет следствия, значит, определенно не было и причины — основания, его породившего. Достаточно одного противоречащего версии факта, чтобы убедиться в ее ошибочности. В отличие от подтверждения опровержение версии противоречащими ей фактами имеет окончательный характер. В данном случае рассуждение идет по *modus tollens гипотетического силлогизма*, который является законом логики и дает достоверный вывод.

Таким образом, единственный факт, противоречащий версии, способен ее опровергнуть, но подтверждение фактов, вытекающих из версии, как бы их ни было много, не доказывает ее истинности. Именно поэтому существует мнение, что вывод суда о виновности лица в совершении преступления является только в высокой степени вероятным. Именно поэтому возникает вопрос о том, на каком этапе вероятное знание становится достоверным: «Остается неясным, где именно проходит та грань, которая четко отделяет вероятность от достоверности, почему, например, данный факт признается установленным достоверно на основании, допустим, показаний пяти свидетелей, а не четырех или шести» [1, с. 92].

Л.Е. Владимиров в связи с этим пишет, что, увеличивая число свидетелей, мы действуем по тому же способу, по какому индуктивный исследователь устанавливает причинную связь между двумя явлениями посредством постепенного исключения влияния случайных обстоятельств. Количество свидетелей есть только способ определения качества свидетельства, поскольку мы не можем предположить, что одни и те же причины могли одинаково влиять на всех [8, с. 52]. Кроме этого, как отмечает Р.П. Чернов, на протяжении всей истории развития правосудия процессуальная форма свидетельских показаний подвергала их сомнению с точки зрения надежности и достоверности. Вопрос о достоверности настолько беспокоил наших предков, что действовало правило, гласившее: нет свидетельских показаний без их проверки. В основном благодаря именно такому прошлому сегодня в языке обороты

«свидетельствует...», «я тому свидетель...» и прочее ассоциируются с истинностью высказывания [9, с. 95]. Отсюда следует закономерный вывод — чем разнообразнее и независимее друг от друга источники, из которых получают совпадающие сведения, тем более вероятна их достоверность.

Накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, поскольку для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений, за пределами которой количественные изменения меняют качество явления, и сфера познания в этом отношении не является исключением.

Процесс выдвижения следственных версий сопровождается фактической проверкой вытекающих из них следствий, лишь в случае подтверждения которых происходит накопление информации, позволяющей следователю составить внутреннее убеждение в ее достоверности. Таким образом происходит увеличение надежности выводов, сначала предположительных и правдоподобных, а затем достоверных. Отдельно взятое доказательство может быть объяснено самыми различными обстоятельствами, в том числе не связанными с событием преступления. Может возникнуть несколько предположений, которые достаточно хорошо согласуются с этим доказательством, но при этом несовместимы между собой. Разобобщенными доказательствами также невозможно получить достоверного знания. Согласованность всех полученных в процессе расследования данных — основной и важнейший критерий истинности представления субъекта доказывания обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Лишь достаточная совокупность согласованных между собой достоверных доказательств может привести к обоснованному убеждению в доказанности обстоятельств расследуемого преступления. Значит, накопление доказательств, подтверждающих версию, не бесконечно, а идет до момента практической достоверности, т.е. до тех пор, пока случайное совпадение собранной совокупности доказательств становится практически не-

реальным. Именно такая совокупность доказательств и является достаточной для однозначного вывода суда.

Таким образом, версия обвинения будет доказана только в том случае, если из нее вытекают не любые следствия, а такие, которые в совокупности обладают выраженными неповторимыми, индивидуальными особенностями. Другими словами, эти следствия должны указывать на их происхождение лишь от одной, вполне определенной причины и исключать всякое иное объяснение обстоятельств дела. Д. Мейер указывал, что «улики в смысле

доказательства как бы составляют круг, безвыходно охватывающий преступника: когда хоть в одном месте круг допускает его выход, — улики не удовлетворяют цели служить доказательством преступления» [6, с. 61]. Когда собранные доказательства могут быть логическим основанием только одного вывода, мы говорим, что произошла замена вероятного знания достоверным. Лишь в этом случае знание об обстоятельствах преступления будет достоверным, единственно возможным, исключающим сомнения в своей истинности.

Список литературы

1. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2000. 144 с.
2. Жданова Я.В. Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве. Ижевск: Детектив-информ, 2004. 76 с.
3. Ларин А.М. От следственной версии к истине. М.: Юрид. лит., 1976. 197 с.
4. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. М.: ПБОЮЛ Грачев С.М., 2000. 608 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2: печатается по 3-му изд. СПб., 1910. СПб.: АЛЬФА, 1996. 606 с.
6. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1853. Казань, 1854. Кн. IV. С. 1-127.
7. Вопросы логики / отв. ред. П.В. Таванец; АН СССР, Ин-т философии. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 325 с.
8. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
9. Чернов Р.П. Свидетельские показания как источник доказательств // Адвокат. 2005. N 5. С. 95-105.

References

1. Orlov Yu.K. *Osnovy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2000. 144 p.
2. Zhdanova Ya.V. *Kategorii veroyatnosti i dostovernosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Categories of probability and reliability in criminal proceedings]. Izhevsk, Detektiv-inform Publ., 2004. 76 p.
3. Larin A.M. *Ot sledstvennoy versii k istine* [From the investigative version of the truth]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 197 p.
4. Alekseev P.V., Panin A.V. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, PBOYUL Grachev S.M., 2000. 608 p.
5. Foinitskiy I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva v 2 t. T. 2* [The course of criminal proceedings in 2 volumes. Vol. 2]. St. Petersburg, ALFA Publ., 1996. 606 p.
6. Meyer D.I. *O yuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniakh, o skrytykh i pritvornykh deystviyakh* [On the legal fictions and assumptions about the hidden and pretended actions]. *Uchenye zapiski, izdavaemye Imperatorskim Kazanskim universitetom. 1853. Kn. IV* [Scientific notes issued by the Imperial University of Kazan. 1853. Book IV]. Kazan, 1854. Pp. 1-127.
7. *Voprosy logiki* [Questions of logic]. Moscow, 1955. 325 p.
8. Vladimirov L.E. *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The doctrine of the criminal evidence]. Tula, Avto-graf Publ., 2000. 464 p.
9. Chernov R.P. *Svidetel'skie pokazaniya kak istochnik dokazatel'stv* [Witness testimony as a source of evidence]. *Advokat* – Lawyer, 2005, no. 5, pp. 95-105.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

СЕМЕНЮК Р.А., кандидат юридических наук, ruslanbarnaul@mail.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Барнаулский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 656038, г. Барнаул, Чкалова, 49	SEMENYUK R.A., Candidate of Legal Sciences, ruslanbarnaul@mail.ru Chair of criminal law and criminology; Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Chkalova St. 49, Barnaul, 656038, Russian Federation

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ С ЛИЦАМИ, УПОТРЕБЛЯЮЩИМИ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Реферат. Рассматриваются факторы эффективности профилактической работы участковых уполномоченных полиции с лицами, больными наркоманией. Критикуются правила медицинского (диспансерного и профилактического) обслуживания, оценивается практика неприменения принудительного препровождения потребителей наркотических средств для проведения медицинского освидетельствования (при их отказе пройти его добровольно). Даются рекомендации по повышению взаимодействия полиции с органами здравоохранения. Рассматриваются проблемы документирования и вопросы доказывания при привлечении наркозависимых лиц к административной ответственности, исполнения наказания в виде административного штрафа. Констатируется, что действующим законодательством не регламентируется порядок взаимодействия участковых уполномоченных полиции с медицинскими организациями по наблюдению за больными наркоманией, отсутствует единообразный порядок наблюдения за лицами, нуждающимися в лечении от наркомании. Обосновывается необходимость принудительного лечения и установления жесткого административного наказания за уклонение от его прохождения наркоманами, совершившими преступление или административное правонарушение в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах. Аргументируется необходимость должного наблюдения за лечением наркозависимых лиц, состоящих на учете в наркологическом учреждении: если больной наркоманией снимается с диспансерного учета в силу невозможности обеспечить его осмотр (как это бывает в большинстве случаев), то теряются основания его нахождения на профилактическом учете в органах внутренних дел, осуществляемом участковым уполномоченным полиции. Констатируется ошибочность практики, когда медицинские организации отказываются предоставлять информацию о находящихся на диспансерном учете больных наркоманией участковым уполномоченным полиции, ссылаясь на врачебную тайну и не используя законные исключения из правила.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, профилактика, потребители наркотических средств, больные наркоманией, медицинский учет.

EFFECTIVENESS OF DRUG PREVENTIVE ACTIVITY CONDUCTED BY DISTRICT POLICE OFFICERS

Abstract. The factors of effectiveness of district police officers' preventive activity directed at drug addicts are considered. The regulations of medical care (both in dispensary and prophylactic center) are criticized. The practice of non-using compulsory medical examination of drug abusers (if they refuse to undergo it of their own will) is estimated. Some recommendations on improving police and health authorities' cooperation are provided. The documentation problems, issues of proving when bringing drug addicts to administrative responsibility and executing punishment (fine) are considered. The existing legislation does not regulate the procedure of district police officers and health authorities' cooperation regarding supervision of drug addicts. There is no uniform order of supervising the persons being in need of drug addiction treatment. The author proves the necessity of compulsory treating and providing for rigorous administrative punishment for evading the treatment by drug addicts having committed a crime or an offence under the legislation on drugs, psychotropic substances and their precursor. The necessity of proper supervising the treatment of drug addicts being registered in narcological dispensary is argued: if drug addicts are struck off the register in dispensary due to impossibility of providing their examination (which happens in most cases), there are no grounds for district police officers to conduct

preventive activity. The refusal of health authorities to provide the information on drug addicts being registered in a dispensary to district police officers, alleging to the medical secrecy and not using the legal exceptions to the rule, is stated to be erroneous.

Keywords: district police officer, preventive measures, drug users, drug addicts, medical registration.

По настоящее время количество потребителей наркотических средств остается довольно большим. Еще в октябре 2010 года глава ФСКН России В.П. Иванов сообщал, что наркоманами являются около 2 % трудоспособного населения России репродуктивного возраста (от 15 до 64 лет). Большинство из них, около 1,5 млн человек, составляют опиатные наркоманы, среди остальных есть курильщики марихуаны и потребители синтетических препаратов. По данным ФСКН России, в 2012 году 18 млн человек имели опыт употребления наркотических средств, до трех миллионов делали это регулярно [1].

В 2011 году число потребителей наркотических средств или психотропных веществ, состоявших на учете в органах здравоохранения, составило 533 404, что на 2,5 % меньше, чем в 2010 году, с диагнозом «наркомания» – 339 320 (-3,3 %) [2]. Участковыми уполномоченными полиции ежегодно в России контролируется около 160 тыс. наркоманов*. Из этих показателей следует, что на профилактическом учете в органах внутренних дел состоит менее половины лиц, больных наркоманией, состоящих на учете в органах здравоохранения.

Таким образом, индивидуальная профилактическая работа с лицами, употребляющими наркотические средства, является стратегически важной. В основном данная работа зависит от эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции, которые обязаны выявлять лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, и уделять особое внимание информации, полученной в отношении этой категории лиц**.

* Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: государственная программа Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 6 марта 2013 г. N 313-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См. п.п. 37.21, 46.2 приказа МВД России от 31 дек. 2012 г. N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (Рос. газ. 2013. 27 марта).

В нормативных правовых актах под профилактикой наркомании понимается система превентивных мер, направленных на снижение вероятности возникновения наркомании. А больной наркоманией – это лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с федеральным законодательством, поставлен диагноз «наркомания»***. С этими определениями мы вполне согласны.

Государством непрерывно планируются мероприятия по профилактике наркомании как на федеральном, так и на региональном уровне. Так, при реализации государственной программы на 2013-2020 гг. «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» планируется принять ряд мер по профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения. Силами участковых уполномоченных предполагается обеспечить эффективный контроль за поведением лиц, больных наркоманией.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, начиная с 2010 года по настоящее время, имеется тенденция к снижению числа состоящих на учете в органах здравоохранения потребителей наркотических средств и больных наркоманией [2]. Однако согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, за последние семь лет число преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, стабильно увеличивается [3].

В соответствии с п. 35 ст. 12 Федерального закона «О полиции» на сотрудников органов внутренних дел возлагается обязанность участия в наблюдении за лицами, больными наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях пре-

*** Об утверждении Краевой целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в Алтайском крае» на 2009-2013 годы: закон Алтайского края от 5 дек. 2008 г. N 128. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений*.

Согласно п. 3 ст. 30 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании» сотрудники полиции обязаны оказывать содействие медицинским работникам при осуществлении недобровольной госпитализации и обеспечивать безопасные условия для доступа к госпитализируемому лицу и его осмотра**. Однако обозначенный порядок оказания содействия по смыслу закона не относится к такой категории граждан, как больные наркоманией. В данном случае речь идет о недобровольной госпитализации лиц, страдающих психическими расстройствами. Таким образом, по настоящее время отсутствует единый порядок применения и осуществления наблюдения в отношении лиц, нуждающихся в лечении от наркомании.

7 апреля 2013 г. вступил в силу приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (далее – приказ МВД России N 1166), в пункте 37.17 которого предусмотрено, что участковый уполномоченный полиции при несении службы на административном участке обязан участвовать совместно с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, больными наркоманией и представляющими опасность для окружающих. Иными словами, участковые уполномоченные полиции проводят индивидуальную профилактическую работу с больными наркоманией, состоящими на учете в медицинской организации и представляющими опасность для окружающих (п. 63.2 приказа МВД России N 1166). На профилактический учет начали ставить лиц, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача. Появление этой подучетной категории, на наш взгляд, долж-

но положительно отразиться на выявлении наркозависимых личностей и профилактике противоправного поведения с их стороны.

В пунктах 37.20 и 37.21 приказа МВД России N 1166 определено также, что участковый уполномоченный полиции обязан выявлять притоны для незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; выявлять лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача; лиц, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, изготавливающих, перерабатывающих и сбывающих наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги; лиц, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, культивирующих растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. От этих мер зависит эффективность пресечения противоправной деятельности указанных лиц.

Из вышесказанного следует, что большая часть работы с лицами, употребляющими наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги без назначения врача, возложена на службу участковых уполномоченных полиции.

Кроме того, согласно приказу МВД России «Об утверждении инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации» сотрудники полиции, в частности участковые уполномоченные, при обнаружении лиц, находящихся в состоянии опьянения, при необходимости оказывают им первую помощь, организуют незамедлительный вызов на место выездной бригады скорой медицинской помощи***.

Если требуется стационарное лечение выявленного лица, находящегося в со-

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 3 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании: закон Рос. Федерации от 2 июля 1992 г. N 3185-1: ред. от 28 дек. 2013 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 33. Ст. 1913; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013 (ч. I). Ст. 6986.

*** Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации: приказ МВД России от 23 дек. 2011 г. N 1298 // Рос. газ. 2012. 29 февр.

стоянии наркотического опьянения, то оно доставляется в медицинскую организацию, где ему окажут соответствующую помощь и затем отпустят. В дальнейшем данное лицо, употребляющее наркотики, остается без соответствующего профилактического воздействия.

Ранее, в советский период времени всех больных наркоманией в обязательном порядке отправляли на медицинское освидетельствование, а в случае их отказа работники органов внутренних дел подвергали их принудительному приводу в медицинские организации. При установлении диагноза «наркомания», «токсикомания» или факта немедицинского употребления наркотических и других средств, влекущих одурманивание, данных лиц (за исключением лечившихся добровольно и анонимно) ставили на профилактический учет в ОВД (приказ Минздрава СССР и МВД СССР от 20 мая 1988 г. N 402/109, с 2003 года не применяется).

Сейчас медицинское освидетельствование и лечение больных наркоманией, их привод в медицинские организации осуществляется только с их согласия, а в отношении несовершеннолетних — с согласия их родителей или законных представителей. В итоге эффективное лечение больных наркоманией, их диспансерное и профилактическое наблюдение не обеспечивается.

Кроме того, на практике возникают такие проблемы, когда наркологическое учреждение не может в течение одного года обеспечить осмотр больного, несмотря на все принимаемые меры (в том числе обращения в полицию), при отсутствии объективных сведений о месте его нахождения данный больной в соответствии с приказом Минздрава СССР от 12 сентября 1988 г. N 704*, снимается с диспансерного учета. Из этого следует, что согласно п. 67.2 приказа МВД России N 1166 больной параллельно снимается и с профилактического учета.

В результате получается, что если больные наркоманией в течение одного года уклоняются от осмотра и лечения в

наркологических учреждениях, то они снимаются как с диспансерного, так и с профилактического учета. Такое упущение в профилактической работе требует, на наш взгляд, внесения соответствующих изменений и дополнений в приказы МВД России и другие нормативные правовые акты.

Лица, больные наркоманией, токсикоманией либо допускающие немедицинское потребление наркотических и других средств, влекущих одурманивание и одновременно представляющих опасность для окружающих, должны состоять на учете как у врачей-психиатров, так и у врачей-наркологов.

В случае выполнения больным всех назначений лечащего врача, соблюдения сроков явок в наркологические учреждения и наступления после лечения стойкого выздоровления устанавливаются следующие сроки диспансерного учета:

а) больных хроническим алкоголизмом — 3 года;

б) больных наркоманиями и токсикоманиями — 5 лет.

В процессе диспансерного учета наркологические больные могут получать лечение как в амбулаторных, так и в стационарных условиях. При этом сроки лечения устанавливаются лечащим врачом каждый раз индивидуально. Исключение составляют наркологические больные, поступившие на стационарное лечение впервые в жизни: для больных наркоманиями и токсикоманиями — не менее 60 дней**.

Далее отметим, что статьей 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрено соблюдение врачебной тайны о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи. Однако пунктом 4 ст. 13 этого же Федерального закона предусмотрены исключения, которые участковый уполномоченный может учитывать при наблюдении за данной подучетной категорией граждан. Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается:

— в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю;

* О сроках диспансерного наблюдения больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями: приказ Министерства здравоохранения СССР от 12 сент. 1988 г. N 704. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»:

** См. приказ Минздрава СССР от 12 сент. 1988 г. N 704.

– при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений (если они выявляются при работе с задержанным правонарушителем, то вызывается бригада скорой медицинской помощи либо задержанный доставляется силами сотрудников полиции);

– по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно;

– в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий;

– в целях расследования несчастного случая на производстве и профессионального заболевания и др.*

В связи с этим участковые уполномоченные полиции, с одной стороны, обязаны уведомлять о таких лицах заинтересованные медицинские организации, а с другой – имеют право на получение соответствующих сведений по вышеперечисленным основаниям.

В статье 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрены основания, допускающие медицинское вмешательство без согласия гражданина. Согласно данной норме при наличии у лиц, больных наркоманией, заболеваний, представляющих опасность для окружающих, в отношении их допускается принудительное медицинское вмешательство. Например, допустимо принудительное препровождение потребителей наркотических средств для проведения медицинского освидетельствования до решения суда с целью их постановки на профилактический учет в органах внутренних дел.

Основными формами взаимодействия службы участковых уполномоченных полиции с территориальными органами здравоохранения являются:

– предоставление в органы внутренних дел медицинскими организациями сведений о лицах, больных алкоголизмом, наркоманией и представляющих опасность для окружающих;

– взаимный обмен информацией об имевших место преступлениях и административных правонарушениях, совершенных больными наркоманией; о фактах постановки на учет лиц, представляющих общественную опасность; о приметах разыскиваемых преступников, возможно, укрывающихся в медицинских организациях под чужой фамилией;

– проведение совместных мероприятий по проверке мест концентрации наркоманов и выявлению наркопритонов в целях профилактики распространения наркомании, постановки наркозависимых на учет в органах здравоохранения и органах внутренних дел;

– участие в совместных семинарах, конференциях по вопросам предупреждения и пресечения наркомании, психических расстройств и т.п.

При этом участковым уполномоченным полиции предлагается поддерживать отношения с врачами-наркологами и другими заинтересованными работниками медицинских организаций, осуществляющих диспансерное наблюдение, не только на официальном уровне (путем направления запросов), но и путем установления личных доверительных контактов с целью повышения эффективности данной работы и предупреждения правонарушений со стороны лиц, больных наркоманией.

Далее отметим ряд проблем привлечения наркозависимых лиц к административной ответственности. Например, для привлечения к ответственности по ст. 6.9 КоАП РФ за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача участковому уполномоченному полиции следует составить соответствующий протокол об административном правонарушении и препроводить правонарушителя для прохождения медицинского освидетельствования.

Если потребитель наркотических средств отказывается проходить медицинское освидетельствование, отсутствуют свидетели, могущие подтвердить факт нахождения правонарушителя в состоянии наркотического опьянения, то получает-

* Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб.

ся, что нет и оснований для привлечения его к административной ответственности, так как мировые судьи, рассматривающие такие дела, требуют акт медицинского освидетельствования, результаты исследований смывов с рук, срезов ногтевых пластин, подтверждающие факт наркотического опьянения или употребления наркотических средств. Аналогичные проблемы также возникают при привлечении лиц к административной ответственности по другим административно-правовым нормам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств.

В случаях неуплаты административного штрафа в установленный законом срок (по ст. 32.2 КоАП РФ — не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки исполнения постановления) участковый уполномоченный полиции обязан составить и собрать в отношении не уплатившего штраф правонарушителя соответствующие документы для привлечения его к административной ответственности по ст. 20.25 КоАП РФ. При этом необходимо найти этого правонарушителя-должника и со всеми материалами дела доставить в суд. Как правило, административный штраф не платят лица, ведущие асоциальный, антиобщественный или криминальный образ жизни.

В итоге сотрудникам полиции приходится тратить много времени на документирование административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.8, 6.9, 20.20, 20.21 КоАП РФ, и особенно ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, которой установлена ответственность за неуплату административного штрафа. Результаты проведенного нами опроса 86 сотрудников ОВД показали, что 78 сотрудников полиции из числа опрошиваемых, составившие протокол об административном правонарушении, за которое было назначено наказание в виде административного штрафа, чтобы не тратить много времени, сами его оплачивали и прилагали чек об уплате к материалам соответствующего дела.

Таким образом, приходим к выводу о том, что участковые уполномоченные полиции на практике сталкиваются с проблемами профилактического воздействия в отношении наркозависимых правонарушителей, требующих незамедлительного разрешения, а именно:

1. Отечественным законодательством не регламентируется порядок взаимодействия участковых уполномоченных полиции с медицинскими организациями по наблюдению за больными наркоманией. В связи с этим по настоящее время отсутствует одинаковый для всех регионов России порядок применения и осуществления наблюдения в отношении лиц, нуждающихся в лечении от наркомании.

2. По настоящее время отсутствует нормативно закреплённая обязанность лиц, признанных больными наркоманией и совершивших преступление или административное правонарушение в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах, пройти лечение от наркомании. По нашему мнению, следует установить суровое административное наказание за уклонение от его прохождения.

3. Отсутствует должное наблюдение за лечением наркозависимых лиц, состоящих на учете в наркологическом учреждении. При этом, если больной наркоманией снимается с диспансерного учета в силу невозможности обеспечить его осмотр (как это бывает в большинстве случаев), то теряются основания его нахождения на профилактическом учете в органах внутренних дел, осуществляемом участковым уполномоченным полиции.

4. Во многих регионах России медицинские организации не представляют информацию в службу участковых уполномоченных полиции о находящихся на диспансерном учете больных наркоманией, ссылаясь на врачебную тайну согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». При этом медицинские работники не учитывают исключения, позволяющие представлять такие сведения.

Список литературы

1. Россия остается в тройке стран, больше всех потребляющих афганский героин. URL: <http://ref//www.fontanka.ru/2012/07/23/138/> (дата обращения: 15 окт. 2013 г.).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 29 янв. 2014 г.).
3. Состояние преступности в России за 2007-2013 гг. ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 28 янв. 2014 г.).

References

1. *Rossiya ostaetsya v troyke stran, bol'she vseh potrebyayushchikh afganskiy heroin* [Russia remains in the top three countries, all consuming more Afghan heroin]. Available at: <http://ref//www.fontanka.ru/2012/07/23/138/> (Accessed 15 October 2013).
2. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service [electronic resource]]. Available at: <http://www.gks.ru> (Accessed 29 January 2014).
3. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2007-2013 gg. GIATs MVD Rossii* [Condition crime in Russia for 2007-2013. GIAC Russian Interior Ministry]. Available at: <http://10.5.0.16/csi/> (Accessed 28 January 2014).

КУПИРОВА Ч.Ш., KUPIROVA Ch.Sh.,
chulpan27@bk.ru chulpan27@bk.ru
Кафедра уголовно-правовых дисциплин;
Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова,
428034, г. Чебоксары, Университетская, 38
Chair of criminal law disciplines;
Chuvash State University
named after I.N. Ulyanov,
Universitetskaya St. 38, Cheboksary,
428034, Russian Federation

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ: ЗАКОН И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Реферат. Введение уголовной ответственности за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним органично вписывается в общую систему государственных мер, направленных на защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Криминализация соответствующих действий обусловлена положениями Конституции РФ, Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации. Отмечается недостаточная эффективность (несмотря на рост статистических показателей) применения статьи 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. В целях единообразного применения закона необходимо уточнение минимального возраста несовершеннолетнего – потерпевшего от преступления. Требуют конкретизации условия наступления уголовной ответственности для продавца алкогольной продукции. Показана неоднозначность толкования термина «неоднократность» в тексте статьи. Аргументируется целесообразность увеличения санкций (размера штрафа) за совершение рассматриваемых преступлений. Необходимо решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции на дому и (или) через сеть Интернет. Требует доработки редакция статьи 15 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в части требований к информационной продукции, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Рассматриваются проблемы формирования доказательственной базы для привлечения виновного за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, с учетом практики толкования и применения закона.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, неоднократность, розничная продажа, алкоголь, санкции.

RETAIL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES TO MINORS: LAW AND PROBLEMS OF ITS APPLICATION

Abstract. Establishing criminal responsibility for the retail sale of alcoholic beverages to minors is an important element of the general system of government measures aimed to protect children from the factors that negatively affect their physical, intellectual, mental, spiritual and moral development. Criminalization of such actions is justified by provisions of the RF Constitution, the Federal Law "On Basic Guarantees of the Child Rights in the RF", and the Concept of the state policy to reduce alcohol abuse and prevent alcoholism among the RF population. There is insufficient efficacy (despite the increasing statistics) of the application of Article 151.1 of the RF Criminal Code, establishing criminal liability for the retail sale of alcohol to minors. To ensure uniform application of the law it is necessary to clarify the minimum age of a minor as a crime victim. The specification of the conditions of criminal responsibility for the alcohol seller is required. The ambiguity of interpretation of the term "recurrence" in the article is shown. The expediency of increasing penalties (fine amount) for committing the examined offences is argued. It is necessary to solve the question about bringing to criminal responsibility for the sale of alcohol to minors at home and through the Internet. The Article 15 of the Federal Law of December 29, 2010, N 436 "On the protection of children from information harmful to their health and development" concerning the requirements for information distributed by information and telecommunication networks requires revision. The problems of the evidence base formation are considered.

Keywords: minors, criminal responsibility, recurrence, retail sale, alcohol, penalties.

Российская Федерация есть социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в том числе нормальное физическое развитие и нравственное воспитание несовершеннолетних.

В Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»* перечислены цели государственной политики в интересах семьи, одной из которых является защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. На сегодняшний день подобных негативных факторов достаточное количество: это и пропаганда насилия в компьютерных играх, и доступность для несовершеннолетних табака, алкогольной продукции. Последнее вызывает серьезную обеспокоенность.

Алкоголизация населения, особенно молодежи, достигла критической точки, и проблема борьбы с алкоголем на современном этапе является одной из приоритетных. Так, по данным Роспотребнадзора, в России из 10 млн лиц в возрасте от 11 до 18 лет более половины регулярно употребляют спиртные напитки [1]. И чаще всего несовершеннолетние приобщаются к употреблению алкоголя по причине свободной продажи им спиртных напитков продавцами магазинов, которые игнорируют установленные законодательством запреты и возраст подростков.

Средний возраст злоупотребляющих алкогольными напитками, в основном пивом, за последние десять лет снизился с 14 до 11 лет. Согласно результатам последних социологических опросов, напитки, которые наиболее часто покупают дети в возрасте от 13 до 17 лет, — алкогольные коктейли [2, с. 15].

В целях усиления борьбы с детским алкоголизмом Федеральным законом от 21 июля 2011 г. N 253-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 151.1, предусматривающая уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной про-

дукции**. Введению данной статьи в Уголовный кодекс предшествовало принятие Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации***, ряд положений которой направлен прежде всего на защиту несовершеннолетних от пьянства и алкоголизма, а также на формирование стимулов к здоровому образу жизни. В качестве основных мер реализации данной Концепции выступают в первую очередь снижение доступности алкогольной продукции, включая пиво, путем введения ограничений ее розничной продажи по месту и времени; усиление административной ответственности за нарушения в области производства и оборота алкогольной продукции, в том числе нормативно установленных ограничений на розничную продажу алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, лицам, не достигшим определенного законом возраста, а также усиление уголовной ответственности за неоднократное совершение указанных деяний. Согласно указанной Концепции к 2020 году потребление алкоголя в России должно сократиться с нынешних 18 до 5-8 литров на человека в год.

Усиление мер ответственности за реализацию алкогольной продукции несовершеннолетним соответствует и общемировым тенденциям усиления борьбы с детским алкоголизмом, противодействия росту алкоголизации несовершеннолетних. Так, в Глобальной стратегии сокращения вредного употребления алкоголя, одобренной в мае 2010 г. 63-й сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения, обращается особое внимание на «установление

** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: федер. закон от 21 июля 2011 г. N 253-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4601.

*** О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 дек. 2009 г. N 2128-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 2. Ст. 264.

* Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 31. Ст. 3802.

соответствующего минимального возраста для приобретения или потребления алкогольных напитков и других мер политики для создания барьеров против продажи алкогольных напитков подросткам или их употребления подростками; недопущение продажи алкогольных напитков лицам в состоянии опьянения или не достигшим установленного законом возраста и рассмотрение вопроса о введении механизмов возложения ответственности на продавцов и лиц, обслуживающих клиентов, в соответствии с национальным законодательством»*.

Во многих зарубежных странах уже давно установлены подобные запреты на продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Так, в Эстонии за нарушение данного запрета грозит тюремное заключение на срок до одного года, в Швеции — на срок до 6 лет [3].

Считаем установление уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в России необходимой мерой, хотя и несколько запоздалой. В целом по России за время действия данной нормы по ст. 151.1 УК РФ возбуждено 394 уголовных дела, к уголовной ответственности привлечено 412 человек, в том числе по Приволжскому федеральному округу — 86 дел, к ответственности привлечен 81 человек, в Чувашской Республике возбуждено лишь 2 дела, к уголовной ответственности привлечено 3 человека**.

Проанализируем содержание комментируемой законодательной новеллы. Диспозиция статьи 151.1 УК РФ, на первый взгляд, достаточно проста и конкретна, однако имеется ряд вопросов, требующих дополнительного толкования.

Статья 151.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно.

Объектом данного преступления являются интересы нравственного и психо-

физиологического формирования личности несовершеннолетнего, а в качестве дополнительного объекта может выступать здоровье несовершеннолетнего.

Федеральным законом от 18 июля 2011 г. N 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона “Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе”»*** (далее — Федеральный закон N 218-ФЗ), в подп. 7 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»**** (далее — Федеральный закон N 171-ФЗ) внесены изменения, существенно расширившие понятие алкогольной продукции.

Так, с 1 июля 2012 г. под алкогольной понимается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации. Алкогольная

*** О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе»: федер. закон от 18 июля 2011 г. N 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4566.

**** О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. N 171-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 48. Ст. 4553.

* URL: http://alcddata.narod.ru/WHO_2010_GS/WHO_2010_Global_Strategy.pdf (дата обращения: 20 февр. 2014 г.).

** Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1963983/> (дата обращения: 20 февр. 2014 г.).

продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, а также слабоалкогольные коктейли.

Таким образом, действие Федерального закона N 171-ФЗ распространяется и на деятельность по производству и обороту пива и напитков, изготавливаемых на основе пива. Пиво и пивные напитки и до принятия Федерального закона N 218-ФЗ относились к алкогольной продукции, однако ограничения, установленные Федеральным законом N 171-ФЗ, на деятельность по их производству и обороту не распространялись.

Под розничной продажей алкогольной продукции применительно к анализируемой статье следует понимать реализацию алкогольной продукции юридическими лицами (организациями), независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, индивидуальными предпринимателями, физическими лицами, состоящими с указанными организациями и индивидуальными предпринимателями в трудовых отношениях и непосредственно осуществляющими отпуск алкогольной продукции покупателям по договорам розничной купли-продажи (продавцы).

В соответствии с ч. 2.1 ст. 14.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; на юридических лиц — от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

Согласно примечанию к ст. 151.1 УК РФ неоднократной признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней. Таким образом, состав преступления предполагает административную преюдицию, которая действует в течение 180 дней со дня назначения администра-

тивного наказания. Согласно же ст. 4.6 КоАП РФ данный срок составляет один год со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. На наш взгляд, в целях единообразного применения закона срок действия неоднократности необходимо привести в соответствие с административным законодательством. На этот факт обоснованно указывает А.И. Парог [4, с. 25], поскольку общественная опасность данного деяния не становится меньше, если оно совершается позже, чем через полгода. В случае вторичного нарушения запрета на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему наступит уголовная ответственность. В связи с этим из примечания к ст. 151.1 УК РФ слова «в течение ста восьмидесяти дней» следует исключить.

Моментом окончания данного преступления будет считаться момент повторной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что осуществляет розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции неоднократно и желает совершить данные действия. Важно установить следующее: виновный осознавал, что лицо, которому он продавал алкогольную продукцию, не достигло совершеннолетия. Анализ следственной практики позволяет сделать вывод о том, что при расследовании уголовных дел, возбужденных по ст. 151.1 УК РФ, неоднозначно подходят к пониманию субъективной стороны указанного состава преступления: в одних случаях исходят только из достоверного знания виновным о реальном возрасте покупателя, а в других — допускают возможность предположительного знания об этом. Полагаем, что уголовная ответственность должна наступать не только при достоверном, но и при предположительном знании субъекта о несовершеннолетии лица, вовлекаемого в преступление. Кроме того, данный подход будет соответствовать практике применения ст. 150 УК РФ.

При возникновении у продавца сомнения относительно достижения покупателем совершеннолетия продавец вправе потребовать у него документ, удостове-

ряющий личность и позволяющий точно установить возраст этого покупателя, а в случае отсутствия документа — отказаться от продажи алкогольной продукции.

В соответствии с приказом Минпромторга России от 15 апреля 2011 г. N 524 к документам, удостоверяющим личность и позволяющим установить возраст покупателя алкогольной продукции, относятся: паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, общегражданский заграничный паспорт, временное удостоверение личности гражданина Российской Федерации, паспорт моряка, дипломатический паспорт, служебный паспорт, удостоверение личности военнослужащего или военный билет гражданина Российской Федерации, паспорт иностранного гражданина, удостоверение беженца и т.д.* Следует отметить, что при установлении возраста продавец должен обращать внимание не только на год рождения, но и на число и месяц. Лицо считается достигшим момента совершеннолетия на следующий день после исполнения 18 лет.

В случае продажи продавцом алкогольной продукции по невнимательности, когда продавец, засомневавшись в возрасте покупателя, требует документ, подтверждающий возраст, и смотрит только на год рождения покупателя, оставляя без внимания число и месяц его рождения, из-за чего ошибается в возрасте несовершеннолетнего на несколько месяцев или даже дней, не исключается умысел и, следовательно, ответственность.

Субъект преступления специальный — лицо, осуществляющее розничную продажу алкогольной продукции (продавец). В соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона N 171-ФЗ им является физическое лицо, непосредственно осуществляющее отпуск алкогольной продукции несовершеннолетнему (продавец). В соответствии со ст. 492 ГК РФ продавцом по договору розничной

купли-продажи может выступать только лицо, ведущее предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу.

Должностные лица, а также индивидуальные предприниматели, которые непосредственно не осуществляли продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему, но способствовали либо подстрекали лицо, состоящее с ними в трудовых отношениях, к совершению преступления, подлежат ответственности по данной статье с применением также соответствующей части статьи 33 УК РФ.

Кроме того, как справедливо отмечает Н. Косевич, согласно ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности виновного физического лица не освобождает от административной ответственности за такое правонарушение юридическое лицо [5, с. 103].

Приведем следующий пример. Сотрудниками Управления МВД России по Ненецкому автономному округу 18 декабря 2012 г. проведена проверка в кафе-баре. В ходе проверочных мероприятий установлено, что в его деятельности допущена розничная продажа несовершеннолетней Ш. (10.10.1995 г.р.) алкогольной продукции — красного вина, о чем в присутствии законного представителя был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, в отношении виновного.

Суд правомерно посчитал, что неисполнение юридическим лицом требований действующего законодательства вследствие ненадлежащего исполнения трудовых обязанностей его работником не является обстоятельством, освобождающим само юридическое лицо от административной ответственности, а свидетельствует об отсутствии надлежащего контроля со стороны руководителя за действиями своих работников**.

Санкция статьи предусматривает за данное преступление наказание в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период

* Об утверждении Перечня документов, удостоверяющих личность и позволяющих установить возраст покупателя алкогольной продукции, которые продавец вправе потребовать в случае возникновения у него сомнения в достижении этим покупателем совершеннолетия: приказ Минпромторга Российской Федерации от 15 апр. 2011 г. N 524 // Рос. газ. 2011. 10 июня.

** Дело N А05-6/2013 // Архив Арбитражного суда Архангельской области.

до шести месяцев либо исправительных работ на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Следует отметить, что за совершение правонарушения, предусмотренного п. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, на граждан налагается административный штраф в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц – от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; на юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей. К субъектам преступления, предусмотренного статьей 151.1 УК РФ, относятся те же самые лица, предусмотренные в п. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, кроме юридических лиц. Однако в соответствии с УК РФ им может быть назначен штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, что, по нашему мнению, достаточно мало по сравнению с санкцией КоАП РФ. Поскольку УК РФ охраняет более важные общественные отношения, то и санкции за совершение преступлений должны быть более строгими, чем за совершение схожего деяния, но с меньшей общественной опасностью. В санкции ст. 151.1 УК РФ ее нижний предел не указан. В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ штраф устанавливается в размере от пяти тысяч рублей. Следовательно, минимальный размер штрафа за данное деяние – пять тысяч рублей. Суды назначают наказание в пределах минимума, что не соответствует нижнему пределу административного штрафа – тридцати тысячам рублей для граждан. Необходимо предусмотреть серьезную уголовную ответственность как для продавцов, так и для иных лиц за продажу спиртного, в том числе слабоалкогольных коктейлей, несовершеннолетним. В связи с этим считаем целесообразным увеличить нижний предел штрафа за совершение преступления, предусмотренного статьей 151.1 УК РФ, до пятидесяти тысяч рублей, а верхнего – до ста тысяч рублей.

Кроме того, имеются вопросы, требующие дополнительного рассмотрения. В частности, без внимания остался вопрос о привлечении к уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, например, на дому и (или) через сеть Интернет. Считаем целе-

сообразным дополнить ст. 151.1 УК РФ частью второй следующего содержания:

«2. Продажа несовершеннолетним алкогольной продукции с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), а также вне стационарной розничной сети,

– наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо исправительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет».

Одновременно требует доработки и ст. 15 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»*. В частности, п. 3 ст. 15 необходимо изложить в следующей редакции: «3. Содержание и художественное оформление печатных изданий, полиграфической продукции (в том числе тетрадей, дневников, обложек для книг, закладок для книг), аудиовизуальной продукции, иной информационной продукции, включая информационную продукцию, распространяемую посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, используемой в образовательном процессе, должны соответствовать требованиям статей 7-10 настоящего Федерального закона».

Введение в УК РФ данной нормы вполне логично вписывается в общую систему мер противодействия пьянству и алкоголизму. Однако установление уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним – лишь звено в этой системе мер, направленных на борьбу с алкоголизацией и последующей деградацией несовершеннолетних, целесообразность и эффективность которых будет оценена только со временем. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование не отдельного института уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, а целого комплекса соответствующих правовых норм с учетом правоприменительной практики.

* Рос. газ. 2010. 31 дек.

Список литературы

1. URL: <http://news.rambler.ru/18020069/> (дата обращения: 20 февр. 2014 г.).
2. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды? // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. N 4. С. 13-17.
3. URL: http://www.trezvpol.ru/2_4016.html (дата обращения 20 февр. 2014 г.).
4. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. N 1. С. 24-32.
5. Косевич Н. Усиление мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции как проявление государственной политики по защите несовершеннолетних // Уголовное право. 2012. N 3. С. 101-104.

References

1. Available at: <http://news.rambler.ru/18020069/> (Accessed 20 February 2014).
2. Artemenko N.V., Shimbareva N.G. *Ustanovlenie ugovnoy otvetstvennosti za prodazhu nesovershennoletnim alkogol'noy produkcii: opravdayutsya li nadezhdy?* [Institution of criminal liability for the sale of alcoholic production to minors: will the hope be justified?]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii* – Questions of juvenile justice, 2012, no. 4, pp. 13-17.
3. Available at: http://www.trezvpol.ru/2_4016.html (Accessed 20 February 2014).
4. Rarog A.I. *Zakonodatelnye ataki na ustoi ugovnogo prava* [Legislative attacks of principles of criminal law]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law, 2013, no. 1, pp. 24-32.
5. Kosevich N. *Usileniye mer po predotvrasheniyu prodazhi nesovershennoletnim alkogolnoy produkcii kak proyavleniye gosudarstvennoy politiki po zashite nesovershennoletnih* [Consolidation of measures on sale prevention of alcoholic production to minors as state policy display on protection of minors]. *Ugovnoye pravo* – Criminal Law, 2012, no. 3, pp. 101-104.

РЯБЦЕВ А.В., кандидат юридических наук, доцент, ryabtsev_alex@mail.ru Кафедра государственно-правовых дисциплин; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, г. Хабаровск, Казарменный, 15	RYABTSEV A.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, ryabtsev_alex@mail.ru Chair of state and legal disciplines; Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020, Russian Federation
ГУНИЧ С.В., sertylio@mail.ru Кафедра государственно-правовых дисциплин; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, г. Хабаровск, Казарменный, 15	GUNICH S.V., sertylio@mail.ru Chair of state and legal disciplines; Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020, Russian Federation

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Реферат. В системе обеспечения национальной безопасности ярко выраженной направленностью на нейтрализацию внутренних угроз отличаются место и роль органов внутренних дел России. Формы деятельности ОВД — внешние проявления предусмотренных законодательством способов решения возложенных на них задач, методы — это шаги, действия, предпринимаемые для их решения. Рассмотрены используемые в деятельности ОВД основные формы охраны и защиты прав и свобод, используемые правоохранительными институтами: правовые формы — правотворчество (правоустановление) и правоприменение (правоисполнение) и организационные (неправовые), обусловленные присущими им профилактическими, техническими, пропагандистскими и иными мерами воздействия. Дана характеристика основных (убеждение и принуждение) и отраслевых (меры административно-правового и меры уголовно-правового, уголовно-процессуального принуждения) методов деятельности ОВД. Обосновывается, что функционирование органов внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности, в том числе выделение форм и методов их деятельности, связанных со специализацией соответствующих структурных звеньев, требует законодательного закрепления. Необходимо учитывать, что их деятельность, в отличие от деятельности большинства других государственных органов, имеет ярко выраженный публичный характер и непосредственно связана с реализацией гражданами (их объединениями) конституционных и иных прав, исполнением соответствующих обязанностей, ограничением конституционных прав в связи с применением мер государственного принуждения. Все это делает рассматриваемый субъект механизма обеспечения национальной безопасности не только важнейшим звеном в системе его функционирования, но и своеобразным мериллом, позволяющим учитывать равенство интересов личности, общества и государства при обеспечении состояния их защищенности.

Ключевые слова: национальная безопасность, органы внутренних дел, права и свободы, личность, форма, метод, угроза, охрана, защита.

FORMS AND METHODS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES' ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Being the integral part of the system of ensuring national security, internal affairs bodies play an important role in neutralizing internal threats. The forms of the internal affairs bodies' activities are the legal ways of solving their tasks, the methods are the actions taken to solve them. The main forms of human rights and freedoms' protection used by law enforcement institutions are described: legal forms — lawmaking and law enforcement and organizational forms (non-legal), determined by their inherent preventive, technical, propagandistic and other sanctions. The characteristic of

the main (persuasion and coercion) and departmental (administrative and legal, criminal law, criminal procedure measures) methods of the internal affairs bodies' activities is given. The author proves that the functioning of the internal affairs agencies in the system of ensuring national security, including the forms and methods of their activities related to the specialization of the relevant structural units, requires legislative consolidation. It is necessary to take into consideration that their activities, unlike most other state authorities' activities, have a distinct public character. It is directly connected with the implementation of the constitutional and other rights by citizens, performing the corresponding duties, restriction of constitutional rights due to the use of state coercion measures. The author comes to the conclusion that the considered subject of the mechanism of ensuring national security is not only an important element in the system of its functioning, but also a kind of criterion allowing to take into account the equality of interests of individual, society and the state.

Keywords: national security, internal affairs bodies, rights and freedoms, individual, form, method, threat, protection.

В настоящее время одним из актуальных направлений деятельности государственного аппарата выступает обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, что находит отражение в нормативно-правовом регулировании значительного круга общественных отношений. Официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу, предполагает использование самостоятельной системы обеспечения национальной безопасности, включающей в себя определенные силы (субъекты системы) и средства (ресурсы системы)*. Ее направленность проявляется в обеспечении состояния защищенности трех основных объектов – личности, общества и государства. Причем применительно к каждому из них возможно выделение конкретного предмета, удовлетворенность в использовании которого будет выступать в качестве непосредственного показателя уровня национальной безопасности любого государства.

Усилия субъектов обеспечения национальной безопасности сосредоточиваются на противостоянии как внутренним, так и внешним угрозам. Следует отметить, что такая классификация угроз является наиболее распространенной и используется как в сфере нормативно-правового регулирования, так и в теории национальной безопасности [1, с. 90]. Несмотря на про-

исходящие глобализационные процессы и приобретение большинством угроз трансграничного характера, данная классификация имеет большое практическое значение с позиции выстраивания государственной системы обеспечения безопасности. Она позволяет рассредоточить усилия обязанных субъектов в зависимости от места нахождения и (или) государственной принадлежности источника опасности, формирующего угрозу.

В любом государстве, в том числе и в России, среди субъектов, входящих в рассматриваемую систему, можно выделить те из них, которые непосредственно обеспечивают внутреннюю безопасность, а опосредованно – внешнюю, и наоборот. Так, среди сил обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации своей направленностью внутрь ее границ выделяются органы внутренних дел. Именно на них, как представляется, возлагается основная работа по исполнению обязанностей противостояния внутренним угрозам защищаемым интересам личности, общества и государства.

В рамках данной статьи предлагается сосредоточить внимание на деятельности именно этого звена системы обеспечения национальной безопасности России применительно к возможности охраны и защиты их подразделениями такой составляющей национальной безопасности, как конституционные права и свободы человека и гражданина. Отчасти это объясняется тем, что именно человек, его права и свободы признаны высшей ценностью как отечественной правовой системой, так и нормами международного права. Особый интерес, безусловно, представляет исследование форм и методов их деятельности по исполнению столь значимой обязанности от имени и по поручению государства.

* Определения данных терминов содержатся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 20. Ст. 2444).

Отметим, что в юридическом смысле не проводится принципиального разграничения понятий форм и методов деятельности уполномоченного субъекта, и чаще они употребляются как порядковые и взаимозаменяемые. Тем не менее представляется обоснованным в качестве форм деятельности рассматривать внешнее проявление урегулированного правом способа, реализация которого в самом общем виде будет способствовать достижению поставленной цели. Метод же деятельности представляет собой совокупность шагов, действий, которые необходимо предпринять в каждом конкретном случае, чтобы решить ту или иную задачу. Таким образом, формы могут быть рассмотрены как составные части (направления) внешней деятельности органов внутренних дел, а методы – как перечень имеющихся в их распоряжении способов получения результата. В рамках исследования механизма обеспечения национальной безопасности особое значение будут иметь те из них, которые направлены на устранение препятствий для реализации человеком и гражданином признаваемых за ним прав и свобод. Удовлетворенность же такой реализацией, как уже отмечалось, будет служить одним из показателей уровня обеспечиваемого состояния защищенности.

Необходимо признать, что в деятельности органов внутренних дел в различной степени используются все основные формы охраны и защиты прав и свобод, используемые правоохранительными институтами и присущие аппарату государства в целом. Это могут быть как юридические (правовые) формы – правотворчество (правоустановление) и правоприменение (правоисполнение), так и организационные (неправовые), обусловленные присущими им профилактическими, техническими, пропагандистскими и прочими мерами воздействия. Эти формы конкретизируются и реализуются в определенных методах правообеспечительной деятельности, активно разрабатываемых наукой теории государства и права [2, с. 79-80; 3, с. 340-343]. Органы внутренних дел, осуществляя функцию по охране и защите прав и свобод человека и гражданина, выстраивают свою деятельность

в рамках форм и методов, строго определенных законом.

Правотворческая деятельность осуществляется посредством выработки, изменения, дополнения и отмены нормативных правовых актов, нацеленных главным образом на регулирование разных сторон функционирования органов внутренних дел, в том числе и регламентацию деятельности по охране и защите прав и свобод человека и гражданина. Данного рода установления правового характера в большинстве своем организуют работу конкретных подразделений, организаций и служб в рамках соблюдения законности, уважения и защиты прав и свобод личности, а также нацеливают на борьбу с преступлениями и иного рода правонарушениями, непосредственно или опосредованным образом нарушающими интересы населения.

Необходимость правотворческой деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности объясняется тем, что именно посредством принятия подзаконных нормативных правовых актов органы внутренних дел устанавливают правила реализации своих функций, которые либо непосредственно направлены на обеспечение интересов личности, либо опосредуются презумпцией их соблюдения и защиты. Основным субъектом, реализующим правотворческую функцию, выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации, на которое возложена задача по нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе и в целях повышения эффективности деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина. Для улучшения качества правотворческой работы создан и действует Экспертный совет МВД России по вопросам нормотворческой работы.

Правовой анализ принимаемых в сфере внутренних дел нормативных правовых актов показывает, что их действие может быть направлено как на совершенствование деятельности самих должностных лиц соответствующих подразделений, соблюдение профессиональной этики при осуществлении должностных полномочий, так и на упорядочение осуществления российскими гражданами и иными лицами отдельных принадлежащих им субъек-

тивных прав*. Исходя из этого рассматриваемая форма может быть разделена на внешнее и внутреннее правотворчество. К первому, например, можно отнести принятие соответствующих административных регламентов, действие которых обеспечивает реализацию гражданами принадлежащих им прав и свобод (право на обращение в государственные органы; право на государственную защиту прав и свобод и т.п.). Второму же присуще нормативное регулирование процесса обеспечения прав самих сотрудников (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; право на отдых; право на социальное обеспечение, охрану здоровья и медицинскую помощь и т.п.).

В рассматриваемом ракурсе особой значимостью выделяется и возможность органов внутренних дел участвовать в правотворческих инициативах, подготавливаемых органами государственной власти. Чаще всего это акты нормативного характера, направленные на борьбу с преступностью, охрану общественного порядка, а также затрагивающие иные сферы деятельности ОВД применительно к охране и защите прав и свобод человека и гражданина. Именно своевременное и адекватное законодательное регулирование данного рода отношений выступает необходимым атрибутом эффективного механизма обеспечения национальной безопасности, а равно — упрочения гарантий реализации прав и свобод личности во взаимоотношениях с органами государства.

Исключительной важностью в деятельности органов внутренних дел в рассматриваемой сфере обладает и следующая юридическая форма — применение

норм права. В целом можно отметить, что правоприменительная компетенция рассматриваемых органов во многом схожа с аналогичной деятельностью иных органов и служб государства. Ее в полной мере отличают общие признаки и черты, характеризующие правоприменение как процесс реализации социальных норм. Это и компетенция уполномоченного на то органа, и обязательность исполнения решения для субъектов, в отношении которых оно вынесено, и определенная процессуальными нормами последовательность совершения того или иного действия по применению нормы права, и многое другое. Юридическая форма правоприменительной деятельности обязывает должностных лиц органов внутренних дел при вынесении правоприменительного акта исходить из общих принципов законности, справедливости, целесообразности и обоснованности принимаемого в отношении конкретного человека или группы лиц решения, в том числе обеспечения в полном объеме возможности защиты присущих им прав.

Наряду с общими, применению правовых норм в деятельности органов внутренних дел свойственны и некоторые отличительные качества, обусловленные спецификой стоящих перед ними задач и, в частности, возможностью применения разнообразных принудительных мер воздействия в целях защиты человека, закона, правопорядка и иных объектов охраны. Примерами могут служить акты, выносимые должностными лицами органов внутренних дел в отношении лиц, совершивших административное правонарушение, влекущие за собой наложение административного наказания на виновное лицо (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ); составление следователем при наличии предусмотренных законом оснований протокола задержания лица по подозрению в совершении им преступления, что влечет за собой содержание под стражей на срок до 48 часов (ст.ст. 91, 92, 94 УПК РФ), и т.п.

Правоприменительная форма деятельности органов внутренних дел может носить как регулятивный, так и охранительный характер. Правоприменение регулятивного свойства направлено, в первую очередь, на разрешение разнообразных управленческо-распорядительных вопросов. Среди них можно выделить вопросы

* Подобный вывод может быть сделан на основе анализа приказа МВД России от 1 марта 2012 г. N 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (Рос. газ. 2012. 1 авг.), а также приказа МВД РФ от 3 июля 2012 г. N 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (Рос. газ. 2012. 31 авг.).

внутриорганизационной (присвоение квалификационных званий, единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения и др.) и внешнеорганизационной (осуществление государственной функции по контролю за частной детективной (сыскной) и охранной деятельностью, осуществление государственной функции по контролю и надзору за соблюдением правил регистрации и т.п.) направленности.

Охранительный характер правоприменительной деятельности органов внутренних дел может быть обнаружен при вступлении их в административно-правовые отношения с гражданами для решения вопросов, не связанных непосредственно с правонарушениями. Данный вид деятельности может быть рассмотрен в прямой зависимости по отношению к охране и защите некоторых прав и свобод личности (деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, осуществление лицензионно-разрешительной работы, государственная охрана объектов, охрана имущества граждан и организаций и пр.). Очевидно, что выносимые в подобных случаях правоприменительные акты не призваны в прямом смысле слова обеспечить защиту того или иного конституционного права. Они выступают необходимыми юридическими фактами, элементами юридических (фактических) составов, с наличием которых закон связывает претворение в жизнь самих этих прав, а равно их действительное обеспечение.

Организационные формы деятельности органов внутренних дел также непосредственным образом связаны с вынесением их должностными лицами актов применения права. Это объясняется тем, что их полномочия, как и полномочия иных органов государства, жестко регламентированы и осуществляются в строгом соответствии с законом (тем более учитывая полномочия по применению мер государственного принуждения). Несмотря на свою схожесть с юридическими, организационные формы имеют более выраженную конкретность применительно к ситуации либо объекту правового воздействия (расстановка и определение порядка использования сил и средств при проведении конкретной операции, проверка паспортного режима в местностях со сложной криминогенной об-

становкой, инспектирование нижестоящих органов и подразделений и т.п.).

Относительно обеспечения состояния защищенности прав и свобод личности организационные формы деятельности проявляются в повседневной охране и защите социальных благ, поддержании правопорядка как в общественных, так и в иных местах жизнедеятельности человека, обучении сотрудников формам и методам эффективной работы и контроле за ней. Именно данная форма обеспечивает создание безопасных и необходимых условий для беспрепятственной реализации прав и свобод человека и гражданина, а равно оперативное применение необходимых мер в случае их нарушения. Представляется, что эффективность именно этих форм в большей степени способствует функционированию системы обеспечения национальной безопасности посредством создания и поддержания режима действительного воплощения защищаемых благ. Примерами в данной области могут служить правоохранительные мероприятия по перехвату угнанного автомобиля, охрана имущества при пожаре и иных чрезвычайных происшествиях, розыск похищенных ценностей и др. Подобного рода мероприятия выступают специфическими формами гарантий конституционных прав и свобод личности, в чем, по нашему мнению, и проявляется особенность деятельности такого субъекта рассматриваемой системы, как органы внутренних дел.

В качестве особой формы, на наш взгляд, можно выделить осуществление органами внутренних дел, наряду с иными уполномоченными на то государственными органами, оперативно-розыскной деятельности. Данная форма раскрывает себя посредством осуществления гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то федеральным законом, в пределах их полномочий оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств*.

* Основу правового регулирования данной деятельности составляет Федеральный закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 21 дек. 2013 г.) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349).

Она основывается на принципах законности, уважения прав и свобод человека и гражданина и использует гласные и негласные методы и средства их защиты.

Значимой формой деятельности органов внутренних дел в рассматриваемой сфере выступает и правовое реагирование на заявления и обращения граждан и иных заинтересованных лиц. Право на обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления предусмотрено ст. 33 Конституции РФ. Данное право подтверждается корреспондирующей обязанностью государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица принять надлежащим образом оформленное обращение к своему рассмотрению и дать ответ в установленные законом сроки.

На обеспечение данного права направлены принимаемые ведомственные нормативные правовые акты, которые, как представляется, в большей степени, чем соответствующее законодательство, способствуют беспрепятственной реализации конституционно провозглашаемого права. Так, применительно к органам внутренних дел государственная услуга по рассмотрению устных и письменных обращений предоставляется как гражданам Российской Федерации, так и иностранным гражданам, лицам без гражданства и иным заинтересованным лицам, в том числе и их представителям. Детализируется и порядок обжалования, а также предусматриваются формы контроля за решениями и действиями (бездействием), принимаемыми (осуществляемыми) в ходе такой работы* [4].

Помимо рассмотренных форм, место и роль органов внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности во многом также определяется методами их деятельности, в том числе и методами правового воздействия, применяемыми для осуществления возложенных на них задач. Основными, как и в деятельности всего государственного аппарата, выступа-

ют методы убеждения и принуждения. Они призваны обеспечить законопослушный порядок осуществления прав и свобод, не нарушающий интересов не участвующих в их реализации лиц, и тем самым соблюсти своеобразный баланс интересов личности, общества и государства, что представляется немаловажным фактором в функционировании всей системы.

Первый из них можно охарактеризовать как превентивный метод, применяемый на «предзащитной стадии», когда права конкретного лица или группы лиц еще не нарушены. Он направлен не на восстановление права и заключается в несиловом воздействии на волю и сознание людей с целью побуждения их к осмысленному правомерному поведению либо самостоятельному и добровольному отказу от противоправных деяний. Тем самым может быть обеспечено строгое соблюдение нормативных актов, а равно состояние ненарушаемости основных прав и свобод, к чему, собственно, и сводится функционирование системы безопасности. Такое воздействие выражается в морально-нравственном и правовом воспитании, проведении пропагандистской работы, массовом информировании населения, материальном поощрении правомерного поведения и пр.

Наряду с убеждением, в деятельности органов внутренних дел широко используется и метод принуждения, наиболее свойственный им как силовому элементу в структуре государства. Его можно отнести к специфическим способам воздействия на правонарушителя, допускающим в установленных законом случаях применение должностными лицами ОВД огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы для отстаивания прав граждан. Именно в этой ярко выраженной карательной окраске данного способа воздействия усматривается специфика метода принуждения в сравнении с применением его иными органами управления. Однако при всей своей кажущейся жесткости здесь не ставится цель причинения человеку, хотя и преступившему закон, физических или нравственных страданий, ущемления в связи с содеянным его прав и свобод, унижения его достоинства. Основное предназначение — обеспечить защиту правопорядка, а равно непосред-

* В данном случае выделяется своей значимостью приказ МВД России от 12 сент. 2013 г. N 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», раскрывающий соответствующие конституционные и законодательные положения.

твенно или опосредованно — объектов национальной безопасности.

Методы государственного принуждения, используемые в деятельности органов внутренних дел, в полной мере можно подразделить на две большие группы — меры административно-правового и меры уголовно-правового (уголовно-процессуального) принуждения [2; 5]. Каждая из этих групп включает предупредительные меры (проверка документов, вхождение в жилые помещения граждан и нежилые строения и их осмотр), меры пресечения (административное задержание, отобрание подписки о невыезде и надлежащем поведении), меры взыскания или процессуального принуждения (штраф, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым). Названные меры реализуются обычно посредством правоприменения, подкрепляемого при необходимости действиями организационного характера, в том числе силовыми способами и средствами. Как правило, все они направлены на защиту уже нарушенных или подвергаемых опасности прав граждан либо имеют подчиненное (косвенное) назначение для обеспечения реализации последующих мер охраны и защиты.

В целом возложение на органы внутренних дел функций по охране и защите конституционных прав и свобод человека и гражданина представляется обоснованным, так как именно они чаще любых других государственных структур оказываются в ситуациях, когда кому-либо требуется помощь; из всех публичных служб находятся в наибольшем контакте с населением вследствие очень широкой компетенции и круглосуточного характера работы; имеют большие возможности в области информации, связи и транспорта; могут быть быстро мобилизованы; воспринимаются значительной частью населения как основная правозащитная и правоохранительная организация.

В свою очередь, характер взаимоотношений между территориальными органами МВД и населением представляет собой своеобразный «индикатор» социально-политической атмосферы в стране. Дело в том, что названные органы с их сложившейся правоохранительной многофункциональностью, большим по численности контингентом, силовой оснащенностью олицетворяют в обыденном сознании

человека правовой порядок, безопасность общества и его членов, а также являются весьма «осязаемым» инструментом государственной власти, показателем ее реального отношения к человеку и закону. Малорезультативная деятельность органов внутренних дел воспринимается гражданами с возмущением, нередко с распространением недовольства на все государство. Именно поэтому определение места и значения органов внутренних дел, совершенствование их роли в механизме обеспечения национальной безопасности — важная задача юридической науки.

Таким образом, можно отметить, что органы внутренних дел обладают полным набором форм и методов, позволяющих им в должной степени сформировать качество оказываемых правоохранительных услуг с учетом необходимости обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Их реализация зависит от характера выполняемых в конкретный период времени задач и должна протекать под контролем общественности. Сама же деятельность должна осуществляться в строгом соответствии с требованиями нормативных правовых актов и во взаимодействии с иными органами и должностными лицами правоохранительной системы государства.

Функционирование органов внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности, в том числе выделение форм и методов их деятельности, связанных со специализацией соответствующих структурных звеньев, требует законодательного закрепления. Здесь необходимо учитывать, что их деятельность, в отличие от большинства других государственных органов, имеет ярко выраженный публичный характер и непосредственно связана с реализацией гражданами (их объединениями) конституционных и иных прав, исполнением соответствующих обязанностей, ограничением конституционных прав в связи с применением мер государственного принуждения. Все это делает рассматриваемый субъект механизма обеспечения национальной безопасности не только важнейшим звеном в системе его функционирования, но и своеобразным мериллом, позволяющим учитывать равенство интересов личности, общества и государства при обеспечении состояния их защищенности.

Список литературы

1. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. 2-е изд. М., 2005. 344 с.
2. Комаров С.А. Общая теория государства и права: курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. 316 с.
3. Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. 450 с.
4. URL: <http://mvd.ru/upload/site1/707instr.doc> (дата обращения: 4 марта 2014 г.).
5. Дихтиевский П.В. Теоретические проблемы определения административно-правового принуждения в сфере обеспечения личной безопасности // Журнал российского права. 2004. N 11. С. 9-15.

References

1. *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti* [General theory of national safety]. Moscow, 2005. 344 p.
2. Komarov S.A. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory state and law]. Moscow, 1995. 316 p.
3. *Teoriya prava i gosudarstva* [State and law theory]. Moscow, 1996. 450 p.
4. Available at: <http://mvd.ru/upload/site1/707instr.doc> (Accessed 4 March 2014).
5. Dikhtiyevskiy P.V. *Teoreticheskiye problemy opredeleniya administrativno-pravovogo prinuzhdeniya v sfere obespecheniya lichnoy bezopasnosti* [Theoretical problems of the determination administrative-legal enforcement in sphere of the provision to personal safety]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Of the Russian law Journal, 2004, no. 11, pp. 9-15.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

КОСТИНА Л.Н.,
доктор психологических наук, доцент,
Kostin62@mail.ru
Кафедра уголовного права,
криминологии и психологии;
Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
302027, г. Орел, Игнатова, 2

KOSTINA L.N.,
Doctor of Psychological Sciences,
associate professor,
Kostin62@mail.ru
Chair of criminal law, criminology
and psychology;
Orel Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
Ignatova St. 2, Orel, 302027,
Russian Federation

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ И СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Реферат. Представлены результаты проведенных автором комплексных психолого-криминалистических экспертиз в виде выявленных типовых особенностей таких групп: история возникновения преступных групп; общие психологические особенности представителей преступных групп; развитие преступных групп и расширение границ преступной деятельности; процесс интеграции в группу новых лиц, дифференциация ролей соучастников; межличностные отношения представителей преступных групп; специфическая психология группы, определяемая групповой преступной деятельностью (внутригрупповые нормы). Предлагается структура изучения психологических особенностей преступной группы: состав группы и его стабильность; причины объединения в группу; групповые цели, мотивы и ценности; внутригрупповые нормы поведения; наличие преступного опыта у членов группы; межличностные отношения в группе; психологическая структура группы; функциональная структура группы; уровень группового развития и сплоченности группы. Дается характеристика направлений использования психологической информации о группе: оформление поручений оперуполномоченным, запросов должностным лицам, назначение судебно-психологической (комплексной судебно-психолого-криминалистической) экспертизы; ведение допроса подозреваемых и иных лиц; наблюдение за поведением подозреваемых во время допроса, на очной ставке, при проверке показаний на месте, проведении других следственных действий. Резюмируется, что адекватным противопоставлением групповой преступности в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических средств должно стать взаимодействие следователя с психологом, объединение их профессионального и практического опыта. Деятельность эксперта имеет не только прикладной характер, но и представляет научный интерес, поскольку получаемая информация расширяет представления об особенностях современных преступных групп. Раскрытые психологические особенности таких групп необходимо учитывать при планировании расследования подобных уголовных дел.

Ключевые слова: психологические знания, следователь, эксперт-психолог, судебно-психологическая экспертиза, преступная группа, раскрытие и расследование групповых преступлений, незаконное изготовление и сбыт наркотических средств.

WAYS OF USING PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF GROUP CRIMES, COMMITTED IN THE SPHERE OF ILLEGAL MANUFACTURE AND SALE OF NARCOTICS

Abstract. The article presents the results of the author's complex psychological and forensic examinations in which typical features of criminal groups are identified: the history of criminal groups; psychological characteristics of criminal groups representatives; development of criminal groups and expanding the boundaries of criminal activity; differentiation of accomplices' roles; interpersonal relationships in criminal groups; specific group's psychology defined by criminal activity. The structure of the study of the psychological characteristics of criminal groups is proposed: the group and its stability; reasons for the grouping; group goals, motives and values; group's norms of behavior; criminal

experience of the group members; interpersonal relationships within the group; psychological structure of the group; functional structure of the group; the level of group's development and cohesion. The characteristic of using the psychological information about the group is given: registration of orders to detectives, requests to officials; assignment of forensic and psychological (complex forensic, psychological and criminalistic) examination; interrogation of suspects and other persons; observation of the suspects' behavior during interrogation, confrontation, checking testimony on site, conducting other investigative actions. It is presumed that adequate opposition to the group crime in the sphere of illegal manufacturing and sale of drugs should be the interaction of the investigator with a psychologist, combining their professional and practical experience. Expert's activity has not only applied nature, but also the scientific interest because the information obtained extends the knowledge about the features of modern criminal groups. Psychological characteristics of these groups should be considered when planning to investigate such criminal cases.

Keywords: psychological knowledge, investigator, expert psychologist, forensic psychological examination, criminal group, detection and investigation of group crimes, illegal manufacture and sale of narcotics.

Противодействие со стороны преступных групп расследованию является естественной защитной реакцией соучастников преступлений. Ответным противодействием может быть лишь высокий уровень профессионализма и уверенность следователя в том, что преступление все равно будет раскрыто. Усилению такого противодействия со стороны следователя способствует применение специальных знаний, которые составляют неотъемлемую и очень важную часть практической деятельности следователя по собиранию, проверке и оценке доказательств. Следователю, оперуполномоченному сотруднику, эксперту- и специалисту-психологу нужны не просто специальные психологические знания, а совокупность профессиональных и психологических знаний, навыков и умений, которые способствуют расширению практических возможностей полного, объективного и всестороннего установления всех обстоятельств расследуемого дела о групповом преступлении, повышают эффективность следственных действий, делают их более целенаправленными, а также улучшают качество полученных фактических данных.

Если говорить о психологическом обеспечении расследования групповых преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств, то роль психолога (как эксперта, специалиста, консультанта) возрастает, т.к. специальные психологические познания способствуют получению ответов на закономерные вопросы следователя: Какова степень организованности преступной группы? Имеются ли признаки, которые указывают на

устойчивость и сплоченность преступной группы? Какова степень влияния преступной группы на отдельного ее участника? Каков характер взаимоотношений между членами группы? Имеются ли в группе наиболее активные члены, лидер? Каковы психологические причины изменения показаний и пр.? [1, с. 279] На эти и другие вопросы могут ответить специалисты, владеющие специальными психологическими знаниями, техниками и технологиями, имеющие соответствующее образование, обладающие высоким уровнем компетентности, профессионализма, способные проводить психологическую и судебно-психологическую экспертизу, давать психологические консультации, участвовать в процессе расследования преступлений в качестве специалиста и пр. Высокие требования предъявляются к профессиональной подготовленности эксперта и специалиста, в которой сочетаются психологическая и юридическая составляющие. Эти психологи должны не только обладать знаниями и владеть психологическими техниками и технологиями в области общей, социальной, юридической психологии (в зависимости от проблем, которые предстоит решать в совместной деятельности со следователем и оперативным сотрудником), но и знать специфические условия предварительного следствия по делам о групповых преступлениях.

В настоящее время необходимость сотрудничества следователя с психологом приобретает особую значимость. Это обусловлено требованиями, предъявляемыми к повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений в

сфере незаконного оборота наркотических средств. Несмотря на то, что психологические знания, техники и технологии выполняют вспомогательную и обслуживающую функцию в решении оперативно-розыскных и следственных задач, в ряде случаев помощь психолога является главным фактором, определяющим успех в раскрытии преступлений. При этом следует подчеркнуть, что развитие прикладных научных исследований в юридической психологии расширяет возможности использования следователем психологических знаний в практике расследования групповых преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Полагаем, что взаимодействие следователя, оперативного сотрудника и психолога способствует не только совершенствованию профессионализма каждого субъекта взаимодействия, но и мастерству практического применения психологических знаний, навыков и умений, психотехнологий за счет совместной работы. Такое сотрудничество полезно и следователю, и оперативному сотруднику, и психологу, а в результате совместной деятельности повышается эффективность расследования групповых преступлений в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических средств.

Проведение судебно-психологической и комплексной экспертиз является основным подвидом деятельности юридического психолога. От результатов судебно-психологической экспертизы порой зависят характер и содержание принимаемого полномочным лицом решения, характер и объем ответственности. Психолог-эксперт несет правовую ответственность за научность и объективность проведенного исследования, интерпретацию полученных данных и представленное заключение [2, с. 29]. По мнению О.Д. Ситковской, компетенция эксперта-психолога «...столь же разнообразна, как сама жизнь, — это любые вопросы психологического содержания, значимые для справедливого и правильного разрешения уголовного дела» [3, с. 119]. Эксперт-психолог кроме проведения экспертиз выполняет традиционные для юридических психологов функции консультанта — разъяснение экспертного заключения в форме беседы,

оценку уже проведенной другим лицом психологической экспертизы [4, с. 519]. В данном случае деятельность эксперта в качестве консультанта имеет внепроцессуальный характер.

Практика расследования групповых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств показывает, что психолог в своей работе не ограничивается экспертизой, а сочетает ее с консультативной работой. Как правило, экспертно-консультативное направление сводится к следующим видам деятельности: 1) проведению судебно-психологической экспертизы или участию в судебной психолого-криминалистической экспертизе; 2) разъяснению экспертного заключения в форме беседы; 3) оценке уже проведенной другим лицом психологической экспертизы.

Остановимся более подробно на деятельности психолога в качестве эксперта. В большинстве случаев преступления, совершаемые в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических средств, носят групповой характер. Это объясняется сложностью преступной деятельности, для осуществления которой требуются усилия нескольких лиц, необходимостью согласования отдельных преступных действий. Степень организованности подобных преступных групп различна. Поэтому деятельность автора в качестве эксперта-психолога (совместно с криминалистом) по уголовным делам данной категории сводится к исследованию признаков преступных групп — сплоченности и организованности. Психолого-криминалистическое исследование включает применение основных методов: анализа материалов уголовного дела, психологического анализа и контент-анализа телефонных переговоров подозреваемых (обвиняемых) в совершении групповых преступлений, метода формализации и измерения различных характеристик преступных групп на основе социально-психологического анализа результатов групповой преступной деятельности, фиксируемых в материалах уголовного дела [5, с. 135-177].

Результаты комплексных психолого-криминалистических экспертиз показывают, что преступные группы, совершившие преступления в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических средств, отличаются следующими особенностями:

1. История возникновения таких преступных групп строится на основе: а) вовлечения ранее судимых; б) употребления (в том числе совместного) наркотических средств (или зависимости от их употребления); в) длительных знакомств, обусловленных проживанием по соседству, совместной учебой или работой; г) дружбой (включая длительную). Причем восстановление связей и межличностных отношений представителей таких преступных групп происходит в определенном возрасте – 30-40 лет, который считается в возрастной психологии «кризисом среднего возраста» [6, с. 25]. Из анализа материалов уголовных дел следует, что этот возрастной кризис для каждого обвиняемого протекал бурно, с затянувшимися и нерешенными (или неудовлетворительно разрешенными) конфликтами. Неоднократные (а у некоторых – постоянные) конфликты с законом и социально полезной деятельностью, семейные конфликты, конфликты в интимно-личностных отношениях с лицами противоположного пола, внутриличностные конфликты негативным образом сказывались на развитии личности представителей таких преступных групп. Считаем, что одним из способов или попыткой разрешения личностных кризисов и конфликтов становится совместное употребление или изготовление наркотических средств и объединение в преступную группу для того, чтобы их употреблять и сбывать.

2. Общие психологические особенности представителей преступных групп. Психологический анализ материалов уголовных дел и телефонных разговоров представителей преступных групп с покупателями наркотических средств показывает, что их объединяют:

а) корыстолюбивые интересы и желания (получение денег от покупателей наркотика для покупки очередной партии ингредиентов и (или) изготовления наркотических средств), жажда наживы как один из способов разрешения возникающих психосоциальных проблем [7, с. 362];

б) доминирующее свойство личности – пристрастие к наркотикам и удовлетворение от их употребления, а также чувство самосострадания и эгоизма. На это указывают фразы: «они болеют, дай им один вес», «войди в их положение», «мы там прямо сделали, по идее, должны были

умереть», «плохо себя чувствую» и пр. Как показывают результаты анализа материалов уголовных дел, употребление наркотиков приводит представителей преступных групп к тому, что периодически происходит определенный сдвиг в физическом и психическом самочувствии, что способствует формированию навыка употребления наркотических средств. Подтверждением этому служат ярко проявляющиеся черты личности, такие как самосострадание, эгоизм («не могу больше, сдохну», «жду тебя, а то умру», «движняк у тебя там?»), о которых упоминается в научных исследованиях по проблемам преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [8, с. 219]. Следствием этого являются перепады настроения и взаимоотношений между представителями этой группы, проявляющиеся в телефонных разговорах, – от партнерских и дружеских до агрессивных и конфликтных («все, родной», «друг, рад тебя слышать», «давай, родной, обнял» и пр., «ты что спишь, ты, ты... проблем не мне создаешь» и т.п.);

в) праздный образ жизни как характерная черта для употребляющих наркотические средства, в результате чего прием наркотических средств (и, как правило, алкоголя) переходит постепенно в навык, обычай в группе, способ времяпрепровождения [9, с. 51].

В психологическом механизме групповой преступной деятельности логически связываются воедино потребности, мотивы, цель, способ и результат групповых преступных действий. Принятие представителями групп преступной цели становится центральным звеном механизма формирования и развития преступной группы. Общая цель и намерения возникают у членов группы вследствие групповой приемлемости преступного способа, направленного на удовлетворение вышеупомянутых потребностей и мотивов (у одних – наживы за счет сбыта наркотических средств и употребления наркотиков, а у других – изготовления и употребления наркотиков), а также разрешения проблемной ситуации (поиска новых покупателей наркотических средств и лиц, употребляющих наркотические средства). Наличие у обвиняемых общей преступной цели способствует превращению преступной группы в

единое целое, своеобразный механизм, который четко и слаженно занимается изготовлением и сбытом наркотических средств. Сознательное (корыстолюбивое) и бессознательное (наркоманийное) подчинение обвиняемых общей преступной цели становится основной чертой таких преступных групп. А совместное преступное деятельное участие обвиняемых в изготовлении и сбыте наркотических средств становится «двигателем», который обеспечивает функционирование и развитие преступной группы.

3. Развитие преступных групп и расширение границ преступной деятельности происходит, как правило, посредством:

а) накопления преступных навыков при помощи заранее проверенных на эффективность и неоднократно выполненных многоступенчатых, алгоритмичных и взаимозависимых действий: сбора денег с потребителей наркотических средств; непосредственного денежного расчета или перевода денег на банковский счет; поездок для приобретения наркотических средств или ингредиентов и приспособлений для изготовления наркотических средств; приобретения и распространения наркотических средств зависимым потребителям и (или) заказчику и пр.;

б) получения прибыли от преступной деятельности представителями группы, что служит материальным (корыстным) стимулом для выполнения совместной преступной деятельности;

в) вовлечения в преступную деятельность знакомых людей, родственников или друзей, ранее судимых, лиц, употребляющих наркотические средства. Отметим, что характерное для данных преступных групп систематическое обновление ее членов (состава) за счет наркозависимых лиц является одной из черт современных преступных групп [7, с. 111];

г) постоянных непосредственных и опосредованных (при помощи телефонов) деловых контактов друг с другом и с наркозависимыми лицами, что придает совместной преступной деятельности мобильность, гибкость, оперативность и скоординированность в выполнении совместной преступной деятельности и отдельных действий;

д) управления преступной группой и деятельностью, которое проявляется в

осуществлении основных функций: планирования, организации (что, где, когда, кто, сколько, кому), контроля за деятельностью каждого представителя и группы в целом, мотивации отдельных членов группы;

е) усиления информационной, технической и технологической оснащенности процесса изготовления и сбыта наркотических средств. Составляющими самостоятельного информационно-оперативного обеспечения выступают сбор денег на изготовление и приобретение наркотических средств, переводы на банковский счет, звонки по мобильному телефону и пр. Техническое оснащение преступной деятельности проявляется в использовании автомобилей для поездок, покупки и продажи потребителям наркотических средств, открытии и использовании банковского счета как средства взаимодействия и перевода денежных средств на банковский счет. Технологическое обеспечение заключается в покупке ингредиентов и оборудования, выборе места для изготовления и последующем изготовлении наркотических средств;

ж) безнаказанности за изготовление, незаконный сбыт и употребление наркотических средств, осознания возможности избежать уголовной ответственности за содеянное, что способствует формированию стойкой антиобщественной направленности отдельных ее участников и группы в целом.

4. Характерный для групп вообще и преступных в частности процесс интеграции за счет целенаправленного поиска и вовлечения знакомых, судимых наркозависимых лиц усиливается еще одним элементом организованности — дифференциацией соучастников. В результате члены группы получают специализацию, благодаря чему формируется функциональная и психологическая структура, т.к. для обеспечения эффективности совместной преступной деятельности требуется от каждого участника группы четкость выполнения собственной роли. В группах по сбыту наркотических средств, как правило, одни перевозят, другие хранят наркотические средства, третьи вовлекают наркозависимых лиц и обеспечивают сбыт наркотических средств. Встречаются и смешанные роли, а в некоторых случаях — взаимозаменяемость.

Изготовителей синтетических средств можно разделить на две подгруппы: прямые и второстепенные изготовители. Опыт работы автора как эксперта показывает, что в качестве первых выступают лица, сведущие в области химии, которые и осуществляют наиболее сложные («профессиональные») стадии органического синтеза. Второстепенными изготовителями становятся лица, которые выполняют неквалифицированные («непрофессиональные») действия: производят мытье химической посуды, взвешивают химические реактивы, производят соответствующие расчеты и т.п. Изготовители могут поровну разделить полученное ими наркотическое средство и сами выступать в роли сбытчиков, продавая его своим знакомым, но чаще нанимают сбытчиков. Сбытчики формируют свои каналы сбыта, ищут покупателей, как правило, из числа знакомых («проверенных») людей. Техническим оснащением процесса изготовления занимаются члены группы, которые используют собственные транспортные средства (или транспортные средства своих знакомых или клиентов, употребляющих наркотические средства). В такой преступной группе может иметь место распределение ролей, когда одни предоставляют помещение для изготовления наркотического средства, другие приобретают химические реактивы, посуду, третьи синтезируют наркотические средства, четвертые занимаются его хранением и (или) реализацией. Если роли в группе не распределены, то члены группы выполняют одновременно функции «водителя», «снабженца» химическими веществами, осуществляют органический синтез (производят наркотик) и сбывают его знакомым клиентам.

В одних преступных группах четко выделяется строгая иерархия, имеется лидер, роль которого сводится к обеспечению согласованности действий всех участников преступной группы. Лидер, как правило, имеет связи с поставщиками наркотиков или ингредиентов для их изготовления, обладает навыками своеобразного «криминального логиста» (авторский термин), который сознательно и рационально управляет группой, планирует и контролирует движение финансовых, информационных и материальных ресурсов и наркотических средств, а так-

же техническое обеспечение перевоза и доставки наркотических средств. Причем такая «логистика» может осуществляться только по телефону (без непосредственного общения с другими представителями преступной группы). Благодаря такому лидеру и другим представителям группы, использованию морального и материального стимулирования, подкрепления при помощи дозы наркотического средства, постоянных упражнений отдельных и совместных действий накапливается и совершенствуется групповой преступный опыт в сфере изготовления и сбыта наркотических средств.

Об этом свидетельствуют: а) соблюдение правил конспирации; б) особенности и характер взаимодействия при совершении преступлений (планирование и организация изготовления и сбыта наркотических средств); в) оптимальное распределение ролей при подготовке и совершении преступлений: изготовление, перевозка, хранение, сбыт наркотиков, поиск и вовлечение наркозависимых людей; г) поиск поставщиков, потребителей и сбытчиков наркотиков; д) формирование, закрепление и совершенствование в совместной преступной деятельности определенных преступных навыков (изготовление наркотиков в малоприспособленных условиях и помещениях, совместное разбавление героина сахарной пудрой, фасовка наркотических средств и пр.); е) совместное употребление наркотиков и др.

В других преступных группах нет явного лидера. Согласно принятой в юридической психологии типологии преступных групп в зависимости от уровня их криминализации и организованности такая преступная группа является простой организованной группой [10, с. 139]. Несмотря на организующие и контролирующие функции со стороны отдельных членов таких преступных групп, которые обеспечивают выполнение совместной преступной деятельности, для данной преступной группы не характерны высокая организованность и сплоченность. Это объясняется следующим: 1) простотой структуры преступной группы, отсутствием четко выраженного лидера и строгой соподчиненности в группе; 2) отсутствием тщательно спланированного преступления;

3) слабой согласованностью преступных действий; 4) незначительным временным промежутком существования преступной группы.

5. Межличностные отношения представителей преступных групп, о которых можно судить по телефонным переговорам, также обладают своей спецификой. Психолого-криминалистический анализ телефонных диалогов показывает, что в непосредственном общении обвиняемые обсуждают как вопросы подготовки, реализации отдельных преступных действий, так и возникающие актуальные задачи и проблемы (где взять деньги для приобретения очередной партии наркотиков, на каком автомобиле доехать до определенного места, как и в какое время тайно перевезти наркотики и пр.). Используемые слова и фразы имеют отношение к подготовке и осуществлению следующих преступных действий:

1) поиск необходимых денежных средств и их передача при помощи перевода («налички все равно нет», «ты найдешь бабло», «пусть "лавэ" переводит», «восьмерку переведите», «восьмерку сейчас послать», «бабло пришлет», «я отправил денежки», «пока банки не закрылись», «пару соточек заряжу» и т.п.);

2) подготовка и сбор необходимых для изготовления ингредиентов и оборудования («лакмус», «мерные стаканы», «аптека», «щелочь», «фольга "Саянская"», «нужен эфир, спроси в аптеке», «в пластиковой канистре грамм 180 прозрачной жидкости, а также есть уксусная и серная кислота» и пр.);

3) подготовка к изготовлению амфетамина («нормально ночью все это сделать», «справимся без него» и пр.);

4) согласование и выполнение совместных преступных действий («с утра состыковывайтесь, грузитесь и едите», «нам сюда надо», «рассчитывайте, чтобы были в 11 часов», «там 38, пусть эту трешку отдельно завернет», «забрал, на ощупь порошок... домой приедем и взвесим» и т.п.).

Контент-анализ стенограмм телефонных разговоров показывает, что устная речь обвиняемых отличается наличием слов-«профессионализмов», т.е. наркоманического жаргона, используемого обвиняемыми не только для подчеркивания

принадлежности к определенной группе, но и для конспирации [10, с. 168-170]. Ряд авторов называют такой язык «наркотическим арго», отмечая его своеобразие и характерность для общения людей, имеющих отношение к сбыту, распространению, приобретению и употреблению наркотиков. Более того, отмечается, что язык наркоманов и наркоторговцев изучен и описан недостаточно полно: число жаргонизмов постоянно растет, быстро пополняется новыми лексическими единицами [11, с. 4].

Результаты анализа разговоров обвиняемых в групповых преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств показывают: используемые слова и фразы о наркотических средствах и их количествах («аптека», «децл», «белый», «беленький», «кайф», «диски», «камень», «10 грамм», «двадцать», «полтора») и др. связаны с передачей на банковский счет денег или оплаты наличными денежными средствами («отправил денежки», «в банк кинут деньги»), покупкой их и стоимостью наркотика («фанера», «двадцать тысяч», «двадцатка», «они налом привезут») и со следствием употребления наркотических средств («Я давал ему пробовать, его поменяло так здорово», «штырит», «болею, блин», «передоз», «замутить» и пр. Кроме того, диалоги, носящие деловой и корыстно-деловой характер, отличаются от эмоциональных диалогов элементами конспирации в виде жаргонных слов, кличек, скрытого смыслового содержания, которое известно общающимся.

Указанные отличительные признаки межличностных контактов представителей преступных групп говорят, во-первых, о партнерско-деловом характере отношений. Эмоциональные отношения между участниками преступной группы перерастают в деловые, функциональные отношения благодаря успешной групповой преступной деятельности, что является одной из основных закономерностей развития преступных групп [12, с. 349].

Во-вторых, они направлены на решение основной преступной цели — изготовление и сбыт или приобретение и сбыт наркотических средств.

В-третьих, намеренная недосказанность свидетельствует о наличии договоренности, согласно которой они обсуждают детали совместных преступных деяний,

стараятся понять друг друга, смысл выполняемых действий и получить согласие на осуществление взаимодействия, встреч или отдельных последовательных преступных действий, договариваются о месте и времени этой встречи. Порядок действий обговаривается, а выполнение их контролируется по телефону.

В-четвертых, жаргонный характер языка и кодирование («грузики», «маленькие пришли», «передачку получили?», «груз в два раза больше» и т.п.) указывают на противопоставление законопослушным гражданам и противодействие правоохранительным органам. Осознавая противоправный характер своей деятельности, обвиняемые пытаются засекретить свои деяния путем конспирации («никаких хвостов», «я с парнишей зайду, не волнуйся», «они не нужны, тогда один зайду», «ты с кем? Один?»), «отъедь и подожди меня, встретимся у аптеки», «это не телефонный разговор»). Это позволяет обеспечить закрытость преступной группы для законопослушного общества и эффективность совместной преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств.

б. Осуществляемая групповая преступная деятельность определяет специфическую психологию группы (настроения, групповые традиции, групповые нормы). Экспертные исследования позволили выделить следующие типичные общие групповые нормы и традиции для таких преступных групп: а) определенный уровень конспирации (встреч, общения и взаимодействия, места изготовления или купли-продажи наркотического средства), благодаря чему совершаемые преступления носят латентный характер и о криминальной жизнедеятельности осведомлен, как правило, узкий круг преступников; б) структура связи и способ передачи информации между собой, позволяющие не только организовать по заранее установленным правилам изготовление и (или) сбыт наркотиков, но и исключить контакты с «чужими», незнакомыми людьми; в) целенаправленный поиск и вовлечение в преступную деятельность наркозависимых лиц; г) определение условных мест встречи, где производились изготовление и (или) купля-продажа наркотиков; д) сбыт наркотических средств

по установленной цене в возрастающей последовательности, позволяющий одним обвиняемым зарабатывать на сбыте наркотических средств, другим (наркозависимым обвиняемым) — «подторговывать» на очередную дозу; е) совместное употребление наркотиков и, как правило, алкоголя.

Как уже отмечалось, психолог не только проводит экспертные исследования, но и выступает в качестве консультанта. Этот вид деятельности назван экспертно-консультативным и включает: 1) проведение судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз; 2) разъяснение экспертного заключения в форме беседы; 3) оценку уже проведенной другим лицом психологической экспертизы.

Второе направление деятельности психолога представлено в психологическом консультировании следователя по конкретным вопросам, ведущим к принятию определенных правовых решений: 1) оказание помощи следователю при формулировании вопросов, которые он ставит на разрешение эксперта; 2) определение характера и объема материалов, которые необходимо предоставить эксперту для исследования; 3) анализ заключения психолога в форме документа «мнение специалиста». Полагаем, что этот перечень можно расширить консультацией, в которую включаются рекомендации.

Как показывает анализ материалов уголовных дел, следователи в ходе допросов не выясняют в полном объеме основные психологические и криминалистические характеристики преступной группы. Тем не менее наша позиция в данном вопросе такова: следователь должен на этапе предварительного следствия стремиться получить полное представление об особенностях преступной группы.

Для этого необходимо готовить и формулировать соответствующие вопросы подозреваемым, готовить оперуполномоченным сотрудникам конкретизированные поручения так, чтобы они были непосредственно направлены на выяснение основных характеристик преступной группы. Для систематизации такой работы рекомендуем воспользоваться примерной структурой изучения психологии преступной группы.

Примерная структура изучения психологических особенностей преступной группы

1. *Состав группы и его стабильность* (количество лиц, их пол, возраст, род занятия каждого члена группы, степень знакомства, родства между ними, наличие ранее судимых).

2. *Причины объединения в группу* (личная симпатия, общие интересы, совместное проведение досуга, употребление или зависимость от наркотических средств, психологическая зависимость, невозможность совершить преступление в одиночку и пр.). *Продолжительность знакомства представителей группы. История преступной группы* (обстоятельства и причины возникновения преступной группы, объединения вокруг лица (лиц), имеющего (-их) криминальный опыт, включая опыт изготовления или сбыта наркотических средств, развитие группы во времени).

3. *Групповые цели, мотивы и ценности* (пристрастие к наркотикам и удовлетворение от их употребления, общность корыстолюбивых интересов и ценностей, стремление к праздности и наживе противоправным путем и пр.).

4. *Имеющиеся в группе нормы, традиции, правила поведения* (совместное проведение досуга, употребление токсических, наркотических средств, спиртных напитков, поддержка друг друга и пр.), санкции за их неисполнение; *механизмы воздействия на членов группы* (подражание, внушение, идентификация, конформизм, групповое давление и пр.).

5. *Наличие преступного и группового преступного опыта у членов группы*, особенности и характер взаимодействия при совершении групповых преступлений (планирование преступления, оптимальное распределение ролей при подготовке и совершении преступлений, специальные преступные навыки; совершение преступления квалифицированным способом; организованное изготовление и сбыт наркотического средства; умелость в противодействии раскрытию и расследованию преступления и пр.).

6. *Система и характер сложившихся межличностных отношений* в группе: строятся на эмоциональных связях (симпатии/антипатии, эмоциональные взрывы, сострадание) и (или) на деловой основе, опосредованы

совместными преступлениями. Возникают ли в группе противоречия, конфликты, соперничество (по поводу чего, между какими членами группы).

7. *Психологическая структура группы*: наличие ситуативного или постоянного лидера, ядра группы; активных, ведомых членов группы.

8. *Функциональная структура группы*: распределение ролей и функции членов группы. *Изменение функций* в случае смены состава при многоэпизодных преступлениях.

9. *Уровень группового развития и сплоченности группы*: средний — для простой организованной группы; высокий — для устойчивой, организованной группы.

Данную структуру рекомендуется использовать следователям по направлениям: 1) для оформления поручений оперуполномоченным сотрудникам, запросов должностным лицам на обработку характеристики преступной группы, а также назначений судебно-психологической экспертизы или комплексной судебно-психолого-криминалистической экспертизы; 2) для сбора, анализа и обобщения психологической информации о преступной группе при допросе подозреваемых и сведущих лиц; 3) как основу для наблюдения следователем за поведением подозреваемых во время допроса, взаимоотношениями подозреваемых на очной ставке, при проверке показаний на месте, проведении других следственных действий. Причем поручение рекомендуется оформлять письменно и конкретизировать соответствующим перечнем значимой информации. Для получения информации о психологии преступной группы необходимо прилагать примерную структуру изучения психологических особенностей преступной группы или отдельные ее пункты, значимые для расследования дела, к поручению, адресованному оперуполномоченному, участковому уполномоченному полиции. При личной встрече с указанными сотрудниками необходимо подчеркивать значимость и важность предоставляемой ими информации для расследования уголовного дела, а также разъяснять, чтобы при составлении документов (справок, характеристик преступной группы) излагаемые ими мнения и оценки подтверждались обоснованными фактами и примерами.

Следователям рекомендуется целенаправленно проводить допрос для выяснения или уточнения данных о психологии преступной группы. Во время допроса или очной ставки рекомендуется обращать внимание на содержание высказываний, реакций и поведения подозреваемого (-ых) и тщательно их фиксировать в протоколе и (или) аудио-, видеозаписи. Последующий анализ и сравнение высказываний производить для того, чтобы судить: 1) о согласованности действий участников преступной группы, на что указывает общность их интересов, групповых преступных целей и планов, распределение ролей в совместной преступной деятельности, особенности межличностных отношений в группе; 2) о степени деформации отношений подозреваемых к социальным нормам и ценностям (к собственности, жизни и здоровью граждан, труду), степени совпадения интересов и потребностей представителей преступной группы; 3) о групповых и индивидуальных мотивах совершения преступления, статусе и роли подозреваемых в преступной группе, механизмах сплочения преступной группы.

Следователю рекомендуется использовать при необходимости помощь оперативного сотрудника и психолога для обобщения информации и составления психологической характеристики преступной группы, обязательно указывать мотивы, причины и условия группового преступления, статус в преступной группе и роль (функции) каждого подозреваемого в групповом преступлении, представить это обобщение в виде наглядного рисунка или схемы.

В процессе расследования следователи чаще всего стихийно изучают преступную группу. Полагаем, что такую работу нужно проводить целенаправленно, используя для этого указанную примерную схему. Более того, необходимо выделять слабые и сильные стороны преступной группы и каждого подозреваемого (обвиняемого). Среди таковых могут быть:

– сильные стороны преступной группы: целенаправленность возникновения преступной группы, организованность и сплоченность группы, «круговая порука», продуманная линия поведения каждого соучастника в виде противодействия расследованию согласно предварительной договоренности и пр.;

– слабые стороны преступной группы: стихийность возникновения, низкая организованность, конфликты и противоречия в ней между отдельными представителями группы, борьба за роль лидера, неравномерно распределяемые доходы и пр.;

– сильные стороны личности подозреваемых в групповом преступлении: стойкие антиобщественные убеждения, интеллектуальные способности, волевые качества, вера в дружбу, необщительность, умение гибко подстраиваться под ситуацию, криминальный опыт или опыт противодействия расследованию и пр.;

– слабые стороны личности подозреваемых: легкомыслие, вспыльчивость, прямолинейность, ненаходчивость, медлительность, конформность, слабоволие, зависимость от мнения других, раздутое самомнение и пр.

Перейдем к другим направлениям применения психологических знаний, т.к. опыт взаимодействия автора со следователями показывает, что их представления о возможностях психологов ограничены.

Третье направление – общеконсультативная помощь справочного характера (в зависимости от квалификации психолога) по вопросам, которые следователь может задать специалисту: а) о психологии преступных групп (закономерности образования, специфика взаимоотношений и соподчинения, механизмы влияния друг на друга, распределения в ней ролей, функций и пр.); б) психологии подозреваемых (обвиняемых) в совершении группового преступления (адаптированность в преступной группе, подверженность групповому влиянию или влиянию лидера, других активных членов группы); в) об отдельных психологических феноменах, состояниях, процессах; позициях и поведении подозреваемого (обвиняемого); их наличии или отсутствии в ситуации совершенного преступления, при проведении следственных действий, регуляции психических состояний и поведения подозреваемого и пр.; г) использовании психологических особенностей преступной группы и отдельного подозреваемого в установлении с ним психологического контакта, оказании психологического воздействия, изблещении во лжи, преодолении противодействия расследованию и т.д.

Четвертое направление (участие специалиста-психолога в раскрытии групповых преступлений, в отдельных следственных действиях или длительное участие психолога в расследовании в составе оперативно-следственной группы) может быть реализовано при наличии должности психолога в следственном отделе (управлении) ФСКН по субъектам Российской Федерации. Такая деятельность психолога может быть сведена к помощи: а) в сборе и обобщении поступающей информации о психологии преступной группы и отдельных ее представителях, б) в подготовке психологического портрета группы или отдельной личности; в) выборе стратегии контакта и установлении психологического контакта и доверительных отношений с подозреваемым при проведении отдельных следственных действий на основе учета психологических портретов; г) психологическом наблюдении за поведением и реакциями подозреваемого (-ых) для последующей совместной со следователем оценки групповой психологии и психологических особенностей подозреваемого (-ых), искренности/лживости их показаний; д) психологическом анализе специфических особенностей подозреваемого (обвиняемого) для принятия решения о назначении судебно-психологической экспертизы, избрании ее вида, формулировании вопросов эксперту и т.д.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: 1) адекватным противопоставлением групповой преступности в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических средств должно стать взаимодействие

следователя с психологом, объединение их знаний и практического опыта; 2) деятельность эксперта имеет не только прикладной характер, но и представляет научный интерес, ибо получаемая на этапе предварительного расследования при помощи методов и методик исследования информация расширяет и объективизирует представления об особенностях современных преступных групп (в отличие от исследований в пенитенциарных учреждениях, где традиционно и чаще всего проводятся подобные научные изыскания по криминальной психологии); 3) раскрытые психологические особенности групп, совершающих преступления в сфере незаконного изготовления и сбыта наркотических средств, необходимо учитывать для всестороннего исследования обстоятельств, при планировании расследования подобных уголовных дел, в целях полного выявления и тщательной проверки всех фактов, относящихся к делу, повышения эффективности предварительного и судебного следствия; 4) сформулированные рекомендации следователям направлены на развитие и совершенствование опыта грамотного применения психологических знаний в расследовании уголовных дел данной категории, а также конструктивного взаимодействия с психологом, который благодаря своим познаниям призван помочь правильно разрешить уголовное дело, а значит, внести вклад в противодействие данному виду преступлений и борьбу с наркоманией.

Список литературы

1. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 497 с.
2. Гецманова И.В. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. 208 с.
3. Ситковская О.Д. Современное состояние и некоторые перспективы развития психологической экспертизы по уголовным делам // Юридическая психология: сб. науч. тр. Вып. 3. Ч. I / под ред. Г.Х. Ефремовой, О.Д. Ситковской. М., 2005. С. 109-121.
4. Енгальчев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 530 с.
5. Ратинов А.Р., Лукашевич В.Г., Ратинов В.А. Личность в преступной группе (Методологические и методические вопросы исследования) // Проблемы психологии следственных действий. сб. науч. ст. / под ред. А.Р. Ратинова. Красноярск, 1986. С. 135-177.
6. Зейг Дж. К. Испытание Эриксоном: Личность мастера и его работа / пер. с англ. В.В. Самойлова. М.: Класс, 1999. 192 с.
7. Аминов И.И. Юридическая психология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (030501) «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 415 с.

8. Наркотики в России: преступления и расследование / А.И. Александров [и др.]; под ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. 428 с.
9. Психология: учебник. М.: ПРОСПЕКТ, 1998. 584 с.
10. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 448 с.
11. Словарь аргоизмов наркобизнеса / авт.-сост.: Т.И. Голощапова [и др.]; под ред. С.В. Сыромятникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2009. 218 с.
12. Васильев В.Л. Юридическая психология. 4-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2002. 640 с.

References

1. Kudryavtsev I.A. *Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza (nauchno-prakticheskoe rukovodstvo)* [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination (scientific and practical guide)]. Moscow, 1999. 497 p.
2. Getsmanova I.V. *Ispol'zovanie spetsial'nykh psikhologicheskikh znaniy v ugovnom protsesse* [Using special psychological knowledge in the criminal process]. Moscow, Publishing House of Moscow psycho-social Institute; Voronezh, MODEK Publ., 2006. 208 p.
3. Sitkovskaya O.D. *Sovremennoe sostoyanie i nekotorye perspektivy razvitiya psikhologicheskoy ekspertizy po ugovnym delam* [Current state and prospects of development of some psychological examination in criminal cases]. *Yuridicheskaya psikhologiya. Vyp. 3. Ch. 1.* [Legal psychology. Issue 3. Part 1]. Moscow, 2005. Pp. 109-121.
4. Engalychev V.F. *Psikhologicheskie osnovy vuzovskoy podgotovki spetsialistov v yuridicheskoy psikhologii. Doct. Diss.* [Psychological foundations of university training in legal psychology. Doct. Diss.]. St. Petersburg., 2006. 530 p.
5. Ratinov A.R., Lukashevich V.G., Ratinov V.A. *Lichnost' v prestupnoy gruppe (Metodologicheskie i metodicheskie voprosy issledovaniya)* [Personality in a criminal group (Methodological and methodical research questions)]. *Problemy psikhologii sledstvennykh deystviy* [Problems of psychology investigation]. Krasnoyarsk, 1986. Pp. 135-177.
6. Zeyg Dzh. K. *Ispytanie Eriksonom: Lichnost' мастера i ego rabota* [Erickson Test: Personality Wizard and his work]. Moscow, Klass Publ., 1999. 192 p.
7. Aminov I.I. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2007. 415 p.
8. Aleksandrov A.I. [i dr.]. *Narkotiki v Rossii: prestupleniya i rassledovanie* [Drugs in Russia and crime investigation]. St. Petersburg, 1999. 428 p.
9. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, PROSPEKT Publ., 1998. 584 p.
10. Obratsov V.A., Bogomolova S.N. *Kriminalisticheskaya psikhologiya* [Forensic Psychology]. Moscow, YuNITI-DANA, Zakon i pravo Publ., 2002. 448 p.
11. Goloshchapova T.I. [i dr.]. *Slovar' argoizmov narkobiznesa* [Dictionary argoizmov drug trafficking]. Moscow, 2009. 218 p.
12. Vasil'ev V.L. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 640 p.

ЛАТЫШОВ И.В., кандидат юридических наук, доцент, latyshov@gmail.com Кафедра трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, Историческая, 130	LATYSHOV I.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, latyshov@gmail.com Chair of trace evidence expertise and ballistics of training and scientific complex of criminalistic expertise activity; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ОРУЖИЯ, ПАТРОНОВ И СЛЕДОВ ИХ ДЕЙСТВИЯ

Реферат. Эффективность диагностических судебно-баллистических экспертиз оружия, патронов и следов их действия в немалой степени определяется качеством подготовки следователем, дознавателем, судьей материалов для представления на экспертное исследование. В числе задач, решаемых на этапе подготовки, наиболее значимыми, по мнению автора, являются предварительный осмотр и оценка объектов, формулирование заданий (вопросов) на экспертное исследование, упаковка объектов. Предварительный осмотр и оценка вещественных доказательств дают следователю предварительную информацию об оружии, патронах, выстреленных пулях и стреляных гильзах, огнестрельных повреждениях, причиненных при стрельбе из оружия, которая требует последующей экспертной оценки. Особое внимание при осмотре оружия и патронов необходимо уделять соблюдению правил безопасного обращения с ними, что не всегда в нужном качестве дается в методической и учебной литературе для следователей. В зависимости от способа заряжания оружия рекомендованы приемы его разряжания, акцентировано внимание на учете конструктивных особенностей отдельных образцов патронов с пулями специального назначения. В контексте предмета диагностической судебно-баллистической экспертизы приведены группы вопросов, которые характеризуют природу, состояние, свойства и отношения оружия, патронов и следов их действия и могут быть поставлены следователем на разрешение экспертизы. Даны рекомендации по упаковке оружия, патронов, выстреленных пуль и стреляных гильз, следов выстрела на предметах одежды, рассмотрена проблема подготовки следователями отдельных видов объектов биологической природы (шкур животных) для направления на судебно-баллистическую экспертизу по делам о незаконной охоте.

Ключевые слова: подготовка объектов, диагностическая судебно-баллистическая экспертиза, стрелковое оружие, патроны, следы выстрела.

PREPARING OF MATERIALS FOR THE DIAGNOSTIC EXPERTISE OF FIREARMS, CARTRIDGES AND TOOL MARK EVIDENCE

Abstract. The effectiveness of forensic ballistic expertise of firearms, cartridges and tool marks evidence significantly depends on the quality of materials for expert examination, prepared by investigators, interrogation officers and judges. The preliminary examination and evaluation of the objects, formulation of tasks (questions) for expert examination and objects' packaging are considered as the most important tasks of the preparation period. The preliminary examination and material evidence evaluation provide information about firearms, cartridges, fired bullets and cartridge cases, tool mark evidence which needs further expert evaluation. When inspecting firearms and cartridges it is necessary to devote special attention to safety regulations which are not always properly covered in methodological and academic books for investigators. Some methods of firearm discharge are recommended according to the way of its charging. Particular attention is paid to construction features of certain cartridges samples with special bullets. A number of questions which characterize the nature, state, properties and correlation of firearms, cartridges and tool mark evidences and can be raised by investigators are formulated. Some recommendations on how to pack up firearms, cartridges, fired bullets and cartridge cases, tool mark evidence on clothing are given. The problem of preparing some biological evidence (animal skin) for the forensic ballistic expertise in cases of poaching is considered.

Keywords: evidence preparation, diagnostic forensic ballistic expertise, firearms, cartridges, tool mark evidence.

Выявляемая по результатам диагностического экспертного исследования криминалистически значимая информация о природе, состоянии, свойствах и отношениях оружия, патронов и следах их действия может играть существенную роль в уголовно-правовой квалификации деяния, установлении истины по делу. Одним из условий результативности таких экспертиз является методически верная и выверенная практикой деятельность следователя, лица, проводящего дознание, судьи по подготовке материалов для представления на экспертное исследование.

Оружие, патроны и следы их действия являются специфичными объектами, прежде всего, с учетом их оружейной природы, производных от нее закономерностей образования следов оружия на пулях, гильзах, поврежденных в результате выстрела предметах. По этой причине лица, принимающие процессуальное решение о назначении диагностической судебно-баллистической экспертизы и ведущие подготовку для нее материалов, должны учитывать это обстоятельство. Важно и понимание ожидаемых от такого исследования результатов.

Анализ криминалистической литературы показывает, что здесь даются главным образом лишь обобщенные сведения о действиях следователя по сбору материалов и подготовке их к представлению на экспертное исследование [1, с. 319-320; 2, с. 325-327]. При этом в отдельных источниках об оружии и патронах, особенностях обращения с ними приводится неполная либо неточная информация, о чем будет сказано позднее. Все это как минимум не обеспечивает эффективной работы ни следователя, ни эксперта.

С учетом изложенного представляется важным определить тактически значимые при подготовке материалов действия следователя, дознавателя, судьи. В их числе, как представляется: предварительный осмотр и оценка собранных по делу вещественных доказательств, формулирование заданий (вопросов) эксперту по диагностическому исследованию оружия, патронов и следов их действия, упаковка названных объектов для направления на экспертное исследование.

Предварительный осмотр и оценка вещественных доказательств проводится с

учетом существа расследуемого события, ставшей известной следователю, дознавателю, судье информации о происшествии.

В отношении оружия и патронов к нему их осмотр и оценка дают возможность получения информации:

- о том, заряжено оружие или нет;
- о предварительных данных о конструкции объектов (внешнее сходство с известными видами и моделями оружия, образцами патронов);
- вероятном способе производства оружия и патронов;
- внешнем состоянии оружия и патронов (деформация, разрушение частей оружия, элементов патронов; наличие коррозии; отсутствие отдельных частей, деталей и механизмов оружия и пр.);
- положении деталей и механизмов оружия (на боевом взводе, поставлено на предохранитель и пр.);
- наличии на оружии и патронах посторонних следов и загрязнений, включая пятна крови, в канале ствола – порохового налета, кусочков грунта и т.п.

Определение того, заряжено оружие или нет, имеет значение для применения при работе с ним необходимых мер безопасности. Если оружие заряжено, то его необходимо разрядить с помощью предусмотренных для этого приемов.

Следует отметить, что этому аспекту в отдельных источниках методической литературы для следователей не уделяется должного внимания – либо вообще не дается никаких рекомендаций [3], либо весьма лаконично рекомендовано оружие «удерживать за рифленные части стволом вверх. Не направлять на себя и окружающих. Разрядить либо вставить в патронник прокладку, препятствующую удару бойка» [4, с. 112]. При этом не вполне понятно, с какой целью следует вставлять прокладку в пустой патронник, а это единственный вариант, при котором может быть сделано рекомендуемое действие. В противном случае – при наличии патрона в патроннике – места в нем для этой прокладки просто нет.

Итак, казнозарядное стрелковое оружие разряжают путем извлечения съемного магазина и (или) отведения затвора в крайнее заднее положение. В обязательном порядке устанавливают, нет ли в патроннике патрона.

При неисправности выбрасывающего механизма заводского оружия и отсутствии возможности извлечь патрон способом, предусмотренным конструкцией оружия, его следует поставить на предохранитель. Надо сказать, что не все модели стрелкового оружия имеют предохранитель. Его, например, нет у широко распространенного в России 7,62-мм пистолета обр. 1930/33 гг. (ТТ). Кроме этого, ударный механизм здесь не имеет функции «отбой курка». Следовательно, если курок не стоит на предохранительном взводе, а в патроннике имеется патрон, то боек ударника находится в контакте с капсюлем патрона, и даже небольшое сотрясение пистолета может вызвать выстрел без нажатия на спусковой крючок.

Наружный курок с боевого взвода в самодельном оружии и некоторых моделях заводских револьверов снимают, нажимая на спусковой крючок и, одновременно придерживая пальцем спицу курка, медленно и осторожно перемещая его в переднее положение. Следует помнить, что большинство экземпляров самодельного оружия имеет упрощенную конструкцию — без предохранителей и предохранительного взвода, как, впрочем, и «отбоя курка». Поэтому, сняв курок с боевого взвода, при наличии патрона в патроннике и отсутствии возможности его извлечь, необходимо между патроном и затвором поместить прокладку из эластичного амортизирующего материала (резина, мягкие виды полимеров и пр.).

Дульнозарядные экземпляры оружия с термическим способом воспламенения порохового метательного заряда разряжать не следует. Все остальные образцы дульнозарядного стрелкового оружия требуют снятия курка с боевого взвода. При этом в капсюльных пистолетах, револьверах, ружьях между капсюлем на затравочном отверстии и курком также следует поместить эластичную амортизирующую прокладку.

О факте наличия патрона в патроннике или боевого заряда в стволе следует известить лиц, которым поручена доставка оружия в экспертное учреждение. Обязательным требованием является указание в постановлении о назначении экспертизы о факте, что оружие заряжено, проставление сигнальной надписи на упаковке объекта, а также в постановлении.

Предварительный осмотр и оценка конструкции оружия и патронов проводятся следователем, дознавателем, судьей с учетом имеющихся у них криминалистических знаний об этих объектах. Как правило, это общие данные о виде оружия, патронах к нему, способе их производства. Все это принимается во внимание при формулировании вопросов эксперту.

Однако все чаще при расследовании уголовных дел возникает потребность в ответах и на другие вопросы, выходящие за рамки «привычного» шаблона в отношении стрелкового оружия и патронов. Это, в частности, сведения о мощности оружия, дальности его поражающего действия [3, с. 76], возможности маневрирования им в небольших по размерам пространствах и пр. Известно, что в отдельных случаях именно эти сведения дают возможность установить обстоятельства преступления.

Надо признать, что возможности информационного сопровождения деятельности следователя, дознавателя, судьи, а также эксперта-баллиста здесь в должной степени не обеспечены.

Так, в справочных материалах, предназначенных для следователей и судей, представляется лишь общая информация о видах оружия, его калибрах, используемых для стрельбы патронах, приводятся названия частей, деталей и механизмов оружия, компонентов патронов, видах следов выстрела [5; 6; 7, с. 118-122]. Однако в настоящее время этого явно недостаточно. Представляется важным давать также сведения о мощности оружия, предельной дальности полета пули, расстояниях, на которых сохраняется поражающее действие выстреленной пули, усилия на спусковой крючок в конкретной модели стрелкового оружия и пр. Все это, несомненно, будет полезно следователю при проверке различного рода следственных версий, формулировании экспертных заданий — вопросов эксперту.

Потребность в этом подтверждается материалами следственной и экспертной практики. В частности, в литературе описаны случаи расследования фактов причинения смертельных ранений потерпевшим с больших расстояний, где одним из условий, способствующих выяснению следователем истинных обстоятельств расследуемого события и установления виновных,

были данные о дальности полета пули при выстреле из конкретной модели стрелкового огнестрельного оружия и ее убойном действии по цели [8, с. 623-631].

Есть примеры и из экспертной практики. Так, при исследовании 9-мм пистолета конструкции Макарова (ПМ) эксперт отказывается от решения поставленного перед ним вопроса о том, отличается ли усилие нажатия на спусковой крючок, необходимое для производства выстрела для данного пистолета, от стандартных значений – по причине отсутствия необходимой справочной литературы*.

В другом случае в ходе исследования гладкоствольного охотничьего ружья эксперт, при отсутствии необходимых справочных материалов на основании приблизительных данных делает попытку установить максимальную дальность полета шаровой пули охотничьего патрона 12 калибра, максимальную дальность ее поражающего действия**. Эти результаты, как представляется, требуют серьезного, в том числе и экспериментального, подтверждения.

Важными для индивидуализации оружия и патронов являются учет и указание в постановлении (определении) о назначении экспертизы сведений о маркировочных обозначениях на оружии и патронах. Информация, которую несет маркировка, может быть использована для получения сведений о модели оружия, заводе-производителе вооружения, номере оружия, времени и партии выпуска патрона и др.

Оценка внешнего состояния оружия и патронов проводится путем их осмотра, отражения наличия различного рода деформаций и разрушений частей, деталей и механизмов оружия, компонентов патрона, наличия на них следов коррозии – налета ржавчины, раковин и других ее проявлений. Эти факты принимаются во внимание следователем, лицом, проводящим дознание, а также судьей при подготовке вопросов эксперту, объяснении отдельных фактов события преступления.

Следует обращать внимание и на некомплектность оружия (отсутствие отде-

льных частей и деталей), положение деталей ударно-спускового механизма оружия. Так, некомплектность нередко служит основанием для постановки следователем вопросов о возможности производства определенных действий с оружием, например ведении прицельной стрельбы при отсутствии в конструкции прицельных приспособлений, приклада и пр.

Наличие на частях оружия и компонентах патронов посторонних загрязнений, включая следы крови, присутствие стреляной гильзы в канале ствола, порохового налета, кусочков грунта определяет при необходимости возможность назначения не только судебно-баллистической, но и других видов судебных экспертиз.

Так, наличие порохового налета на стенках канала ствола ложится в обоснование факта производства выстрела из оружия после его последней чистки. По следам крови можно установить вид крови (человека или другого биологического существа), группу крови или образования следов крови от конкретного лица. Эти задачи решаются, соответственно, экспертизой материалов, веществ и изделий (физико-химической) или биологической экспертизой.

Задача следователя, лица, проводящего дознание, или судьи в данном случае сводится к определению необходимой последовательности производства различных видов экспертиз. Здесь важным является учет того обстоятельства, что после отдельных экспертных исследований, например судебно-баллистической экспертизы, в рамках которой необходимо проведение экспериментальной стрельбы из оружия, вопрос о факте производства выстрела из оружия после его последней чистки решить в дальнейшем будет уже невозможно.

Не следует игнорировать и тот факт, что при определенных благоприятных условиях поверхности оружия и патронов могут нести на себе латентные следы рук, выявить которые возможно применением современных криминалистических средств и методов.

Предварительная оценка следов действия оружия и патронов сводится к определению:

– вида и количества объектов, на которых имеются такие следы (выстреленная

* Заключение эксперта ЭКЦ МВД по Республике Марий-Эл N 505 от 15 апреля 2013 г.

** Заключение эксперта ЭКЦ ГУ МВД России по Кировской области N 1136/1139 от 25 марта 2013 г.

пуля, стреляная гильза, предмет одежды с огнестрельным повреждением и пр.);

– конструктивных характеристик объектов – носителей следов;

– вида, локализации и морфологических характеристик следов действия оружия и патронов на изъятых в ходе расследования объектах;

– наличия на пулях, гильзах, огнестрельных повреждениях посторонних загрязнений, включая следы крови.

Вид, а также количество изъятых в ходе осмотра места происшествия, например, пуль и гильз указывает на факт применения в ходе преступления стрелкового или иного вида оружия, количество совершенных выстрелов.

Необходимая для построения следственной версии и формулирования задания эксперту информация, получаемая при анализе конструкции и размерных характеристик пуль и гильз, позволяет выстраивать предварительное суждение о виде и модели использованного в ходе преступного деяния оружия, примененных при стрельбе из него патронов. И здесь важно, чтобы справочная информация, которую использует в своей работе следователь, была как минимум корректной.

Так, например, в одном из справочников следователя, врез с содержанием ст. 2 действующего в России Федерального закона «Об оружии»^{*} дается неверная информация о видах оружия, искажены сведения о калибрах оружия, неправильно трактуется одно из важных оснований деления оружия – вид оружия (вместо этого говорят о способе управления и удержания), ошибочно приводятся иллюстрации моделей оружия (рисунок 7,62-мм автомата АК-47 подписан как автомат Калашникова АК-74), неверно дана информация о частях и деталях оружия (9-мм пистолет Макарова, п. 2 в источнике – переводчик-предохранитель) [7, с. 118-119].

По этому поводу следует сказать, что даже внешне такие модели автоматов Калашникова, как АК-47 и АК-74, довольно сильно разнятся. Кроме того, в военном деле и судебной баллистике термин «переводчик огня» специалистами воспринимается как элемент устройства, обеспечи-

вающего переключение режима стрельбы, например, с одиночной на непрерывную (тот же 7,62-мм автомат АК-47 и 5,45-мм автомат АК-74), с одиночной или непрерывной стрельбы на серийную (5,45-мм автомат Никонова АН-94). У 9-мм пистолета Макарова (ПМ), как известно, режим стрельбы один и переключать здесь просто нечего. Подобные огрехи авторитета такой справочной информации, мягко говоря, не прибавляют.

Далее, в последнее время активизируется практика производства ситуационных экспертиз для установления обстоятельств применения оружия при совершении преступлений. При этом успех решения экспертных задач в немалой степени определяется наличием у эксперта информации о локализации огнестрельных повреждений на предметах одежды, труп, различных следах на месте происшествия, характеристиках элементов вещной обстановки на месте происшествия и др. Часто именно это ложится в основу экспертных суждений о характере действий, совершаемых в ходе происшествия как преступником, так и потерпевшими.

В связи с этим важно представление на экспертизу, наряду с оружием, пулями, гильзами, предметами одежды со следами выстрела, также материалов судебно-медицинского исследования трупа, протокола осмотра места происшествия, фототаблиц к нему с информацией о вещной обстановке места происшествия, материальных следах преступления.

Необходимо знать, что экспертные задачи определения состояния и свойств оружия и патронов, оценки следов их действия требуют использования расширенной информации об обстоятельствах выстрела на месте происшествия.

Так, оптимизировать процесс экспертного исследования состояния оружия, в частности, решения вопроса о том, возможен ли из оружия выстрел без нажатия на спусковой крючок, поможет предоставленная следователем информация о внешних условиях в момент выстрела, в результате которого потерпевшему было причинено повреждение. Это могут быть, например, удары по частям оружия, падение оружия на пол и др. Данные условия необходимо приводить максимально полно в постановлении (определении) о назначении экспертизы.

^{*} Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681.

Важна и информация о погодных условиях в момент совершения преступления, включая сведения о том, шел ли в тот момент дождь, какова была сила ветра, его направление, температура воздуха и пр. Влияние этих факторов на характеристики следов выстрела доказано экспериментальными наблюдениями и практикой [9, с. 28-29; 10, с. 54-79].

Следует также указать еще на одно обстоятельство, которое может затруднить процесс предстоящего экспертного исследования, снизить его результативность. Речь идет о случаях изменения состояния объектов до направления их на экспертное исследование.

Так, например, одежду потерпевшего со следами выстрела стирают его родственники, ствол оружия после производства выстрела прочищается и смазывается ружейным маслом. Делается ли это умышленно или нет — установит следствие. Важно, чтобы информация о таких фактах была в необходимом объеме доведена лицом, назначившим экспертизу, до сведения эксперта.

Проведенная предварительная оценка собранных по делу вещественных доказательств создает необходимые условия для формулирования вопросов (заданий) эксперту на производство диагностической судебно-баллистической экспертизы.

С учетом предмета диагностической судебно-баллистической экспертизы вопросы определения природы объекта исследования предполагают установление:

- принадлежности к оружию (стрелковое, газовое ствольное) или сходным с оружием по внешнему виду и (или) или использующим в работе конструктивные принципы его действия изделиям производственного либо хозяйственно-бытового назначения (далее — изделия неоружейного назначения);
- принадлежности к патронам оружия или изделиям неоружейного назначения;
- принадлежности к частям, деталям и механизмам оружия или изделиям неоружейного назначения;
- огнестрельного характера повреждений, их вида (сквозное, несквозное, касательное);
- способа изготовления (технологии производства) оружия, изделий неоружейного назначения, их частей, деталей, механизмов, патронов и их компонентов;

- вида, образца, модели оружия, а также изделий неоружейного назначения;

- вида и образца патрона, принадлежности к определенному виду и образцу компонентов патрона (пуль, гильз, дроби, картечи, пыжей и пр.);

- по следам на пулях и гильзах — системы, модели и образца оружия, изделий неоружейного назначения;

- по следам выстрела — используемую для стрельбы систему, модель и образец оружия, изделий неоружейного назначения.

Вопросы, связанные с состоянием объекта диагностического судебно-баллистического экспертного исследования, направлены на определение:

- исправности оружия (стрелкового, газового ствольного) либо изделий неоружейного назначения;

- пригодности оружия, изделий неоружейного назначения к стрельбе или производству отдельных выстрелов, возможности производства выстрела из них без нажатия на спусковой крючок;

- исправности патрона оружия и изделий неоружейного назначения, его пригодности к стрельбе;

- по следам оружия на пулях и гильзах — степени износа канала ствола, износа частей, деталей и механизмов оружия и изделий неоружейного назначения.

Диагностические экспертные исследования свойств объектов предполагают установление:

- наличия у оружия отдельных свойств
- возможности ведения прицельной стрельбы, возможности ведения различных режимов стрельбы (непрерывной, одиночной) из некомплектного оружия и пр.;

- направления, угла и дальности отлета экстрагируемой из оружия после выстрела гильзы при различных режимах стрельбы;

- энергетических характеристик выстреленного снаряда на различной дальности выстрела;

- дальности полета снаряда при стрельбе из стрелкового оружия;

- убойного действия выстреленного снаряда по живой цели на различной дальности стрельбы;

- показателей деривационного отклонения снаряда при стрельбе из оружия на различной дальности;

– по следам выстрела – образования повреждения в условиях энергетической недостаточности снаряда; образования повреждения при выстреле из оружия с глушителем.

Диагностические экспертные исследования отношений объектов предполагают определение:

- направления и расстояния (дистанции) выстрела;
- количества и очередности производства выстрелов;
- механизма образования повреждения на объекте;
- положения тела потерпевшего относительно дульного среза ствола оружия в момент выстрела;
- местоположения стрелявшего по локализации на месте происшествия стреляных гильз;
- возможности причинения повреждения потерпевшему при определенных условиях;
- возможности совершения определенных действий участниками расследуемого события.

И, наконец, не последнюю роль играет качество упаковки следователем, лицом, проводящим дознание, судьей объектов для направления на экспертное исследование. Здесь следует сказать несколько слов о существе требований, предъявляемых к качеству упаковки. В целом их можно свести к нескольким моментам.

Во-первых, упаковка должна исключить возможность несанкционированного доступа к объектам без нарушения ее целостности. Это обеспечивается применяемым материалом, а также способами упаковки объектов. Соответствующие рекомендации выработаны в рамках криминалистической науки и практики.

Во-вторых, вид и способ упаковки определяются с учетом размеров представляемого на экспертизу объекта.

В-третьих, упаковка должна обеспечивать сохранность как самих оружия и патронов, так и следов их действия на различных объектах-носителях. Здесь важно учитывать особенности конструкции оружия и патронов, специфику следов их действия, что определяет характерные приемы их упаковки.

Так, упаковка должна обеспечивать фиксированное положение оружия в ней.

Выстреленные пули, стреляные гильзы, патроны стрелкового оружия не должны свободно перемещаться внутри упаковки, а также контактировать друг с другом, чтобы исключить уничтожение имеющихся и образование посторонних следов, не связанных с процессом выстрела. Следует знать, что отдельные виды патронов стрелкового оружия чувствительны даже к незначительным сотрясениям (7,62x39-мм пристрелочно-зажигательный патрон и др.). В связи с этим при транспортировке объекта в экспертное учреждение игнорирование этого правила может привести к срабатыванию взрывчатого вещества в головной части пули и взрыву патрона. О перечисленных особенностях справочники следователя умалчивают [4, с. 111-112; 7, с. 123-124].

Далее, если оружие все же поступает на исследование в заряженном виде*, оно должно быть зафиксировано в жесткой упаковке (деревянный ящик, коробка из плотного и жесткого картона и пр.). В случае с казнозарядным оружием между патроном и чашкой затвора, как отмечалось, следует поместить прокладку из картона, плотной резины. При транспортировке должны быть исключены различного рода встряски, переворачивание упаковки и пр. На упаковке обязательна сигнальная предупредительная надпись. Желательно сделать ее крупным шрифтом и ярким цветным красителем.

Одной из встречающихся на практике проблем является упаковка объектов со следами выстрела. Так, имеют место факты, когда предметы одежды со следами выстрела, наслоениями крови в нарушение предусмотренных криминалистической наукой и практикой требований упаковывают в полиэтиленовые мешки, провоцируя тем самым процессы гниения крови и, как результат, существенные изменения характеристик следов, вплоть до их уничтожения.

В этой ситуации, когда эксперту предлагается решить вопросы, основан-

* Это, как правило, дульнозарядные поджиги и самопалы, а также отдельные экземпляры казнозарядного оружия промышленного производства, разряжание которых по объективным причинам, вызванным механическим повреждением либо дефектами иного рода, невозможно.

ные на анализе следов близкого выстрела на представленных предметах одежды, он вправе дать мотивированный отказ от производства экспертизы.

Следует остановиться еще на одной проблеме упаковки объектов со следами выстрела. Речь идет о подготовке следователем, дознавателем для направления на экспертное исследование некоторых объектов биологической природы. Надо признать, что биологические объекты в рамках именно судебно-баллистической экспертизы в системе ЭКП МВД России исследуются не часто. Однако при расследовании браконьерства на экспертизу представляют фрагменты шкур животных со следами выстрела.

Как показывают материалы судебно-баллистических экспертиз, проведенных по данным фактам, следователи просто не знают, как готовить такие объекты для направления на экспертизу. Фрагменты представленных шкур в силу естественных причин меняют свои свойства и, главное, вместе с ними существенно меняется и морфология основного следа выстрела — форма и размеры входных и выходных огнестрельных ран. Это существенно затрудняет решение поставленных перед экспертом задач — о виде и диаметре снаряда, образовавшего повреждение, и др.*

Заметим, что технология подготовки биологических объектов со следами выстрела достаточно хорошо отработана в судебно-медицинской экспертизе, когда фрагмент кожи с повреждением иссекается с трупа, прошивается нитями по краям к куску картона и в этом состоянии просушивается. В таком виде он и поступает на экспертное исследование. Для восстановления измененной при сушке морфологии непосредственно перед экспертным исследованием фрагмент кожи вымачивают в растворе Ратневского. Как представляется, знать основы подготовки таких объектов на экспертизу следователь должен.

Не часто используют и рекомендованный криминалистической наукой прием фиксации следов выстрела на предме-

тах одежды путем нашивания сверху на зону огнестрельного повреждения куска чистой белой бязи. Как показывает практика судебных экспертиз, исследования следов выстрела (судебно-баллистических, экспертизы веществ, материалов и изделий) — это действительно эффективный инструмент, обеспечивающий сохранность следов выстрела на предоставляемых на экспертизу предметах одежды.

Подводя итоги проведенного исследования, можно говорить о том, что:

1. Тщательность и компетентное отношение следователя, лица, производящего дознание, судьи к подготовке материалов для производства диагностических экспертных исследований оружия, патронов и следов их действия обеспечивает необходимые условия результативности таких исследований, установление необходимых для расследования уголовного дела фактов.

2. В числе задач, решаемых на этапе подготовки материалов для экспертизы, наиболее значимы предварительный осмотр и оценка объектов, формулирование заданий (вопросов) эксперту, а также упаковка объектов.

3. Действия следователя, лица, производящего дознание, судьи по подготовке материалов на экспертизу должны осуществляться с соблюдением требуемых мер безопасности обращения с оружием, учетом особенностей конструкции оружия, характерной специфики образования следов его действия.

4. Рекомендуемый перечень вопросов на разрешение диагностической судебно-баллистической экспертизы дает системное (природа, состояние, свойства, отношения) и цельное представление о предмете этой экспертизы, ее возможностях на современном этапе.

5. Современная практика расследования преступлений о незаконной охоте диктует необходимость получения лицами, осуществляющими подготовку материалов для направления на судебно-баллистическую экспертизу, знаний об особенностях объектов биологической природы, их изъятии и упаковке.

* Заключение эксперта ЭКЦ ГУ МВД России по Кировской области от 20 марта 2013 г. N 719.

Список литературы

1. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М.: Высшая школа, 1994. 528 с.
2. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2000. 687 с.
3. Настольная книга следователя. Расследование особо тяжких преступлений против общественной безопасности (бандитизм, организация преступного сообщества, организация незаконных вооруженных формирований): науч.-метод. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М.: Экзамен, 2006. 495 с.
4. Усманов У.А. Справочник следователя. М.: ПРИОР, 1999. 256 с.
5. Справочник криминалиста. Ч. 1: Описание предметов / под общ. ред. А.И. Миронова. М.: ВНИИ ООП, 1966. 288 с.
6. Осмотр места происшествия: справочник следователя / под общ. ред. А.А. Леви. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1982. 272 с.
7. Справочник следователя. Осмотр места происшествия. М.: ЦОКР МВД России, 2010. 304 с.
8. Попов В.Л., Шигеев В.Б., Кузнецов Л.Е. Судебно-медицинская баллистика. СПб.: Гиппократ, 2002. 656 с.
9. Чулков И.А. Влияние низких температур на отложение продуктов выстрела при стрельбе из малокалиберного оружия заводского изготовления // Экспертная практика. 1983. N 21. С. 28-29.
10. Установление дистанции выстрела с учетом влияния некоторых метеорологических условий / А.С. Лазари и [др.] // Экспертная техника. 1988. N 100. С. 54-79.

References

1. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994. 528 p.
2. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Spark Publ., 2000. 687 p.
3. *Nastol'naya kniga sledovatelya. Rassledovanie osobo tyazhkih prestupleniy protiv obshchestvennoy bezopasnosti (banditizm, organizatsiya prestupnogo soobshchestva, organizatsiya nezakonnykh vooruzhennykh formirovaniy)* [Investigator's handbook. Investigation of especially grave crimes against public security (banditism, creation of a criminal organisation, organization of illegal armed groups)]. Moscow, Ekzamen Publ., 2006. 495 p.
4. Usmanov U.A. *Spravochnik sledovatelya* [Guide for investigators]. Moscow, PRIOR Publ., 1999. 256 p.
5. *Spravochnik kriminalista. Ch. 1: Opisaniye predmetov* [Guide for criminal law expert. Part 1: Description of items]. Moscow, 1966. 288 p.
6. *Osmotr mesta proisshestiya: spravochnik sledovatelya* [Inspection of the place of crime: guide for investigator]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 272 p.
7. *Spravochnik sledovatelya. Osmotr mesta proisshestiya* [Guide for investigators. Inspection of the place of crime]. Moscow, 2010. 304 p.
8. Popov V.L., Shigeev V.B., Kuznetsov L.E. *Sudebno-meditsinskaya ballistika* [Medico legal ballistics]. St. Petersburg, Gippokrat Publ., 2002. 656 p.
9. Chulkov I.A. *Vliyaniye nizkikh temperatur na otlozheniye produktov vystrela pri strel'be iz malokalibernogo oruzhiya zavodskogo izgotovleniya* [The effect of low temperatures on the deposition of factory small arm gunshot residue]. *Ekspertnaya praktika* – Expert practice, 1983, N 21, pp. 28-29.
10. Lazari A.S. [i dr]. *Ustanovleniye distantsii vystrela s uchetom vliyaniya nekotorykh meteorologicheskikh usloviy* [Range-finding in view of certain meteorological conditions]. *Ekspertnaya tekhnika* – Expert technique, 1988, no. 100, pp. 54-79.

БЕЛОУСОВ А.В.,
кандидат юридических наук,
belousovalecs@mail.ru
Кафедра оперативно-разыскной
деятельности и оперативно-технических
мероприятий органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

BELOUSOV A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
belousovalecs@mail.ru
Chair of detective activity
and crime detection technical actions
of the law enforcement agencies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

СМАХТИН Е.В.,
доктор юридических наук, доцент,
smaxt@yandex.ru
Кафедра организации расследования
преступлений и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации, 625049,
г. Тюмень, Амурская, 75

SMAKHTIN E.V.,
Doctor of Legal Sciences,
associate professor,
smaxt@yandex.ru
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

РАСКРЫТИЕ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ИЗ ОДЕЖДЫ, СУМКИ ИЛИ ДРУГОЙ РУЧНОЙ КЛАДИ, НАХОДИВШИХСЯ ПРИ ПОТЕРПЕВШЕМ

Реферат. Показано значение своевременного раскрытия краж, совершаемых на железнодорожном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Определен момент, когда такое преступление следует считать раскрытым, приведено определение раскрытия преступления. В ситуации полного отсутствия информации о лице, совершившем кражу, и о местонахождении похищенного эффективность раскрытия преступления может обеспечить предложенный алгоритм деятельности следователя, включающий: при проверке сообщения о преступлении — опрос заявителя; опрос очевидцев; осмотр места происшествия с участием заявителя; освидетельствование лиц; истребование документов о похищенном имуществе; истребование скоростемерной ленты; использование данных ПТК «Розыск магистраль»; истребование билета; истребование видеосъемки; постановка похищенного имущества на учет в Информационный центр МВД России; письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий; ориентировка личности преступника и украденного имущества; на стадии предварительного расследования — допрос потерпевшего; допрос свидетелей; допрос эксперта, специалиста; очная ставка; проверка показаний на месте; выемка; обыск; назначение дактилоскопической и трасологической экспертиз, экспертизы материалов, веществ и изделий, биологической экспертизы тканей и выделений человека, судебно-медицинской экспертизы живого лица, товароведческой экспертизы; осмотр и приобщение вещественных доказательств к уголовному делу; опознание (личности преступника и предмета хищения); отдельные поручения о производстве следственных и оперативно-розыскных действий; взаимодействие с представителями Российских железных дорог, провайдерами мобильной связи и средствами массовой информации; при необходимости производство дополнительного допроса потерпевшего, свидетеля, эксперта-специалиста; истребование документов о личности преступника; объявление преступника в розыск (местный, областной, всероссийский и международный).

Ключевые слова: раскрытие преступлений, кража, железнодорожный транспорт, одежда, сумка, ручная кладь, потерпевший.

DETECTION OF PICKPOCKETING AND HAND LUGGAGE THEFTS ON THE RAIL TRANSPORT

Abstract. The importance of timely detection of pickpocketing and hand luggage thefts on the rail transport is shown. The exact moment when such crime should be considered as detected is

assigned. The definition of the term "crime detection" is provided. When lacking of any information about a person having committed a theft and the stolen things' location, the proposed algorithm of investigators' actions can ensure the effectiveness of crime detection. During the crime report's checking it comprises: applicant's interview; eyewitnesses' interview; crime scene search in applicant's presence; examination of witnesses; discovery of documents of the stolen property; request for speedometer ribbon; request for a ticket; request for video recording; registration of the stolen property in the Russian Interior Ministry's Information Centre; written instruction on conducting crime detection actions; information on criminal's personality and the stolen property. During the preliminary investigation stage it includes: victim's interrogation; witnesses' interrogation; expert's interrogation; confrontation; on-site evidence checking; seizure; search; fingerprints analysis and trace evidence expertise, evidence expertise, biological expertise of human tissues and discharge; forensic medical examination of living person; merchandising expertise; search and subjoining the physical evidence to the criminal case files; identification of criminal's personality and stolen items; special assignments on conducting investigation and detective activity; cooperation with representatives of Russian railways, mobile communication providers and mass media; if necessary, conducting additional interview of victim, witness, expert; request for documents of criminal's personality; announcing wanted criminal (at the local, regional, national and international level).

Keywords: crime detection, theft, rail transport, clothing, bag, hand luggage, victim.

Значение раскрытия преступлений велико. Анализ теории, действующего законодательства и практики позволил выделить следующие обстоятельства, характеризующие значение раскрытия в рассматриваемой категории преступлений.

В русском языке слово «раскрыть» означает обнаружить, объяснить что-нибудь тайное, неизвестное [1, с. 659; 2, с. 64].

Как юридическая категория понятие «раскрытие преступлений» трактуется по-разному. По мнению одних ученых, раскрытие преступления является оперативно-розыскным понятием, означающим, что преступник найден. Все остальное, скорее, характеризует стадию расследования преступления, чем раскрытие его, так как оно уже раскрыто (преступник найден) [3, с. 35-36];

Вторая точка зрения состоит в том, что раскрытие преступления — это установление данных о преступлении и виновном в его совершении лице в объеме, позволяющем предъявить обвинение. В данном случае момент раскрытия преступления связан с моментом вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого — предъявления обвинения [4, с. 25];

По мнению третьей группы авторов, раскрытие преступления — это установление всех входящих в предмет доказывания обстоятельств, являющихся основанием для окончания предварительного следствия и составления обвинительного заключения [5, с. 116].

С позиции четвертых, раскрытием преступления является весь процесс производства по делу, завершающийся вступлением в законную силу приговора суда [6, с. 16].

По существу, этими и еще некоторыми подобными высказываниями до середины 70-х гг. XX века и ограничивалось отношение криминалистов к понятию раскрытия преступления [7, с. 50]. Иными словами, понятие раскрытого преступления связывали с определенным процессуальным решением, от вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица до вступления в силу приговора суда.

В последующем появляются высказывания о необходимости формулирования собственного криминалистического понятия раскрытия преступления. Такого мнения придерживался, например, В.Г. Танасевич. В его понимании «раскрытие преступления» может рассматриваться в двух аспектах: 1) «в уголовно-процессуальном смысле — раскрытие преступления предполагает выяснение всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и окончательно вопрос о раскрытии преступления решает суд при вынесении приговора»; 2) «под криминалистическим (предварительным) раскрытием преступления следует понимать выяснение всех обстоятельств события преступления, изобличающих лиц, его совершивших, и устанавливающих характер и степень их ответственности за содеянное» [7, с. 58]. Поз-

днее он поясняет: «криминалистическим (предварительным) это раскрытие является не по кругу исследованных обстоятельств, а потому, что оно основано на оценке следователем материалов предварительного следствия» [8, с. 130].

По мнению Ф.Ю. Бердичевского, содержанием криминалистического понятия раскрытия преступления является «деятельность по расследованию преступления, осуществляемая в условиях отсутствия информации, делающей известной личность преступника, заключающаяся в отыскании такой информации и ее использовании для доказывания искомых фактов» [9, с. 131-149].

Р.С. Белкин под раскрытием преступления понимает «деятельность по расследованию преступления, направленную на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом» [10, с. 138].

Таким образом, представленные точки зрения ученых указывают на то, что далеко не все уголовные дела связаны с процессом раскрытия преступления. Есть преступления, которые в ходе расследования нужно раскрывать, а есть и те, которые только расследуются, поскольку имеющаяся в деле информация содержит прямые указания на лиц, совершивших преступление. Опять же с точки зрения Р.С. Белкина, «преступления делятся на две группы в зависимости от содержания исходной информации. Первую группу составляют "очевидные" преступления, то есть которые совершаются в условиях очевидности, когда исходная информация содержит данные о виновном. Исходная информация о "неочевидных" преступлениях таких данных не содержит. В раскрытии нуждаются только преступления этой второй группы» [10, с. 381].

Кроме того, указанное понятие раскрытия преступления «необходимо для успешного решения задач научно-методического характера: определения направления расследования на разных его этапах, решения вопроса о задачах каждого этапа и т.п.» [10, с. 383]. Безусловно, представленный тезис сомнений не вызывает.

Вместе с тем полагаем необходимым уточнить некоторые моменты применительно к исследуемой категории преступлений.

Во-первых, анализ рассматриваемой категории краж осуществляется на базе ти-

повой криминалистической характеристики, которая основана, в свою очередь, на обобщенных результатах расследования рассматриваемых преступлений, по которым лицо, совершившее преступление, было установлено и привлечено к уголовной ответственности.

Во-вторых, при формулировании авторской позиции нами учитываются требования приказа «О едином учете преступлений», в котором указывается: нераскрытое преступление (преступление, производство по уголовному делу о котором приостановлено по п.п. 1-3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) исключается из числа нераскрытых после принятия решения о направлении уголовного дела в суд или его прекращения; в число нераскрытых включаются преступления, производство по уголовным делам о которых впервые приостановлено в текущем отчетном периоде по указанным выше основаниям независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступления. При этом подчеркивается, что данное понятие является обязательным для всех правоохранительных органов. Далее в этом же приказе указано, что учету подлежат судебные решения по уголовным делам, поступившим в суд с обвинительным заключением (актом, постановлением о применении мер медицинского характера к невменяемым), а также обвинительные приговоры по делам частного обвинения, вступившие в силу. Основаниями учета судебных решений, вступивших в законную силу, являются: обвинительный приговор; оправдательный приговор; судебное постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; судебное постановление о применении принудительных мер медицинского характера к невменяемым*.

Полагаем необходимым отметить и позицию Я.М. Мазунина, который уточнил и конкретизировал позицию Р.С. Белкина, упомянув, что «во-первых, автор (Р.С. Белкин) связывает процесс раскрытия лишь с предварительным расследованием, без учета судебного разбирательства. Во-вторых, речь идет лишь о выдвижении версии, в то время как нас интересует не

* О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры РФ N 39, МВД РФ N 1070, МЧС РФ N 1021, Минюста РФ N 253, ФСБ РФ N 780, Минэкономразвития РФ N 353, ФСКН РФ N 399 от 29 дек. 2005 г. // Рос. газ. 2006. 25 янв.

только выдвижение, но и проверка, и подтверждение версии, прежде всего, на стадии судебного разбирательства. В-третьих, автор говорит только о расследовании, т.е. процессуальной деятельности следователя. Однако раскрытие преступления – это совместная деятельность не только следственных и оперативно-розыскных подразделений, но и суда, решаемая на основе их взаимодействия» [11, с. 83].

Мы в целом разделяем мнение Я.М. Мазунина.

Считаем необходимым затронуть и дискуссионный вопрос о том, «все ли преступления могут быть раскрыты?» По мнению многих криминалистов, нет и не может быть преступлений, которые нельзя было бы раскрыть [12, с. 7]. Мы солидарны с ними в том, что нераскрытое преступление преимущественно является следствием недостатка в организации и осуществлении расследования. Однако прав Р.С. Белкин, полагающий, что существует и такая часть уголовных дел, расследование по которым не увенчалось успехом именно в силу действия объективных факторов, не зависящих от качества расследования [13, с. 781-782]. Тем не менее пренебрегать ими нельзя, то есть производить расследование необходимо на самом высоком уровне. Совершенно прав А.К. Гаврилов, который считает, что «с точки зрения практической деятельности нельзя прогнозировать невозможность раскрытия преступления заранее, не проникнув в сущность явления, то есть, не произведя расследования на самом высоком организационном уровне» [4, с. 61].

Таким образом, проанализировав теоретические и ведомственные нормативные правовые источники, рассматриваемое понятие можно сформулировать следующим образом: раскрытие преступления – это гласное и негласное получение информации, проверенной процессуальными действиями и подтверждающей версию о совершении преступления определенным лицом, при этом все иные взаимоисключающие ее версии проверены и отвергнуты.

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2009 году было зарегистрировано 78 798 преступлений рассматриваемого вида, из них раскрыто всего 11 612 пре-

ступлений, а выявлено 9 005 лиц. В 2010 году зарегистрировано 68 697 преступлений, из них раскрыто 10 148 преступлений, выявлено 8 261 лицо. В 2011 году зарегистрировано 59 319 преступлений, из них раскрыто 9 173 преступления, выявлено 7 350 лиц. В 2012 году зарегистрировано 52 367 преступлений, из них раскрыто 7 677 преступлений, выявлено 6 542 лица. В 2013 году зарегистрировано 48 533 преступления, из них раскрыто 6 801 преступление, выявлено 5 983 лица. При этом в 2009 году раскрываемость указанных преступлений составила 14,74 %, в 2010 году – 14,77 %, в 2011 году – 15,65 %, в 2012 году – 14,65 %, в 2013 году – 14,01 %.

Кроме того, неочевидных преступлений по рассматриваемой категории гораздо больше, чем очевидных. Так, в 2009 году их численность составляла 88,6 %, в 2010 году – 87,9 %, в 2011 году – 87,6 %, в 2012 году – 87,5 %, в 2013 году – 86,3 %*.

Таким образом, ситуация, когда исходная информация о лице, совершившем кражу (либо покушение), полностью отсутствует и местонахождение предмета кражи неизвестно, является наиболее распространенной и неблагоприятной. Для такой ситуации характерно, что заявитель не видел, кто украл похищенное, в какой момент времени это происходило; преступление совершено ранее судимыми за аналогичные правонарушения, совершено попутчиками, совершено работниками ОАО «РЖД», совершено по причине материальных затруднений или заявитель указал ложную информацию.

В результате этого задачами раскрытия в данной ситуации будут сбор фактических данных, доказывающих факт совершения кражи, установление лица, совершившего преступление, и поиск украденного имущества.

В процессе решения поставленных задач, по нашему мнению, наиболее раци-

* Состояние преступности в России за январь-декабрь 2009 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2010; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2010 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2011; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2013; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014.

онально осуществлять проверку выдвигаемых версий, используя следующую программу (алгоритм) действий.

При проверке сообщения о преступлении:

– опрос заявителя необходим для определения времени, места, условий и способа совершения кражи. Описать внешность и индивидуализирующие признаки преступника, а также украденное имущество;

– опрос очевидцев необходим для установления лиц, находившихся рядом с заявителем в момент совершения преступления. Описать внешность преступника, предпринятые действия заявителя, а также то, что спровоцировало или какие условия способствовали краже из одежды, сумки или другой ручной клади, находящихся при потерпевшем;

– осмотр места происшествия с участием заявителя необходим для определения точного места совершения кражи, более качественного производства поиска и обнаружения следов преступления;

– истребование документов о предмете похищенного необходимо для установления индивидуальных признаков (номера, модели) и стоимости, что будет являться ориентиром при идентификации украденного имущества;

– истребование билета необходимо для установления личности и места прописки (жительства) преступника;

– использование данных ПТК «Розыск-магистраль» необходимо для установления в пассажиропотоке лиц, следовавших в железнодорожном составе или вагоне, где было совершено преступление. То есть установить фамилию, имя, отчество, паспортные данные, откуда и куда следовали, место жительства;

– истребование видеосъемки необходимо для установления личности преступника, способа совершения и идентификации различных объектов;

– истребование скоростемерной ленты необходимо для установления участка местности, по которому следовал поезд в промежуток времени, когда заявитель в последний раз видел украденное имущество до момента обнаружения его кражи. Это дает возможность обследовать участок местности на предмет обнаружения украденных вещей или иных предме-

тов с характерными признаками преступления;

– освидетельствование лиц необходимо для определения состояния, в котором находился заявитель в момент совершения преступления, и того, какие вещества возможно использовались преступником для опьянения потерпевшего;

– ориентировка личности преступника и украденного имущества необходима для оперативного реагирования на указанные в ориентировке характерные признаки и задержания сотрудниками ОВД преступника, совершившего кражу, а также обнаружения украденного имущества;

– использование информационно-справочных учетов МВД России необходимо для установления личности граждан в ходе оперативно-розыскной и следственной деятельности. Например, современные возможности позволяют определять тип папиллярного узора и идентифицировать отпечатки, распознать общую структуру папиллярных узоров, обработать фрагменты следов, изъятых с места преступления, в т.ч. с неотобразившимися общими признаками. Объединять преступления по следам рук, изъятых в различных регионах Российской Федерации, и производить проверку лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Устанавливать следообразующие объекты, оставившие след на месте происшествия. Устанавливать лиц, оставивших биологические следы на месте происшествия. Устанавливать составляющий объект-предмет, в состав которого входили микроволокна, частицы лакокрасочного покрытия, полимеров и металла, изъятые с места происшествия. Устанавливать преступников, скрывшихся с места происшествия, а также факты совершения нескольких преступлений одним лицом. Осуществлять проверку по субъективным портретам, изготовленным с помощью компьютерных программ, а также иными (неавтоматизированными) способами. Своевременно информировать наряды патрульно-постовой службы и наряды сопровождения пассажирского поезда с целью проверки лиц, находящихся на железнодорожном транспорте, на предмет нахождения в розыске либо предъявляемых ими документов;

– письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий

необходимо: для получения в ходе ОРМ данных, способствующих проверке выдвинутых версий; проверке и уточнению имеющихся данных о причастности конкретного лица к тому или иному событию (деянию, явлению, процессу); осуществления задержания лица, совершившего преступление; подготовки и осуществления следственных действий.

На стадии предварительного расследования:

– допрос потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста при раскрытии преступления рассматриваемой категории дает хорошие результаты при использовании приемов смежности, сходства, наглядности, контраста, при предъявлении доказательств в различной последовательности. Применение приведенных тактических приемов позволит следователю уточнить, детализировать и сопоставить интересующие следствие сведения в отношении конкретного лица, совершившего преступное деяние;

– дополнительный допрос потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста позволит выяснить детали различных обстоятельств; восполнить пробелы, допущенные при первоначальном допросе; установить новые обстоятельства;

– очная ставка необходима для оказания на недобросовестного участника психологического воздействия, ослабления его установки на ложь, помощи следователю в проверке правдивости показаний участников, более глубокого изучения психологических аспектов, определения других путей разрешения спорных и нерешенных вопросов;

– проверка показаний на месте необходима для выяснения действий, осуществляемых в момент совершения преступления; установления и обнаружения новых доказательств или обстоятельств преступления (например, при помощи этого следственного действия возможно установление места кражи в пассажирском вагоне при условии, что потерпевший не установлен (в последующем это поможет установлению личности и места жительства потерпевшего); выяснения действий после совершения преступления; мест сокрытия, хранения орудий преступления и предмета кражи. Таким образом, проверка показаний на месте по рассматриваемой категории преступлений позволит полу-

чить новые доказательства и установить дополнительные сведения о подозреваемых, потерпевших и свидетелях;

– производство выемки необходимо для изъятия найденных предметов кражи и орудий преступления; изъятия видеозаписи с мест видеорегистрации (например, на железнодорожной станции, в составе пассажирского поезда); изъятия документов на украденное имущество, находящихся у потерпевшего или свидетеля (например, технический паспорт, кассовые или товарные чеки, железнодорожный билет и т.п.);

– производство обыска позволит обнаружить и изъять похищенное имущество, орудия преступления или иные предметы с характерными признаками, указывающими на лиц, возможно, причастных к совершению преступления. По рассматриваемой категории дел к таковым предметам в большинстве случаев относятся: кошельки, железнодорожные билеты, документы, квитанции (камер хранения, ломбарда), банковские (кредитные) карточки, деньги, мобильные телефоны, МПЗ-плееры, фотоаппараты, драгоценные украшения, личные вещи потерпевшего (косметика, наручные часы), железнодорожные ключи, металлические линейки, куски металлической проволоки, отвертки, лезвия канцелярских ножей, лезвия бритв, заточенные монеты, заточенные металлические пуговицы, пинцеты, щипцы, сонный газ;

– назначение дактилоскопической экспертизы позволит по следам рук определить пол, возраст, особенности, отобразившиеся в следах рук человека (шрамы, мозоли, рубцы, кожные заболевания, деформации пальцев), а также давность образования следа;

– трасологическая экспертиза: при исследовании следов обуви позволит определить тип или разновидность обуви, размер, физические данные лица (пол, возраст, рост), передвижение (шагом, бегом) человека, оставившего след на месте преступления; при исследовании одежды позволит определить характер повреждения, то, каким орудием причинены повреждения на одежде, идентифицировать образования следов и повреждений на одежде с представленными предметами; при исследовании микрочастиц позволит определить присутствие микрочастиц на исследуемом объекте, природу, локализа-

цию, взаимодействие объектов, групповую принадлежность обнаруженных микрочастиц, а также то, являются ли данные микрочастицы частицами конкретного вещества или нет; при исследовании следов губ человека позволит определить: особенности в строении губ, а также приобретенные признаки (травмы); одним или несколькими лицами оставлены следы губ на представленных объектах; идентифицировать следы губ; при исследовании следов зубов человека позволит определить: анатомические; технические особенности зубного аппарата человека; механизм образования откуса (надкуса); зубами верхней или нижней челюсти оставлены следы; идентифицировать следы зубов;

– экспертиза материалов, веществ и изделий: при исследовании волокон и волокнистых материалов позволит определить характерные признаки текстильного материала, волокна-наслоения, сходные с волокнами, входящими в состав предметов одежды подозреваемого, волокна-наслоения, сходные с волокнами, входящими в состав предметов одежды потерпевшего, локализацию и возможный контакт данных предметов; при исследовании специальных химических веществ позволит определить на представленных объектах наслоения специального химического вещества; однородность компонентного состава с образцом специального химического вещества, изъятого с места происшествия;

– биологическая экспертиза тканей и выделений человека при исследовании слюны позволит определить групповую принадлежность слюны; половую принадлежность эпителиальных клеток, обнаруженных в пятнах слюны; идентифицировать пятна слюны;

– судебно-медицинская экспертиза позволит определить вещество, вызвавшее одурманивание или отравление; дозу, чувствительность потерпевшего к одурманивающему или отравляющему веществу; условия (возраст, состояние здоровья, наполнение желудка), способствовавшие одурманиванию или отравлению; время одурманивания или отравления; идентифицировать одурманивающее или отравляющее вещество;

– товароведческая экспертиза позволит определить стоимость потери товарного вида и установить причиненный ущерб;

– осмотр и приобщение вещественных доказательств к уголовному делу позволит сделать вывод об относимости осматриваемого предмета к уголовному делу, а также выделить необходимые для его индивидуализации признаки;

– опознание по фотографии позволит идентифицировать личность преступника и предмет хищения; установить причинно-следственную связь с расследуемым событием;

– отдельные поручения о производстве следственных и оперативно-розыскных мероприятий позволят организовать более тесное взаимодействие; устранить разобщенность между участниками расследования; обмениваться имеющейся информацией, а также целенаправленно и активно проводить совместные оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия.

Взаимодействие с ОАО «РЖД» позволит сотрудникам ОВД быть информированными о лицах, склонных к легкомысленным знакомствам, рассеянности или, наоборот, чье поведение опасно для пассажиров и их имущества, а также о найденных на обслуживаемых ими участках железной дороги документах или вещах. Взаимодействие с провайдерами мобильной связи позволит получить сведения о лице, у которого находится украденный телефон, и в дальнейшем запланировать проведение оперативно-розыскных и следственных мероприятий, направленных на доказывание выявленных обстоятельств. Взаимодействие со средствами массовой информации позволит дезинформировать о ближайших планах следствия, а также нейтрализовать попытки противодействия со стороны преступников.

Представленная программа (алгоритм) действий является адаптированной к расследованию карманных краж на железнодорожном транспорте, на наш взгляд, учитывает факторы внезапности, динамичности и непрерывности раскрытия рассматриваемой категории преступлений.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ЭЛПИС, 2005. 944 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1998. 683 с.
3. Калинин Ю.В. О понятии раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 35-36.
4. Гаврилов А.К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы). Волгоград: Изд-во НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1976. 207 с.
5. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.
6. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. 183 с.
7. Танасевич В.Г. Криминалистическое понятие раскрытия преступления // Социалистическая законность. 1975. N 10. С. 50-58.
8. Танасевич В.Г. О предмете советской криминалистики (в порядке обсуждения) // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 108-130.
9. Бердичевский Ф.Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 131-149.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.
11. Мазунин Я.М. О понятии раскрытия преступления // Совершенствование следственной и экспертной практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (2 июня 2010 г.). Омск: Омская акад. МВД России, 2010. С. 79-83.
12. Якубович Н.А. Предварительное расследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. 20 с.
13. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Инфра-М-NORMA, 2001. 240 с.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, ELPIS Publ., 2005. 944 p.
2. Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 tomakh. Tom 4.* [Explanatory Dictionary of of living great Russian Language in 4 volumes. Volume 4]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998. 683 p.
3. Kalinin Yu.V. *O ponyatii raskrytiya prestupleniy* [About concept of disclosure of crimes]. *Voprosy kriminalisticheskoy taktiki i metodiki rassledovaniya* [Questions of criminalistic methodology, tactics and investigation technique]. Moscow, 1973. Pp. 35-36.
4. Gavrillov A.K. *Raskrytie prestupleniy na predvaritel'nom sledstvii (pravovye i organizatsionnye voprosy)* [Detection of crime in the preliminary investigation (legal and organizational issues)]. Volgograd, 1976. 207 p.
5. Obratsov V.A. *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy* [Criminalistic classification of crimes]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publisher, 1988. 176 p.
6. Gerasimov I.F. *Nekotorye problemy raskrytiya prestupleniy* [Some problems of disclosure of crimes]. Sverdlovsk, 1975. 183 p.
7. Tanasevich V.G. *Kriminalisticheskoe ponyatie raskrytiya prestupleniya* [Criminalistic concept of disclosure of a crime]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* – Socialist legality, 1975, no. 10. Pp. 50-58.
8. Tanasevich V.G. *O predmete sovetskoy kriminalistiki (v poryadke obsuzhdeniya)* [About a subject of the Soviet criminalistics (as discussion)]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Problems of combating crime]. Moscow, 1976. Edition 24. Pp. 108-130.
9. Berdichevskiy F.Yu. *O predmete i ponyatiynom apparate kriminalistiki* [About a subject and a conceptual framework of criminalistics.]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Problems of combating crime. Moscow, 1976. Edition 24. Pp. 131-149.
10. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. V 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii* [Course of criminalistics. In 3 volumes. Volume 3: Criminalistic means, receptions and recommendations]. Moscow, Yurist" Publ., 1997. 480 p.
11. Mazunin Ya.M. *O ponyatii raskrytiya prestupleniya* [About concept of disclosure of a crime]. *Sovershenstvovanie sledstvennoy i ekspertnoy praktiki* [Improvement of investigative and expert practice]. Omsk, Omsk Academy of Ministry of the Interior Affairs of Russia,, 2010. Pp. 79-83.
12. Yakubovich N.A. *Predvaritel'noe rassledovanie. Avtoref. Doct. Diss.* [Preliminary investigation. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 1977. 20 p.
13. Belkin R.S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Kriminalistics: problems of today. Burning issues of the Russian criminalistics]. Moscow, Infra-M-NORMA Publ. house, 2001. 240 p.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

КРЮКОВ К.Г., kostarus@list.ru	KRYUKOV K.G., kostarus@list.ru
Кафедра криминалистики; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, Корепина, 66	Chair of criminalistics; Urals Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

КОРРУПЦИЯ В ПОЛИЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАРКОТРАФИК В РЕСПУБЛИКЕ ЛИБЕРИЯ

Реферат. Показана прямая причинно-следственная связь между разрушением государственных структур, произошедшим в ходе гражданской войны в Республике Либерия, высоким уровнем коррупции в правоохранительных органах и вовлечением этой страны в транснациональный наркотрафик. Дана краткая историческая и политико-экономическая характеристика Республики Либерия, изложены основные задачи Миссии Организации Объединенных Наций, включая полицейский компонент, показано современное состояние либерийских полицейских сил, отмечается высокий уровень коррупции в правоохранительных органах. Приведены результаты независимых исследований «либерийской проблемы», проведенных международными гуманитарными организациями, дана оценка деятельности вновь созданного Агентства по борьбе с наркотиками, упомянут инцидент с российским гражданином, арестованным в Либерии и тайно вывезенным в США. Сделан вывод о том, что государство, восстанавливающее свою разрушенную многолетней гражданской войной инфраструктуру, столкнулось с такими серьезными проблемами, как коррупция в полиции и вовлечение населения в производство наркотиков и международный наркотрафик. Для преодоления этих трудностей либерийскому руководству необходимо начать серьезную работу по повышению профессионализма и искоренению коррупции среди полицейских. Без авторитета и доверия граждан даже подготовленная и оснащенная полиция не может эффективно функционировать. Все это произошло на фоне разрушенной экономики, отсутствия интеграционных связей, неграмотности и нехватки квалифицированных трудовых ресурсов. Аргументируется необходимость тщательно выбирать таких союзников, которые могли бы реально помочь возрождающейся Либерии. Суверенитет государства исключает прямое подчинение иностранному партнеру, а его стратегическим интересам противоречит ситуация, когда в угоду одним странам оно пренебрегает отношениями с другими.

Ключевые слова: гражданская война, наркотрафик, правоохранительные органы, полиция, коррупция, агентство по борьбе с наркотиками, наркодилер.

POLICE CORRUPTION AND INTERNATIONAL DRUG TRAFFICKING IN THE REPUBLIC OF LIBERIA

Abstract. The connection between the destruction of state structures that occurred during the civil war in Liberia, the high level of corruption in law enforcement agencies, and the involvement of this country in transnational drug trafficking is described in the article. A brief historical, political and economic characteristic of the Republic of Liberia is given. The main tasks of the UN Mission, including the police component, are described. The current state of the Liberian police force is analyzed, the high level of corruption in law enforcement agencies is underlined. The results of the independent research of "the Liberian problem" conducted by the international humanitarian organizations are presented by the author. The activity of the newly created drug fighting agency is estimated. The incident with the Russian citizen who was arrested in Liberia and smuggled to the United States is mentioned. The author comes to the conclusion that the state reestablishing its infrastructure destroyed by the long civil war, has faced such serious problems as police corruption and involvement of the population into manufacture of drugs and international drug trafficking. To overcome these difficulties the Liberian government has to start serious work on improving the police professionalism and eradication of corruption among police officers. Even well equipped police force can not operate effectively without the confidence of citizens. The above men-

tioned problems have arisen due to the destroyed economy, population illiteracy, lack of skilled staff, etc. The need to carefully choose allies who could help the reviving country is emphasized.

Keywords: civil war, drug trafficking, law enforcement agencies, police, corruption, drug fighting agency, drug dealer.

Республика Либерия – государство в Западной Африке, которое известно прежде всего своим торговым флотом. В настоящее время по количеству торговых судов, приписанных к Свободному порту Монровии, Либерия входит в первую мировую тройку вместе с Панамой и Грецией. Сегодня эта западно-африканская страна, возглавляемая первой в Африке женщиной-президентом Эллен Джонсон-Серлиф, стремится к политической стабильности и восстанавливается после долголетней гражданской войны при содействии многочисленных международных «доноров».

Еще одна особенность этой страны состоит в том, что на всем африканском континенте в период колониального раздела в XVIII-XIX веках, кроме Эфиопии, только Либерии удалось остаться независимой. В то же время фактически Либерия изначально являлась колонией Соединенных Штатов Америки, которые в 30-е годы XIX века отправили туда первых поселенцев, и с тех пор имеют в Африке подконтрольное и лояльное во всех отношениях государство.

Интересной отличительной чертой Либерии является то, что ее гражданином может стать только представитель черной расы. Согласно статье 27 Конституции Республики Либерия «В целях сохранения, содействия и поддержания положительной либерийской культуры, ценностей и характера только негры или негры по происхождению или цвету кожи имеют право быть гражданами Либерии. Следуя названным стандартам, законодательная власть обязана использовать вышеуказанные критерии для проведения процедуры натурализации» [1]. В век политкорректности и расовой толерантности это положение выглядит по меньшей мере дискриминационным.

Несмотря на неплохой экономический потенциал, заключающийся в огромном коммерческом флоте и богатейших природных ресурсах, Либерия является одним из самых бедных государств мира. ВВП на душу населения составляет 500 долларов (226-е место в мире). Около 80 % насе-

ления находится ниже уровня бедности. Объяснений этому несколько, но главное – гражданская война, которая шла в стране в период с 1989 по 2003 гг. Основной причиной войны в Либерии было неравноправное положение потомков основавших эту страну черных переселенцев из США и представителей местных племен. Первым в течение полутора веков принадлежала и политическая власть, и все основные источники функционирования либерийской экономики – недра, сельское хозяйство, порты. Соответственно, и полиция Либерии формировалась в основном из числа так называемых «американцев». Местным племенам оставалось только подчиняться и терпеть рабское положение, напоминающее то, в котором были предки их поработителей на американском юге до переселения в Африку. Вооруженный конфликт в Либерии начался после того, как представитель одного из местных племен сержант Сэмюэль Доу в результате военного переворота стал президентом. Последовавший экономический спад, вызванный прекращением американской экономической помощи, стал причиной массового недовольства в стране, и в 1989 году вооруженная оппозиция во главе с «американцем» Чарльзом Тэйлором начала боевые действия против правительства Доу. Война, длившаяся 14 лет, унесла более 200 тысяч жизней и разрушила всю инфраструктуру и систему государственных органов Либерии, в том числе и полицейскую службу. В 2003 году, после вынужденного силового вмешательства войск Экономического сообщества западно-африканских государств (ЭКОВАС) и Организации Объединенных Наций, война в Либерии была остановлена [2].

С этого времени в Либерии действует Миссия Организации Объединенных Наций, задачами которой являются восстановление разрушенного войной государства, помощь в восстановлении либерийской экономики, тренинги и мониторинг деятельности местной полиции и других правоохранительных органов. Миссия ООН всесторонне поддерживает возрождение Либерии с момента подписания Всеобъ-

емлющего мирного соглашения, заключенного в 2003 году в г. Аккре (Гана). В 2013 году миссия приступила к сокращению своих миротворческих сил, которые в настоящее время насчитывают около 8 000 военнослужащих и полицейских, и планирует вдвое уменьшить свое присутствие к 2015 году. Шаг за шагом задача поддержания законности и правопорядка в стране переходит к правительству Либерии и его правоохранительным органам.

Поскольку за годы войны полиция Либерии просто перестала существовать, то в мандат Миссии ООН была включена задача по ее формированию, обучению и мониторингу. Для этого в г. Монровии была открыта полицейская академия, где будущие полицейские обучаются по американскому образцу. Курс обучения длится всего четыре месяца, после чего выпускники академии направляются на работу в территориальные участки и приступают к выполнению своих обязанностей. В зависимости от имеющихся вакансий они занимают должности патрульных, инспекторов дорожной полиции и даже детективов. При столь краткосрочной подготовке, а также при отсутствии должного материально-технического обеспечения, которое выражается, в частности, в нехватке помещений, оружия, спецсредств, транспорта и средств связи, либерийская полицейская служба абсолютно неэффективна даже в плане обеспечения общественного порядка, не говоря уже о расследовании преступлений, особенно сложных, многоэпизодных и связанных с организованной преступностью.

Но не только отсутствие опыта и средств мешает либерийской полиции стать эффективно действующим правоохранительным органом. Ее самая серьезная проблема — коррупция. Международная гуманитарная организация «Human Rights Watch» даже провела специальное исследование коррупционных проявлений в полиции Либерии. Его результаты были опубликованы под красноречивым заголовком: «Нет денег — нет правосудия» [3].

Правительство Либерии также постоянно подчеркивает важность восстановления системы правоохранительных органов, особенно полиции, для обеспечения послевоенного гуманитарного развития и соблюдения прав человека. В стране раз-

работано и принято к исполнению два общенациональных плана развития — «Стратегия борьбы с бедностью» и «Перспективный план возрождения — 2030». В обоих названных документах подчеркивается важность обеспечения законности и правопорядка, и в первую очередь — укрепления национальной полиции [4; 5].

Для мониторинга деятельности либерийской национальной полиции (далее — ЛНП) в каждый полицейский участок были направлены наблюдательные группы полиции ООН, в которые входят опытные полицейские из разных стран мира, обеспеченные транспортом, современными средствами связи и необходимым оборудованием. В число задач данных групп входит продолжение обучения местных коллег, наблюдение за их работой, мониторинг и выполнение функций советников и наставников.

ЛНП, которая сегодня насчитывает четыре с половиной тысячи сотрудников (в два раза больше, чем либерийская армия), несет основную ответственность за поддержание правопорядка и обеспечение атмосферы стабильности, необходимой для постконфликтного восстановления и развития страны. По ориентировочной оценке Миссии ООН, Либерии понадобится увеличить штат полиции до 8 000 человек, для того чтобы адекватно выполнять полицейские функции после вывода полицейских-миротворцев из страны. Однако в своем докладе по Либерии Генеральный секретарь ООН подчеркнул, что приоритетом является повышение качества подготовки полицейских и обеспечение надлежащего выполнения ими своих обязанностей, а не увеличение их количества. Аналогичный тезис был высказан и Президентом Э. Джонсон-Серлиф в заявлении по фактам неправомερных действий полиции, получившим широкий общественный резонанс: «после ухода ООН только грамотное управление сможет сохранить мир в стране» [6; 7].

Обследования, проведенные в стране международными гуманитарными организациями, показывают, что способность полиции обеспечить строгое соблюдение законов и расследовать правонарушения серьезно скомпрометирована актами беззакония и злоупотреблениями, которые допускают полицейские, в особенности по

отношению к беднейшим слоям общества. В полиции распространены коррупция, непрофессионализм и безответственность. Согласно опросам, проведенным международной организацией «Transparency International» в 2013 году, либерийцы воспринимают полицию как самую коррумпированную организацию в стране (второе место занимают суды)[8].

В специальном исследовании, проведенном Human Rights Watch в 2013 году, приняли участие 120 жертв полицейской коррупции и 35 сотрудников полиции из четырех округов Либерии, при этом опрашивались как городские, так и сельские жители. Независимо от места их проживания жертвы полицейского произвола часто высказывали свое неверие в либерийскую правоохранительную систему, утверждая, что «справедливость — не для бедных», «нет денег — нет правосудия». Они говорили о полицейском вымогательстве на всех стадиях судопроизводства — начиная с регистрации заявления и заканчивая освобождением из-под ареста. Такое пренебрежение основными принципами правосудия создало в обществе стойкое убеждение в том, что не степень вины лица определяет исход расследования, а степень его богатства. К полицейским относятся не как к защитникам, а как к опасным «хищникам», особенно после «рейдов», в ходе которых полиция окружает село и начинает сплошной обыск домов и их обитателей под предлогом поиска оружия или контрабанды. При этом все заканчивается требованием денег, иногда с применением угроз и насилия. В столице жертвами полицейского вымогательства чаще всего становятся таксисты и уличные торговцы.

Либерийские полицейские при выполнении своих обязанностей также сталкиваются с многочисленными проблемами. Как уже отмечалось, не хватает автомобилей, топлива, канцелярских принадлежностей. Заработная плата патрульного составляет 135 долларов США в месяц — этого явно недостаточно для удовлетворения самых элементарных потребностей. В результате полицейские идут на вымогательство и взяточничество. Командиры и начальники полицейских подразделений оказывают давление на своих подчиненных, требуя от них регулярных денежных «подношений», часть которых направляют вышестоящему

руководству. Кроме того, полицейские вынуждены оплачивать повышения по службе, привлекательные должности и другие блага, а иногда они просто платят, чтобы избежать неприятных заданий и непривлекательных назначений. В погоне за деньгами полицейские могут «охотиться» на таксистов и торговцев в служебное время, вместо того чтобы находиться на своем рабочем месте. Это причиняет двойной вред — жертвам взяточничества, с одной стороны, и всему обществу, остающемуся без защиты, — с другой. Не дождавшиеся очередной смены командиры порой не знают, кем заполнить посты и патрули.

В то же время нельзя не признать, что за время, прошедшее с момента окончания войны, ЛНП удалось несколько улучшить свою работу. Так, благодаря постоянному мониторингу и тренингу местных полицейских со стороны их коллег из Миссии ООН аресты стали производиться более профессионально и на законных основаниях. Полицейские усвоили, наконец, что через 48 часов после задержания подозреваемому следует предъявить обвинение или освободить его. Значительно сократилось количество случаев рукоприкладства по отношению к задержанным. Постепенно удается преодолеть круговую поруку среди полицейских — все больше регистрируется случаев, когда они официально сообщают о неподобающем поведении своих коллег. Здесь во многом заслуга «отдела профессиональных стандартов» — службы внутренних расследований ЛНП.

Однако, несмотря на некоторые позитивные изменения, в стране по-прежнему процветает полицейская коррупция. Руководство ЛНП поставило своей первоочередной задачей повышение ответственности и внутренней культуры своих сотрудников. Отметим, что расследований, проводимых службой профессиональных стандартов по жалобам граждан на полицейских, по-прежнему очень мало. Большая часть таких заявлений остается без внимания, и большинство виновных к ответственности не привлекаются. Многие заявители, пытавшиеся подать жалобу руководству полиции или в службу профессиональных стандартов, заявляют, что их попытки остаются безуспешными. А еще большее число жертв полицейского произвола никуда не обращается — они либо боятся мести поли-

цейских, либо уже имеют негативный опыт безрезультатных поисков справедливости.

Все эти обстоятельства неизбежно заставляют признать, что сегодня ЛНП не способна самостоятельно победить коррупцию на всех уровнях своей структуры, а ее руководители не могут служить положительным примером профессионализма и уважения прав человека для подчиненных. Полицейские наблюдатели Миссии ООН неоднократно подчеркивали, что неудовлетворительное выполнение своих обязанностей сотрудниками ЛНП – потенциальное препятствие обеспечению мира и безопасности в Либерии. Очередной ежегодный обзор миротворцев назвали «отрезвляющей оценкой» возможностей Либерийской национальной полиции, поскольку в этом документе была выражена серьезная озабоченность по поводу критической ситуации с материальным обеспечением и абсолютно непрофессиональным выполнением своих обязанностей большинством полицейских. В обзоре также подчеркнуто, что на словах руководство страны уделяет большое влияние развитию правоохранительных органов, а в действительности уровень управления ими остается крайне слабым, отсутствует контроль за ними со стороны общества, уровень коррупции и злоупотреблений остается таким же высоким, как и во времена прежних либерийских режимов [9].

Прогрессирование полицейской коррупции подрывает верховенство права в Либерии и нарушает права простых граждан. Запугивание и вымогательство ставят под угрозу жизнь, свободу и безопасность простых либерийцев, лишают их равного права на защиту со стороны закона. Общеизвестно, что либерийское правительство добилось существенного прогресса в политической и экономической сферах за те 10 лет, которые прошли со времени окончания гражданской войны. Теперь пришло время обуздать коррупцию и беззаконие в полиции, обеспечить соблюдение основных прав и свобод человека и восстановить доверие граждан к правоохранительной системе.

Автор данной статьи в составе российского полицейского контингента Миссии ООН находился в Либерии в 2007-2008 годах, где, наряду с выполнением других служебных задач, принимал участие в рас-

следовании преступлений различных категорий, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических веществ.

Поводом, заставившим международных полицейских советников и руководство местной полиции обратить особое внимание на необходимость усиления борьбы с распространением наркотиков, послужило трагическое происшествие – катастрофа российского вертолета, произошедшая в округе Нимба, граничащем с государствами Гвинея и Кот-д'Ивуар. 2 ноября 2007 вертолет Ми-8 авиакомпании «UTair» выполнял рейс по маршруту Ганта – Логуато по заявке гуманитарной миссии ООН в Либерии и перевозил продукты питания. Предполагалось, что вертолет с гуманитарным грузом сбился с воздуха. Все три летчика, граждане России, погибли. Как сообщила пресс-служба авиакомпании «UTair», «на элементах конструкции вертолета обнаружены множественные характерные цилиндрические отверстия». Поэтому основной первоначальной версией о причине крушения стал обстрел вертолета с земли [10].

Вертолет был гражданским (без какого-либо вооружения), как и члены экипажа. Он не мог представлять никакой угрозы ни для оставшихся в джунглях повстанцев, ни для правительственных сил, ни – тем более – для вооруженных контингентов сил ООН. Кому же мог помешать низколетящий гражданский вертолет? Возникло предположение о том, что, возможно, члены экипажа стали свидетелями нелегальной активности в удаленном от основных транспортных путей регионе страны. В связи с этим руководством полиции ООН в округе Нимба совместно с местной полицией и командованием международного воинского контингента был разработан план проведения проверочных рейдов по территории административного района Ганта, расположенной в глубине джунглей, в стороне от главных дорог. В результате в ходе каждого такого рейда вблизи местных сел выявлялись посевы марихуаны, которые уничтожались путем скашивания и сожжения конопли.

Другим фактом, свидетельствующим о наличии в регионе развитого наркотрафика, стало обнаружение 1 июня 2008 года в том же округе Нимба 150 кг марихуаны в трех мешках, которые бросили

двое неизвестных мужчин, перевозивших наркотик на такси в сторону Гвинеи. Между наркodelьцами возникла ссора и драка, которая привлекла внимание местных жителей. Увидев, что к месту драки приближается толпа, наркodelеры скрылись, бросив мешки.

После того как сходные инциденты стали регулярно регистрироваться в полицейских участках на территории нескольких либерийских округов, примыкающих к границам с Гвинеей, Кот-д'Ивуаром и Сьерра-Леоне, стало очевидно, что проблема носит общенациональный, а не локальный характер.

Поскольку полицейская служба в силу своей коррумпированности, непрофессионализма и безответственности оказалась абсолютно неэффективна в борьбе с формирующимся наркотрафиком, то в Либерии, вновь по американскому образцу, было создано DEA* – Агентство по борьбе с наркотиками, которое вынуждено было признать: при полном отсутствии другой работы выращивание марихуаны для многих либерийцев – единственный способ получения средств к существованию. Этому способствует влажный жаркий климат, обеспечивающий стабильный урожай и высокую прибыль при минимальных вложениях. Об этом же говорит агентство ООН по борьбе с наркотиками и преступностью UNODC**: «климат многих африканских стран, таких как Либерия, идеален для выращивания марихуаны. Как растительная культура, марихуана позволяет получать высокий доход при небольших инвестициях» [11].

Руководство либерийского DEA официально заявляет о катастрофической нехватке личного состава, недостаточном финансировании и отсутствии правовой базы, то есть всего, что необходимо для эффективной борьбы с распространением наркотиков. По словам исполнительного директора Агентства Джеймса Джелаха, «Сейчас в нашем распоряжении только пять автомобилей, все закреплены за центральным аппаратом. В наших 15 периферийных отделах нет возможности приобретения автотранспорта, и это лишает нас

какой-либо оперативной мобильности. Финансовой поддержки нам не оказывает ни наше правительство, ни международное сообщество. Слабые законы – еще одна проблема. Наркodelеры чаще приговариваются к штрафу, чем к тюремному заключению, а средняя сумма штрафа равняется 50 долларам США. Тем не менее мы продолжаем действовать, проводим аресты распространителей наркотиков и доставляем их в суд. Однако там им обычно вручают штрафную квитанцию, и после ее оплаты эти лица возвращаются на свободу и возобновляют свою противозаконную деятельность. Наказание слишком мягкое, мы не можем даже сравнивать его с санкциями за аналогичные деяния в других странах» [12].

Либерийские правоохранительные органы не располагают ни материально-техническими ресурсами, ни достаточно сильной правовой базой, чтобы эффективно бороться с производством и распространением наркотиков. Суды выпускают обвиняемых в наркопреступлениях под залог всего в 72 доллара США, а один мешок марихуаны продается на «черном рынке» за 300 долларов. И если первоначально местное население лишь выращивало марихуану, то постепенно либерийцы, прежде всего молодые, вовлекаются в ее употребление. По данным UNODC, 13,5 % населения Либерии употребляет марихуану.

Но это, к сожалению, уже не самая серьезная угроза в настоящее время, поскольку либерийское побережье – часть Африки, наиболее близко расположенная к Южной Америке. При наличии огромного либерийского флота и отсутствии строгих законов по борьбе с наркотиками, а также при слабой, неподготовленной полиции страна становится привлекательной территорией для транснационального наркотрафика. Крупнейшим мировым производителем кокаина по сей день остается Колумбия, на втором и третьем месте – Перу и Боливия. За год Колумбия производит более 400 тонн кокаина, Перу – более 300 тонн, а Боливия – более 100 тонн. Большая часть этого кокаина идет в США, но немалая часть (около 40 %) попадает и в Европу. Первоначально кокаин попадал в Европу через страны Карибского моря и порты Испании, но с усилением

* Drugs Enforcement Agency.

** The United Nations Office on Drugs and Crime.

ем европейской интеграции наркотрафик стал проходить через Западную Африку, в том числе — через 500-километровое побережье Либерии с ее многочисленными портами. Через Африку проходит четвертая часть экспортируемого в Европу кокаина, что составляет около 50 тонн в год. Кроме Либерии, этот маршрут проходит через Гамбию и Гвинею — Бисау, но именно Либерия является наиболее уязвимой.

Поскольку собственное правительство не желает спонсировать либерийское агентство DEA, его руководители возлагают наибольшие надежды на помощь одноименной службы США. Однако оттуда периодически приходит лишь помощь в виде канцелярских товаров или небольших партий наручников, а реальных инвестиций не поступает. Желая «выслужиться» перед потенциальным спонсором, либерийские спецслужбы готовы на все, в том числе и на явные нарушения закона.

В качестве примера может послужить арест российского пилота К. Ярошенко. 18 мая 2010 года он прилетел на переговоры по новому контракту в Либерию, в этой стране ранее не был. 28 мая его арестовали в Монровии сотрудники Агентства национальной безопасности по обвинению в подготовке к транспортировке крупной партии кокаина. 30 мая 2010 года либерийские власти передали Ярошенко в руки сотрудников американского DEA на основании ордера на арест, выданного окружным судом США по южному округу Нью-Йорк. 1 июня 2010 года DEA доложило о раскрытии сети наркоторговцев, которые планировали доставить в Либерию и Гану из Колумбии три крупных партии кокаина общим весом около 4 тонн и стоимостью 100 миллионов долларов. В Либерии Ярошенко в ходе задержания и при проведении первых допросов подвергли издевательствам и пыткам, которые подорвали его здоровье. 19 июля Посольство России в Вашингтоне направило ноту в Государственный департамент США, указав на недопустимость того, что дипломатические службы не были вовремя информированы о задержании российского пилота. Российские дипломаты утверждают, что еще никогда столь серьезно не была нарушена Венская конвенция 1963 года о дипломатических сношениях — впервые американские спецслужбы захватили российского

гражданина на территории третьей страны, чтобы тайно вывезти в США.

7 сентября 2011 года окружной суд США по Южному округу штата Нью-Йорк вынес приговор К. Ярошенко, признанному виновным в преступном сговоре с целью контрабанды крупной партии наркотиков, часть которой якобы предназначалась для реализации в США. Председательствующий на процессе федеральный судья определил Ярошенко меру наказания в виде 20 лет лишения свободы [13].

Сам Ярошенко, который сейчас отбывает срок в тюрьме «Форт-Дикс», заявляет, что основные улики против него сфабрикованы. 17 февраля 2014 года Ярошенко обратился к Президенту России с просьбой о помощи в связи с резким ухудшением состояния здоровья. Ранее и МИД РФ, и сам осужденный подавали ходатайство о выдаче его для отбывания наказания в Россию, что разрешается Конвенцией Совета Европы, подписанной, кстати, и Вашингтоном, и Москвой. Это правило стало уже нормой в международных отношениях, но в данном случае Москва получила из Вашингтона категорический отказ, причем ничем не мотивированный. Тогда же МИД России возмутился тем, что «американская сторона цинично проигнорировала гуманитарный аспект — подорванное здоровье Константина Ярошенко в результате избиений и пыток при аресте, а также неоказание ему адекватной медицинской помощи во время тюремного заключения» [14].

В августе 2014 года, по истечении установленного американским законом трехлетнего срока, адвокат приговоренного подаст ходатайство на пересмотр уголовного дела. Уже известно, что его рассмотрит судья из «антимагнитского списка» Джед Ракофф (Jed Saul Rakoff) [15].

Большие сомнения вызывает то, что подобные акции могут обеспечить значительный прогресс в деятельности либерийских борцов с распространением наркотиков. Кроме того, инциденты такого рода не могут способствовать улучшению отношений между нашими странами.

В заключение следует отметить, что Либерия, пережившая четырнадцатилетнюю войну и с огромными трудностями пытающаяся восстановить мирную жизнь, сталкивается с множеством проблем. Это и разрушенная экономика, и отсутствие

интеграционных связей, неграмотность и нехватка квалифицированных трудовых ресурсов. Еще одним непреодолимым препятствием на пути к возрождению страны может стать коррупция, процветающая на всех уровнях государственной власти, в том числе в правоохранительных органах, и в первую очередь в формируемой либерийской полиции. Без авторитета у населения и доверия граждан даже подготовленная и оснащенная полиция не может эффективно функционировать. А такая непрофессиональная, как в Либерии, — тем более.

По-прежнему самую серьезную угрозу воссозданию развитой и независимой

Либерии сегодня представляет рост преступности, распространение наркотиков и вовлечение этой страны в систему транснационального наркотрафика. В борьбе с этими разрушительными явлениями необходимо тщательно выбирать таких союзников, которые могли бы реально помочь возрождающейся стране. Государство, стремящееся быть суверенным и независимым, не может слепо подчиняться воле пусть даже сильного, но иностранного партнера, и тем более не может в угоду одним странам пренебрегать отношениями с другими, нарушая нормы международного права.

Список литературы

1. Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/270> (дата обращения: 11 февр. 2014 г.).
2. "First Liberian Civil War" (from Wikipedia, the free encyclopedia). URL: <http://en.wikipedia.org> (дата обращения: 12 февр. 2014 г.).
3. Liberia – Human Rights Watch "No Money, No Justice". URL: <http://www.hrw.org/node/117948/section/> (дата обращения: 14 февр. 2014 г.).
4. Poverty Reduction Strategy Papers (PRSP). URL: <http://www.imf.org/external/np/prsp/prsp.aspx> (дата обращения: 14 февр. 2014 г.).
5. Liberia's new national development strategy Planning for Stronger Results in a Low Capacity Context. URL: <http://wbi.worldbank.org> (дата обращения: 16 февр. 2014 г.).
6. Двадцать шестой периодический доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций в Либерии (МООНЛ). URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 16 февр. 2014 г.).
7. Liberia's Johnson-Sirleaf defends governance record. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/05/17/> (дата обращения: 16 февр. 2014 г.).
8. Global Corruption Report 2013: World's Biggest Countries For Bribes, According To Transparency International. URL: http://www.huffingtonpost.com/2013/07/09/global-corruption-report-2013_n_3568242.html (дата обращения: 18 февр. 2014 г.).
9. Support for the implementation of the Peace Process. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/unmil/> (дата обращения: 18 февр. 2014 г.).
10. Фрагменты вертолета UTair, потерпевшего крушение в Либерии, доставлены в Россию. Обстрел Ми-8 пока не подтверждается. URL: <http://www.ura.ru/content/khanti/17-01-2008/news/33083.html> (дата обращения: 11 февр. 2014 г.).
11. Voice of America "Liberia Struggles To Crack Down On Farmers Growing Marijuana". URL: <http://www.voanews.com/content> (дата обращения: 11 февр. 2014 г.).
12. Voice of America "Liberia: A long Way From Winning War On Drugs". URL: <http://www.voanews.com/content> (дата обращения: 11 февр. 2014 г.).
13. Давыденко В., Ермолаева Н. Нота и кокаин. Американские спецслужбы тайно вывезли российского летчика из Либерии в США // Рос. газ. 2010. 21 июля.
14. Летчик Ярошенко просит Путина помочь вернуться на Родину. URL: <http://www.kp.ru/online/news/1661733/> (дата обращения: 17 февр. 2014 г.).
15. Защита Ярошенко в августе будет ходатайствовать о пересмотре дела. URL: <http://www.kp.ru/online/news/1665472/> (дата обращения: 20 февр. 2014 г.).

References

1. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Internet-biblioteka konstitutsiy Romana Pashkova* [Constitution states (countries) in the world. Online library constitutions Roman Pashkov]. Available at: <http://worldconstitutions.ru/archives/270> (Accessed 11 February 2014).

2. "First Liberian Civil War" (from Wikipedia, the free encyclopedia). Available at: <http://en.wikipedia.org> (Accessed 12 February 2014).
3. Liberia – Human Rights Watch "No Money, No Justice". Available at: <http://www.hrw.org/node/117948/section/> (Accessed 14 February 2014).
4. Poverty Reduction Strategy Papers (PRSP). Available at: <http://www.imf.org/external/np/prsp/prsp.aspx> (Accessed 14 February 2014).
5. Liberia's new national development strategy Planning for Stronger Results in a Low Capacity Context. Available at: <http://wbi.worldbank.org> (Accessed 16 February 2014).
6. *Dvadsat' shestoy periodicheskiy doklad General'nogo sekretarya o Missii Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy v Liberii (MOONL)* [Twenty-sixth periodic report of the Secretary-General on the United Nations Mission in Liberia (UNMIL)]. Available at: <http://www.un.org> (Accessed 16 February 2014).
7. Liberia's Johnson-Sirleaf defends governance record Available at: <http://www.reuters.com/article/2013/05/17/> (Accessed 16 February 2014).
8. Global Corruption Report 2013: World's Biggest Countries For Bribes, According To Transparency International. Available at: http://www.huffingtonpost.com/2013/07/09/global-corruption-report-2013_n_3568242.html (Accessed 18 February 2014).
9. Support for the implementation of the Peace Process. Available at: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/unmil/> (Accessed 18 February 2014).
10. *Fragmenty vertoleta UTair, poterpevshego krushenie v Liberii, dostavleny v Rossiyu. Obstrel Mi-8 poka ne podtverzhdaetsya* [Fragments helicopter UTair, crashed in Liberia, delivered to Russia. Shelling Mi-8 has not been confirmed]. Available at: <http://www.ura.ru/content/khanti/17-01-2008/news/33083.html> (Accessed 11 February 2014).
11. Voice of America "Liberia Struggles To Crack Down On Farmers Growing Marijuana". Available at: <http://www.voanews.com/content> (Accessed 11 February 2014).
12. Voice of America "Liberia: A long Way From Winning War On Drugs". Available at: <http://www.voanews.com/content> (Accessed 11 February 2014).
13. Davydenko V., Ermolaeva N. *Nota i kokain. Amerikanskije spetssluzhby tayno vyvezli rossiyskogo letchika iz Liberii v SShA* [Note and cocaine. U.S. intelligence agencies secretly taken Russian pilot from Liberia to the United States]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Newspaper*, 2010, 21 July.
14. *Letchik Yaroshenko prosit Putina pomoch' vernut'sya na Rodinu* [Pilot Yaroshenko asks Putin to help return home]. Available at: <http://www.kp.ru/online/news/1661733/> (Accessed 17 February 2014).
15. *Zashchita Yaroshenko v avguste budet khodataystvovat' o peresmotre dela* [Yaroshenko protection in August will apply for a retrial]. Available at: <http://www.kp.ru/online/news/1665472/> (Accessed 20 February 2014).

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

РУСИНОВ Р.К., кандидат юридических наук, профессор, tgp@usla.ru	RUSINOV R.K., Candidate of Legal Sciences, professor, tgp@usla.ru
Кафедра теории государства и права; Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, Комсомольская, 21	Chair of state and law theory; Ural State Law Academy, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Реферат. Рассматриваются основные требования к реализации компетентностной парадигмы профессионального образования сотрудников правоохранительных органов. Показана низкая эффективность ранее сформировавшихся (трансляционная, авторитарно-знаниевая) образовательных парадигм в условиях постоянно изменяющейся действительности. Проводится разграничение терминов «компетенция» и «компетентность», в том числе применительно к сотрудникам правоохранительных органов, подчеркивается необходимость формирования личных качеств обучаемого (публично-ориентированный тип профессионального мышления), иллюстрируется проблема выбора и сортировки образовательной информации в условиях информационной избыточности, задачи преподавателей в этой сфере. Обосновано новое значение юридической герменевтики, позволяющей ориентироваться в массиве правовой информации, аргументируется необходимость постоянной рефлексии для эффективной организации образовательного процесса. Представляется особая группа задач образовательных организаций повышения квалификации — корректировка дефектов вузовской подготовки специалистов, что возможно только путем использования современных и эффективных обучающих методик. Критикуется и доказывается неэффективность реализации программ непрерывного образования, построенных путем набора большого числа учебных дисциплин в форме «предметов-наук», «предметов-отраслей деятельности», «предметов-проблем». Отмечается дисбаланс между фундаментальной и специализированной подготовкой сотрудников правоохранительных органов. Предлагается изучение способов перехода от предметного обучения к деятельностному, когда каждого отдельного преподавателя будет волновать судьба той информации, которую он передал обучающимся, в процессе всей их учебы, а потом и в профессиональной деятельности. Программы развития непрерывного образования должны реализовываться не путем принятия государственных решений, а на уровне образовательной организации, где каждый член педагогического коллектива вносит свой вклад в формирование профессиональной компетентности выпускника, важнейшим условием которой выступает профессиональная компетентность самого преподавателя.

Ключевые слова: непрерывное образование, компетентностная парадигма, педагогическая рефлексия, коммуникация, правовая герменевтика, профессиональная компетентность.

REALIZATION OF COMPETENCE PARADIGM OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS' VOCATIONAL EDUCATION

Abstract. The main requirements for realizing competence paradigm of law enforcement officers' vocational education are considered. Low effectiveness of previously generated educational paradigms (translational, authoritarian) under the conditions of ever changing reality is shown. The terms "competence" and "expert knowledge" are distinguished with regard to law enforcement officers. The author proves the necessity to form trainees' personal qualities (public-oriented type of professional thinking). The problem of selecting and sorting educational information under the conditions of information redundancy and lecturers' tasks in this field are described. The importance of legal hermeneutics, allowing to be competent in the bulk of legal information, and necessity of constant pedagogical reflection for organizing effective educational process are proved. Special group of educational organizations of advanced training' tasks is provided — the correction of university training defects which is

possible only by using modern and effective teaching methods. Ineffectiveness of realizing continuing education programs comprising a large number of disciplines in the form of "science-subjects", "activity branch-subjects", "problem-subjects" is criticized and proved. Disbalance between fundamental and specialized law enforcement officers' training is noted. The ways of transferring from subject-based to activity-based training, when each teacher feels responsible for the information he/she has given to trainees during their entire study and which will be used in professional activities, are examined. The programs of developing continuing education should be implemented not at the state level, but within educational organization, where every member of teaching staff contributes to forming graduates' professional competence, which is conditional to professional competence of the instructors.

Keywords: continuing education, competence paradigm, pedagogical reflection, communication, legal hermeneutics, professional competence.

Большинство социальных процессов, происходящих в нашей стране, предполагает решение задач по более эффективной подготовке юридических кадров. А вопросы совершенствования юридического образования, в свою очередь, требуют как теоретического обсуждения, так и практической работы по внедрению в учебный процесс современных методических приемов.

Современность потребовала смены целей образовательной деятельности. Если прежде перед образовательными учреждениями стояла цель подготовить человека обученного, способного жить и работать в сложившихся социальных условиях, то сегодня требуется подготовить человека обучаемого, способного жить и работать в изменяющихся условиях. Если раньше основной задачей было приобретение знаний, то сейчас надо приобретать социальный и профессиональный опыт использования знаний при решении жизненных задач.

Новые подходы к образовательной деятельности предполагают понимание образования, полученного в любой форме и в любом объеме, как незавершенного. В эпоху информационной цивилизации процессы получения и обновления знаний должны быть включены во все сферы производства и управления. Идея непрерывного образования должна реализовываться во всех учебных заведениях, но лишь система учебных заведений, направленных на повышение квалификации, в определенной степени реализует современную задачу получения образования в течение всей жизни. Эти учебные заведения могут выступать плацдармом развертывания программ непрерывного образования, реализации инновационных процессов в образовании.

В последнее время все больше говорится о компетентном подходе к

проблемам образования, о переходе от трансляционной, авторитарно-знаниевой к деятельностной парадигме*. В новых образовательных стандартах компетентный подход получил нормативно-правовое закрепление, но достаточно ясного и четкого определения эта новация не имеет. Новые государственные образовательные стандарты поставили целью внедрение компетентного, деятельностного подхода к обучению, но не разъяснили смысл такого подхода. Это проявляется, например, в том, что, провозгласив деятельностный подход к содержанию образования, в стандартах оставили предметный характер построения учебных планов. Или в том, что контрольные мероприятия результатов образовательного процесса направлены на проверку памяти, а не деятельности. В связи с этим возникает необходимость разобраться с пониманием и применением компетентного подхода к образовательной деятельности.

В педагогической науке и практике термины «компетенция» и «компетентность» часто употребляются как синонимы и обозначают способность и готовность эффективно организовать и использовать внутренние ресурсы в деятельности для достижения цели. Встречается и понимание компетентности как способности к решению задач, а компетенции — как модели поведения, обеспечивающей эту способность [1; 2, с. 8, 12; 3; 4, с. 58-64].

Достаточно часто компетенция понимается как круг прав и обязанностей в деятельности определенного вида, а компе-

* Парадигма (от греч. «paradigma» — пример, образец. Теория, модель построения и решения исследовательских задач. Образовательная парадигма — это совокупность принятых в педагогическом сообществе мировоззренческих и теоретических предпосылок, определяющих конкретные подходы к образовательной деятельности.

тентность — как личностная способность на совершение какой-либо деятельности. Для лиц, владеющих английским языком, можно привести в качестве примера соотношение глаголов «*may*» — **иметь возможность**, разрешение на совершение определенных действий, уполномочивание (например, *May I come in?*), и «*can*» — **мочь, быть в состоянии**, уметь, (например, *I can drive a car*).

Полагаем, что есть необходимость определиться с понятиями «компетенция» и «компетентность» применительно к правоохранительной деятельности*. В юридической литературе эти термины часто употребляются как однозначные [5]. В нормативных документах, в частности в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования по направлениям подготовки «Юриспруденция» как квалификации (степени) бакалавр, так и квалификации (степени) магистр, используется термин «компетенция», хотя по смыслу должен использоваться термин «компетентность». Применительно к процессу подготовки юристов, работающих в правоохранительных органах, целесообразно придерживаться следующего подхода к определению этих понятий.

Компетенция юриста — это нормативно обозначенный объем его прав и обязанностей, круг его полномочий; это сфера его профессиональной деятельности, определяемая нормами права и другими правилами профессиональной работы; это внешние, гетерономные рамки его профессионального поведения.

Компетентность юриста — это его личностная готовность и способность осуществлять профессиональную деятельность, это его индивидуальные черты, характеризующие его как человека и профессионала. Компетентность характеризует способности человека к той или иной деятельности, соответствие его физических, психологических, интеллектуальных возможностей

определенным сферам профессиональной деятельности. Компетентность — это не просто владение информацией, а способность ее использования в профессиональной деятельности при решении конкретных жизненных задач. Компетентность как бы отвечает на вопрос о том, подходит ли человек для какой-то работы.

Безусловно, компетентность и компетенция — взаимосвязанные качества человека, занимающегося тем или иным видом деятельности. Но для осмысленной деятельности по формированию юриста-профессионала их надо разделять. Грамотный педагог, используя герменевтический метод, разберется в смыслах этих терминов в контексте конкретной ситуации. Преподавательский корпус юридических вузов должен способствовать формированию у обучающихся общекультурных и профессиональных компетентностей, а то, какими компетенциями они будут обладать, будет зависеть от их должностного положения, от тех нормативных актов, которыми будет регламентироваться их профессиональная деятельность.

Если компетенции сотрудника правоохранительных органов устанавливаются и зависят от различных внешних по отношению к нему факторов, то компетентности формируются самим человеком. Формирование компетентностей происходит в процессе практической деятельности, в ходе приобретения личностного опыта достижения поставленных целей. Известный философ и педагог Джон Дьюи считал опыт и средством, и целью образования. Вместе с тем он писал: «Представление о том, что подлинное образование возникает из опыта, не предполагает, что любой опыт подлинно образователен» [6, с. 332]. Позитивный опыт учебной деятельности — обязательный и важный элемент образовательного процесса. Безусловно, требуется определенная работа по формированию у всех обучающихся, в том числе и в системе повышения квалификации, аксиологической** ориентации в учебном процессе.

* Компетентный (от лат. «*competens, competentis*» — соответствующий, способный) — знающий, сведущий в определенной области; компетенция (от лат. «*competere*» — добиваться; соответствовать, подходить) — 1) круг полномочий какого-либо органа, должностного лица; 2) круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен. См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 295.

** Аксиология (от греч. «*axios*» — ценный + логия) — теория ценностей, учение об устойчивых, обобщенных представлениях и ориентациях человека о ценностях, благах, являющихся для него значимыми, желаемыми, выступающих предметом его интереса и желания. См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 28.

Требуется показать, что пришло время, когда человеку для успешной деятельности придется учиться всю жизнь. Учеба должна стать потребностью современного человека, учеба должна доставлять человеку удовлетворение, позитивные эмоции.

Перед юридическими учебными заведениями стоит задача готовить таких сотрудников правоохранительных органов, которые помимо профессиональных качеств должны иметь также и особые личностные качества, связанные с ответственностью перед обществом за последствия принимаемых решений и за интересы страны в целом. Такие качества характеризуют тип профессионального мышления, которое в языке права можно именовать «публично-ориентированным». Юрист с подобным публично-ориентированным мышлением должен обладать умением прогнозировать системные последствия принимаемых им профессиональных решений. Профессионально компетентный сотрудник должен осознавать социальную значимость правоохранительных и иных юридических практик, понимать, что они существенным образом определяют развитие государства и общества, влияют на судьбы реальных людей. Безусловно, сформировать социоцентрические мировоззренческие позиции сложно, но крайне необходимо, когда речь идет о подготовке правоохранителей. Формирование мировоззренческих компетенций во многом предопределяет формирование профессиональных компетентностей.

Современный образовательный процесс должен быть нацелен на формирование у обучающихся комплекса ключевых [7], базовых, социально-личностных и профессиональных интеллектуальных, проектных, коммуникативных, управленческих компетентностей. Учебный процесс не должен быть только процессом трансляции информации. Прошли те времена, когда в образовательном процессе требовалось дать информации больше, чем обучающийся мог получить за пределами образовательного учреждения. В настоящее время возможности получения образовательной информации разного качества и количества увеличились. Но увеличение количества учебной информации не всегда может привести к повышению качества образования. Небольшое количество информации позволяет ее де-

тально проанализировать. Большой объем информации требует ее сортировки, выбора на основе ее оценки, планирования ее использования для решения учебных задач. А этой работе с информацией мы учим студентов явно не достаточно. Растущая информатизация высшего образования все больше не соответствует имеющимся компетентностям педагогического персонала. Учить студентов работе с информацией — это задача не только специальных кафедр. Безусловно, специальным кафедрам правовой информатики в современных условиях отводится важная роль в учебном процессе, но эта роль — повышение технологической компетентности студентов. Обучение работе с содержанием информации — задача преподавателя любой учебной дисциплины. Необходимость содержательной, прагматической оценки информации — актуальная потребность современности. В первую очередь это потребность тех, кто повышает свою профессиональную квалификацию. А эта относительно новая потребность определяет необходимость методических новаций.

Специалист должен знать современные, новые направления культурологии, социологии, философии права, их методологическое значение для генерализующих и отраслевых учебных дисциплин. Образовательный процесс должен способствовать формированию у обучающихся критического мышления, учить рефлексии — этой универсальной процедуре выявления и осознания процессов познания. Внедрение в учебный процесс содержательных и методологических новаций в гуманитарной подготовке будет способствовать становлению культуры правового мышления профессиональных юристов. В учебном процессе необходимо использовать все достижения гуманитарных наук. Например, есть смысл попытаться понять, что такое герменевтика, и использовать ее правила в учебном процессе. В науке под герменевтикой понимается искусство уяснения смысла письменно зафиксированных жизненных проявлений или учение о принципах и методах понимания, интерпретации текстов, о способах и приемах раскрытия подлинного их смысла [8, с. 100-120; 9].

В юридической науке и практике герменевтика использовалась достаточно давно. Г.Ф. Шершеневич пишет: «Неудивительно, что юристы, которым приходится

затрачивать так много усилий на толкование, издавна стремились выработать технику толкования под именем юридической герменевтики. Этот род искусства, вследствие своего схоластического оттенка, усвоенного от средних веков, потерял в XIX в. свой престиж, но это не говорит против его возможности и целесообразности. Утрачено доверие не к задаче, а к способу ее разрешения. Не все уничтожено из того, что составляло некогда сложное здание юридической герменевтики» [10, с. 297]. И современные правоведы пытаются восстановить и усовершенствовать это здание.

Юридическая герменевтика занимается исследованием практики постижения и истолкования разнообразных смыслов, содержащихся в различных правовых документах, в знаках и символах, используемых в юридически значимых процессах, в устной и письменной речи о должном и сущем в сфере правового регулирования [11]. Юридическая герменевтика — это смыслопостижение правовых текстов. Современный юрист-профессионал должен овладеть операциями понимания и интерпретации как письменных документов, так и социальных процессов, с которыми он сталкивается в своей работе. Понимание — это искусство постижения смысла знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другим сознанием через их внешнее выражение (жесты, позы, письменную и устную речь) [12, с. 307-328; 13]. Определенная последовательность знаков образует текст, который следует понять и интерпретировать как для себя, так и для других. Все процессы, происходящие в сфере правового регулирования, требуют понимания и объяснения, а этим и занимается юридическая герменевтика.

Современная ситуация требует понимания образования не как трансляции знания, а как коммуникации преподавателя и обучающихся в процессе формирования общекультурной и профессиональной компетентности юристов. Но мешает активной и эффективной коммуникации «преподаватель — студент» традиционное понимание обучения как передачи студентам по возможности максимального количества информации. Большинство преподавателей искренне считают, что чем больше информации по предмету они дадут студентам, тем лучше. Негативные ре-

зультаты такого обучения видны даже на примере наших «лучших» студентов, которые много знают (точнее — помнят), но не в состоянии осмысленно использовать имеющуюся у них информацию в реальных жизненных ситуациях, в том числе в ситуациях учебных. В учебных заведениях, осуществляющих повышение профессиональной компетентности, основное внимание должно уделяться не количеству информации, а ее пригодности для осуществления эффективной деятельности.

В современных условиях активного обновления законодательства приходится давать учащимся много новой информации, но, давая для изучения большой объем нормативного материала, хорошо бы помнить высказывание великого немецкого правоведа Р. фон Йеринга о том, что «Право не есть простая масса законов, а нечто совершенно иное. Законы может не-юрист также хорошо заучить, как юрист, но чтобы понимать и применять право, для этого недостаточно одного здравого разума, а необходимы еще: 1) приобретаемая лишь многолетними усилиями и упражнениями своеобразная способность воспринимания, особая искусность отвлеченного мышления, юридическая интуиция, воображение; 2) умелость в обращении с юридическими понятиями, способность легкого перевода понятий из области отвлеченного в область конкретного и наоборот, верный глаз, безошибочность при раскрытии правового понятия в данном правовом казусе (юридический диагноз), словом — юридическое искусство. Оба эти условия мы объединяем выражением «юридическое образование». Оно и есть то, что отличает юриста от профана, а не количество познаний; оно определяет цену юриста, а не степень учености» [14, с. 7-8].

Преподавательскому корпусу высшего учебного заведения для того, чтобы сделать свою педагогическую деятельность более эффективной, требуется регулярно заниматься рефлексией. Настоящая рефлексия — это не просто мыслительное возвращение в прошлое. Это мыслительное сопоставление целей и результатов своей работы. Рефлексивная фаза должна быть обязательным элементом любой педагогической деятельности. На этой фазе педагог-практик как бы обращается назад и, глядя на себя со стороны, осмысливает

процесс и результат своей деятельности обучения. Грамотная рефлексия должна включаться в систему профессиональных ценностей педагога. Рефлексия особенно необходима в периоды реформирования процессов образования.

В современных условиях, когда социальный институт высшего образования в определенной степени деформирован, на систему учебных заведений, осуществляющих повышение профессиональной квалификации, ложится задача корректировки огрехов вузовской подготовки специалистов. А ее решение невозможно без использования современных и эффективных методик образовательной деятельности.

В образовательных учреждениях, осуществляющих реализацию программ непрерывного образования, необходимо постепенно отходить от предметного характера учебных планов. Принцип составления и разработки учебных планов путем набора большого числа учебных дисциплин в форме «предметов-наук», «предметов-отраслей деятельности», «предметов-проблем» превратился в одно из главных препятствий на пути совершенствования образовательного процесса. Многопредметность не обеспечивает взаимодействия всех учебных предметов. Нет разумной сбалансированности между фундаментальной и специализированной подготовкой. Существование мнимой исключительности и незыблемости предметного составления учебных планов формирует психологический барьер, затрудняющий поиск альтернативных подходов к организации учебного процесса. Преподавателям

требуется работа по изучению способов перехода от предметного обучения к деятельностному. Преподавательское сообщество перейдет к деятельностной логике построения образовательного процесса тогда, когда каждого отдельного преподавателя будет волновать судьба той информации, которую он передал студентам, в процессе всей их учебы, а потом и профессиональной работы. Каждый учебный курс должен преподаваться не как самоценный и изолированный, а как прямо или косвенно влияющий на формирование, на приобретение общекультурных и профессиональных компетентностей [15, с. 151].

В завершение, говоря о путях совершенствования профессионального образования, необходимо подчеркнуть, что программы развития компетентностного, непрерывного образования сотрудников правоохранительных органов не могут быть реализованы за счет общегосударственного организационного решения, постановлений правительства или министерских директив. Развитие образования реализуется на уровне учебных заведений, где каждый член педагогического коллектива имеет свое направление возможного движения по совершенствованию образовательной деятельности. Процесс образования будет успешным тогда, когда учебное заведение будет иметь профессионально компетентных преподавателей, хорошо владеющих не только своим предметом, но и эффективными методами обучения и воспитания, включая современные образовательные информационно-коммуникационные технологии [16, с. 169].

Список литературы

1. Андреев А. Знания или компетенции // Высшее образование в России. 2005. N 2. С. 3-11.
2. Ефремова Н.Ф. Подходы к оцениванию компетенций в образовании: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2009. 228 с.
3. Нестеров В.В., Белкин А.С. Педагогическая компетентность. Екатеринбург, 2003. 188 с.
4. Харитоновна Е.В. Об определении понятий «компетентность» и «компетенция» // Успехи современного естествознания. 2007. N 3. С. 58-64.
5. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции М., 2001. 355 с.
6. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 382 с.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. 38 с.
8. Лушников П.В., Посконина О.В. Герменевтика и юриспруденция: от истории к современности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства: сб. ст., посвященный памяти профессора В.В. Посконина. Ижевск: Удмуртский университет, 2008. С. 100-120.
9. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 2005. 303 с.

10. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. М., 1995.
11. Малинова И.П. Юридическая герменевтика и правопонимание. Екатеринбург, 1999. 100 с.
12. Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М., 1995. 160 с.
13. Рикер П. Существование и герменевтика // Феномен человека: Антология. М., 1993. С. 307-329.
14. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. 105 с.
15. Ядыкина Н.В. О двух логиках организации образовательного процесса // Российский юридический журнал. 2002. N 3. С. 149-153.
16. Левитан К.М. Дидактические проблемы современного юридического образования // Российский юридический журнал. 2013. N 6. С. 164-173.

References

1. Andreev A. *Znaniya ili kompetentsii* [Knowledge or competence]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher Education in Russia, 2005, no. 2, pp. 3-11.
2. Efremova N.F. *Podkhody k otsenivaniyu kompetentsiy v obrazovanii* [Approaches to the evaluation of competencies in education]. Rostov-on-Don, 2009. 228 p.
3. Nesterov V.V., Belkin A.S. *Pedagogicheskaya kompetentnost'* [Pedagogical competence]. Ekaterinburg, 2003. 188 p.
4. Kharitonova E.V. *Ob opredelenii ponyatiy "kompetentnost'" i "kompetentsiya"* [On the definition of the concepts of "competence" and "competency"]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* – Successes of modern science, 2007, no. 3, pp. 58-64.
5. Tikhomirov Yu.A. *Teoriya kompetentsii* [Theory competence]. Moscow, 2001. 355 p.
6. D'yui Dzh. *Demokratiya i obrazovanie* [Democracy and Education]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 2000. 382 p.
7. Zimnyaya I.A. *Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Key competence as effectively-targeted competency-based approach to education]. Moscow, 2004. 38 p.
8. Lushnikov P.V., Poskonina O.V. *Germenevtika i yurisprudentsiya: ot istorii k sovremennosti* [Hermeneutics and Jurisprudence: from history to modernity]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva* [Actual problems of the theory and history of law and the state]. Izhevsk, Udmurtia State University, 2008. Pp. 100-120.
9. Kuznetsov V.G. *Germenevtika i gumanitarnoe poznanie* [Hermeneutics and human cognition]. Moscow, 2005. 303 p.
10. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 2.* [General Theory of Law. In 2 vols. Volume 2]. Moscow, 1995.
11. Malinova I.P. *Yuridicheskaya germenevtika i pravoponimanie* [Legal hermeneutics and legal thinking]. Ekaterinburg, 1999. 100 p.
12. Riker P. *Germenevtika, etika, politika* [Hermeneutics, ethics, politics]. Moscow, 1995. 160 p.
13. Riker P. *Sushchestvovanie i germenevtika* [Existence and hermeneutics]. *Fenomen cheloveka: Antologiya* [The Phenomenon of Man: An Anthology]. Moscow, 1993. Pp. 307-329.
14. Iering R. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. St. Petersburg, 1905. 105 p.
15. Yadykina N.V. *Odvukh logikakh organizatsii obrazovatel'nogo protsesssa* [Two logics of educational process]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian legal journal, 2002, no. 3, pp. 149-153.
16. Levitan K.M. *Didakticheskie problemy sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya* [Didactic problems of modern legal education]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian legal journal. 2013, no. 6, pp. 164-173.

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
tipkmvd@rambler.ru
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences,
associate professor,
tipkmvd@rambler.ru
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

АСТАФЬЕВ Н.В.,
доктор педагогических наук, профессор,
astnic@mail.ru
Кафедра огневой, физической,
тактико-специальной подготовки
и оперативного планирования;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

ASTAFYEV N.V.,
Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
astnic@mail.ru
Chair of fire, physical, tactical
and special training and operational planning;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ЕВГРАФОВ В.Л.,
tipkmvd@rambler.ru
Группа по правовой работе;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

EVGRAFOV V.L.,
tipkmvd@rambler.ru
Legal Group;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

РАЗРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ И АНАЛИЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Реферат. В связи с реформированием МВД России были внесены изменения в нормативную правовую базу, регламентирующую профессиональную служебную и физическую подготовку сотрудников органов внутренних дел, и в порядок присвоения им квалификационных званий, что привело к усложнению оценки профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Необходимость использования в служебной деятельности сотрудников кадровых аппаратов органов внутренних дел одновременно нескольких дополняющих друг друга приказов определила актуальность проведения исследования, результатом которого явилась научно-техническая разработка. С учетом того, что в территориальных органах МВД России не все сотрудники, в обязанности которых входит проведение занятий по профессиональной служебной и физической подготовке, владеют навыками работы с базами данных, принято решение о разработке двух компьютерных программ: «стационарной» — для специалистов отделов профессиональной подготовки управлений по работе с личным составом подразделений центрального аппарата МВД России (Microsoft Office Access) и «мобильной» — для сотрудников кадровых аппаратов территориальных органов (Microsoft Office Excel). Результатом исследования является и учебное пособие, в котором изложено содержание требований соответствующих приказов МВД России, представлены вопросы для проверки знаний положений приказов, описан порядок использования разработанных компьютерных программ. Результаты исследования успешно прошли апробацию в 2013-2014 годах в институте. Научно-техническая разработка позволяет автоматизировать оценку профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников и органов (подразделений, организаций) внутренних дел как по отдельным ее видам, так и в целом, а также позволяет определять квалификационное звание.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, профессиональная служебная и физическая подготовка, оценка, анализ, автоматизация.

DEVELOPMENT AND APPLICATION OF AUTOMATED INFORMATION DATA SYSTEMS OF EVALUATION AND ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS' PROFESSIONAL SERVICE AND PHYSICAL SKILLS

Abstract. Due to the reform of the Russian Interior Ministry some changes were made to the legal base regulating the professional service and physical skills of law enforcement officers and to the procedure of giving qualifying titles, which caused complication of evaluating police officers' professional skills. The relevance of the present study is determined by the need of the Interior Ministry personnel departments' employees to use simultaneously several mutually complementary orders while performing their duties. The study is resulted in scientific and technical programs development. Due to the fact that in the territorial law enforcement agencies of the Russian Interior Ministry not all the employees, being in charge of providing service and physical training, have skills in working with databases, two special computer programs were developed. They are: 1) "stationary" program for specialists of professional training sections of the personnel departments of the divisions of the Russian Interior Ministry's central apparatus (Microsoft Office Access); 2) "mobile" program – for personnel departments' employees of the territorial agencies (Microsoft Office Excel). The published educational manual provides the relevant orders requirements and procedure of using the developed programs. The study results were successfully tested at the Tyumen Advanced Training Institute during 2013-2014. The developed programs enable to automate evaluation of service and physical skills of law enforcement officers and agencies and to determine qualifying title.

Keywords: law enforcement officers, professional service and physical skills, evaluation, analysis, automation.

Проблема исследования. В связи с реформированием МВД России были внесены изменения в нормативную правовую базу, регламентирующую профессиональную служебную и физическую подготовку сотрудников органов внутренних дел и присвоение им квалификационных званий*. Так, например, в действующем Наставлении по организации физической

подготовки в органах внутренних дел увеличено количество возрастных групп (до 8-ми для сотрудников мужского пола и до 6-ти для сотрудников женского пола); сотрудникам впервые предоставлена возможность выбора двигательных тестов по общей физической подготовке (из 8-ми тестов для сотрудников мужского пола и 6-ти тестов для сотрудников женского пола); для оценки двигательных тестов впервые используется 100-балльная шкала. Все это привело к усложнению процедуры оценивания профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел. Аналогичная проблема ранее возникала в Вооруженных Силах Российской Федерации после принятия Наставления по физической подготовке (НФП-2009)**.

С целью автоматизации учета и контроля физической подготовки военнослужащих выпускниками Военного института физической культуры (филиала) Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова Министерства обороны Российской Феде-

* Об утверждении Инструкции о порядке присвоения квалификационных званий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 янв. 2012 г. N 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в Инструкцию о порядке присвоения квалификационных званий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденную приказом МВД России от 10 янв. 2012 г. N 1: приказ МВД России от 25 июля 2013 г. N 568. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 3 июля 2012 г. N 663 // Рос. газ. 2012. 31 авг.; Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 13 нояб. 2012 г. N 1025дсп; Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 13 нояб. 2012 г. N 1030дсп.

** Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ министра обороны Российской Федерации от 21 апр. 2009 г. N 200. URL: <http://www.rg.ru/2009/07/10/fizpodgotov-dok.html><http://vifk-spb.narod.ru/newtech.html>

рации было разработано несколько компьютерных программ [1]. Однако среди предлагаемых компьютерных программ нет такой, которая была бы одобрена Ученым советом Военного института физической культуры и допущена к практическому использованию в войсках и в вузах.

Изменение нормативной правовой базы МВД России, а также необходимость использования в служебной деятельности сотрудников кадровых аппаратов одновременно нескольких дополняющих друг друга приказов определили актуальность проведения нашего исследования. Научно-прикладное исследование выполнено по заявкам ДГСК МВД России, ГУ МВД России по Кемеровской области, УМВД России по ХМАО – Югре. Объект исследования – профессиональная служебная и физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел. Предмет исследования – проверка профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников и органов (подразделений, организаций) внутренних дел. Цель исследования – разработать автоматизированную информационную систему оценки и анализа профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников и органов (подразделений, организаций) внутренних дел. В ходе исследования был выполнен сравнительный анализ требований, предъявляемых к профессиональной служебной и физической подготовке сотрудников и органов (подразделений) внутренних дел, указанных в приказах МВД России от 3 июля 2012 года N 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», от 13 ноября 2012 года N 1025дсп «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации», от 13 ноября 2012 года N 1030дсп «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации», от 10 января 2012 года N 1 «Об утверждении Инструкции о порядке присвоения квалификационных званий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации».

С целью разработки специальных компьютерных программ, позволяющих автоматизировать оценку профессиональ-

ной служебной и физической подготовки сотрудников и органов (подразделений, организаций) внутренних дел, как по отдельным ее видам, так и в целом, а также определять их квалификационное звание, изучены возможности использования Microsoft Office Access и Microsoft Office Excel. После этого было подготовлено техническое задание на разработку специальных компьютерных программ. Согласно техническому заданию были разработаны две компьютерные программы – т.н. «стационарная» (выполненная в Microsoft Office Access) и «мобильная» (выполненная в Microsoft Office Excel), которые позволяют автоматизировать оценку различных видов профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников и органов (подразделений, организаций) внутренних дел, проводить сравнительный анализ имеющихся данных.

С целью ускоренного освоения пользователями порядка работы с автоматизированной информационной системой была разработана демонстрационная версия. Для сотрудников кадровых аппаратов подразделений органов внутренних дел и слушателей курсов повышения квалификации образовательных организаций дополнительного профессионального образования МВД России подготовлено учебное пособие, в котором в доступной форме изложено основное содержание требований соответствующих приказов МВД России, представлены вопросы для проверки знаний требований этих приказов, описан порядок пользования специальными компьютерными программами.

В ходе проведения научного исследования в соответствии с п. 44 приказа МВД России от 18 марта 2013 г. N 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России» осуществлялось согласование результатов промежуточных этапов научного исследования с заказчиками.

Результаты проведенного исследования прошли апробацию в 2013-2014 годах в ФГКОУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России» со слушателями курсов повышения квалификации (всего семь групп): «Инспекторы отделов, отделений по рабо-

те с личным составом с обязанностями по организации служебно-боевой подготовки ГУ МВД России по ФО, МВД, ГУ (У) МВД России по субъектам Российской Федерации, УТ МВД России по ФО» (две группы), «Инспекторский состав отделов, отделений служебно-боевой подготовки МВД, ГУ (У) МВД России по субъектам Российской Федерации, УТ МВД России по ФО по физической подготовке и спорту» (одна группа), «Повышение квалификации педагогических работников образовательных организаций МВД России (по физической подготовке)» (одна группа), «Повышение квалификации педагогических работников образовательных организаций МВД России (по огневой подготовке)» (одна группа), «Заместители командиров ОМОН, СОБР по службе» (одна группа), «Командиры батальонов, рот, взводов ОМОН МВД, ГУ (У) МВД России по субъектам Российской Федерации, УТ МВД России по ФО» (одна группа).

Материалы, отражающие результаты исследования, прошли апробацию путем их опубликования в научных рецензируемых изданиях и представления на международной научно-практической конференции [2; 3].

Автоматизированная информационная система, специальная компьютерная программа и учебное пособие могут использоваться: инструкторами, инспекторами огневой, физической и служебно-боевой подготовки территориальных органов МВД России, управлений (линейных управлений) на транспорте, строевых подразделений полиции; педагогическими работниками кафедр образовательных организаций МВД России, обеспечивающими преподавание учебных дисциплин «Физическая подготовка», «Огневая подготовка»; слушателями курсов повышения квалификации образовательных организаций дополнительного профессионального образования МВД России.

Автоматизированная информационная система «Профессиональная служебная и физическая подготовка» предназначена для оценки и анализа данных, различных видов проверок органов (подразделений, организаций) внутренних дел. Система позволяет оценивать, анализировать и управлять профессиональной служебной и физической подготовкой органов (подразделений, организаций), сотрудников интересующих возрастных групп либо групп сотрудников, сформированных по иным параметрам.

Список литературы

1. URL: <http://vfk-spb.narod.ru/newtech.html> (дата обращения: 17 марта 2014 г.).
2. Астафьев Н.В. Оценка физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел при использовании специальной компьютерной программы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. N 2 (53). С. 78-80.
3. Астафьев Н.В., Катаргин С.В. Оценка и анализ динамики физической подготовленности слушателей первоначальной профессиональной подготовки при помощи специальных компьютерных программ // Совершенствование боевой и физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений силовых ведомств: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 6-7 июня 2013 г. Иркутск, 2013. С. 21-26.

References

1. Available at: <http://vfk-spb.narod.ru/newtech.html> (Accessed 17 March 2014).
2. Astaf'ev N.V. *Otsenka fizicheskoy podgotovlennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del pri ispol'zovanii spetsial'noy komp'yuternoy programmy* [Evaluation of physical fitness of police officers using a special computer program]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* – Psychology and Pedagogy in law enforcement, 2013, no. 2 (53), pp. 78-80.
3. Astaf'ev N.V., Katargin S.V. *Otsenka i analiz dinamiki fizicheskoy podgotovlennosti slushateley pervonachal'noy professional'noy podgotovki pri pomoshchi spetsial'nykh komp'yuternykh programm* [Evaluation and analysis of the dynamics of physical fitness listeners initial training using special computer programs]. *Sovershenstvovanie boevoy i fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh uchrezhdeniy silovykh vedomstv* [Improvement combat and physical training of cadets and students of educational institutions of law enforcement agencies]. Irkutsk, 2013. Pp. 21-26.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

СМИРНОВ И.О., SMIRNOV I.O.,
schich777@list.ru, schich777@list.ru
Кафедра уголовного права и процесса; Chair of criminal law and procedure;
Сургутский государственный университет Surgut State University
Ханты-Мансийского of Khanty-Mansiysk Autonomous
автономного округа – Югры, Okrug – Ugra,
640016, г. Сургут, просп. Ленина, 1 Lenina Ave. 1, Surgut,
640016, Russian Federation

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ

Реферат. Деятельность незаконных вооруженных формирований представляет существенную угрозу общественной безопасности, так как она образована преступлениями террористической и общеуголовной направленности. Незаконные вооруженные формирования, создавая криминогенную среду, предоставляют населению проблемных регионов России, прежде всего молодежи, преступные способы адаптации к усложняющимся социальным условиям, негативно влияют на нравственно-психологический климат в обществе, насаждают психологию экстремизма и насилия, ослабляют государственное управление обществом. Одно из главных направлений государственной политики в сфере общественной безопасности – совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступлениями террористической направленности. Важнейшим средством борьбы с названными преступлениями является действующее уголовное законодательство, посредством которого осуществляется не только репрессивное, но и поощрительное регулирование (стимулирование правомерного поведения). Рассматривается конструкция примечания к статье 208 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего освобождение от уголовной ответственности членов организованной преступной группы за выполнение в ней лидерских и иных общественно опасных функций, направленных на достижение преступных целей этого формирования. Обосновывается авторский взгляд на уголовно-правовую характеристику нормы, предусматривающей специальное основание освобождения от уголовной ответственности членов незаконного вооруженного формирования. С учетом мнений ученых, данных правоприменительной практики сформулирован вывод о том, что освобождению могут подлежать не только рядовые члены незаконных вооруженных формирований, но и их лидеры (организаторы и руководители). Обозначены обязательные условия применения к лидерам и рядовым членам незаконных вооруженных формирований примечания к статье 208 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, освобождение от уголовной ответственности, основание, компромисс, примечание.

SPECIAL GROUNDS FOR THE EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY OF MEMBERS OF AN ILLEGAL ARMED GROUP

Abstract. The activity of illegal armed groups is a serious threat to national security. Creating a criminogenic environment, illegal armed groups provide criminal ways to adapt to complicated social conditions to the population of the problematic regions of Russia, primarily youth. They have negative impact on the moral and psychological climate of the society, implant the psychology of extremism and violence, weaken the state management. One of the main directions of the state policy in the field of public safety is improving the legal regulation of preventing and combating terrorism. The important means of fighting terrorism is the existing criminal legislation implementing both repressive and incentive regulation (encouraging good behavior). The note to the Article 208 of the RF Criminal Code is considered. It provides the exemption from criminal liability of members of an organized crime group for performing the functions of its leader and other socially dangerous functions aimed at achieving criminal goals of the group. The author's view of the criminal law characteristic of the rule providing special grounds for the exemption from criminal liability of members of illegal armed groups is justified. Taking into account the scientists' views and law enforcement practice data, the author comes to the

conclusion that not only the ordinary members of illegal armed groups can be the subject of release, but also their leaders and organizers. Obligatory conditions for applying the note to the Article 208 of the RF Criminal Code to the leaders and ordinary members of illegal armed groups are indicated.

Keywords: illegal armed group, exemption from criminal liability, ground, compromise, note.

В современных условиях все большее значение в карательном механизме государства приобретает понятие компромисса — допустимого способа решения проблемы реализации ответственности в правовом государстве. Под компромиссом Х.Д. Аликперов понимает «Стремление законодателя заинтересовать одних граждан в активном участии в борьбе с преступностью, других — побудить к добровольному отказу от преступления, а тех, кто уже совершил преступление, — к сотрудничеству с органами уголовной юстиции в обмен на их безусловное освобождение от уголовной ответственности или возможность такого освобождения, либо фиксированное снижение наказания» [1, с. 101].

Мы будем исходить из того, что специальные основания освобождения от уголовной ответственности являются правовой основой допустимости компромисса между государством (органами уголовной юстиции) и лидерами незаконного вооруженного формирования (далее — НВФ), а также иными членами данного объединения.

Одной из современных тенденций развития отечественного уголовного законодательства является постоянное и динамичное расширение перечня норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащих так называемые специальные виды освобождения от уголовной ответственности.

Указанные нормы в статьях Особенной части УК РФ закреплены в примечаниях. В юридической литературе примечание понимается как «...прием юридической техники, представляющий собой государственно-властное нормативное нетипичное установление, закрепляющее определенные правовые положения, носящие “сопроводительный” характер, которое является обязательным в процессе правоприменительной деятельности и учитывается в процессе нормотворчества» [2, с. 15].

Считаем необходимым провести юридический анализ исследуемой уголовно-правовой нормы, примечание к которой регламентирует специальное основание освобождения от уголовной ответственности лиц, участвующих в НВФ.

Общее правило применения обозначенной специальной нормы закреплено в ч. 2 ст. 75 УК РФ (в ред. от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ*), где сказано, что «лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации». Примечания к ст. 208 относятся к таким специальным видам освобождения от уголовной ответственности, для применения которых достаточно фактически прекратить совершаемое преступление, юридически уже являющееся оконченным. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности в качестве основания их применения указывают на прекращение лицом совершения преступления [3, с. 187].

Речь идет о компромиссной норме, побуждающей виновного к позитивному посткриминальному поведению. Суть компромисса состоит в том, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при одновременном наличии следующих условий: а) добровольность прекращения участия независимо от мотивов, по которым лицо принимает такое решение; б) добровольная сдача оружия; в) отсутствие в действиях лица иного состава преступления.

Добровольность прекращения участия в НВФ заключается в прекращении участия в этом формировании по собственной воле лица, при наличии у него объективной возможности продолжать такое участие**. Так, приговором Верховного суда Чеченской Республики от 28 марта 2006 года в соответствии с примечанием к

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

** См. п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 4).

ст. 208 УК РФ Дакаев освобожден от уголовной ответственности в связи с добровольным прекращением участия в НВФ*.

Следует отметить, что законодатель не придает правового значения мотиву, побудившему к выходу из НВФ. Такими мотивами могут быть не только внутреннее осуждение виновным своего общественно опасного деяния, но и желание таким путем смягчить свою ответственность, осознание бесперспективности или невыгодности дальнейшего участия в таком формировании, боязнь за судьбу близких и др.

Решение о таком посткриминальном поступке может быть принято виновным как самостоятельно, так и под влиянием советов и уговоров других лиц. При этом важно, что не должно быть обстоятельств, непосредственно вынуждающих участника НВФ идти против своей воли (например, реальной угрозы лишения жизни или физического захвата, безвыходного положения в результате окружения, в силу тяжелого заболевания и др.), поскольку в таких случаях предпосылки для освобождения от уголовной ответственности отсутствуют.

В примечании к ст. 210 УК РФ говорится о необходимости лиц, добровольно прекративших участие в преступном сообществе, активно способствовать раскрытию преступления или его пресечению. Это свидетельствует о взаимодействии членов преступного сообщества с правоохранительными органами. В примечании к ст. 208 УК РФ такое условие не сформулировано, а только подразумевается, т.к. закреплена обязанность сдать оружие. Буквальное толкование закона позволяет сделать вывод о том, что если лицо прекращает преступную деятельность по участию в НВФ, но не сдает оружия в силу его отсутствия у него, то оснований для освобождения от уголовной ответственности нет. Как отмечается в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г., под лицами, сдавшими оружие, следует понимать участников НВФ, которые сдали органам власти имеющееся у них оружие либо указали места его хранения.

* Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 сент. 2006 г. N 23-006-30. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что далеко не все участники НВФ имеют личное оружие или доступ к нему. В частности, по уголовному делу в отношении Магомедзагидова и Магомедова, осужденных приговором Советского районного суда г. Махачкалы 11 июня 2002 года, установлено, что подсудимые – участники НВФ не имели оружия и боеприпасов, в их задачу входило рытье траншей, окопов, патрулирование мест дислокации боевиков**.

В этом случае у отечественных ученых-юристов возникает резонный вопрос о том, возможно ли освобождение от уголовной ответственности для участника формирования, если у него не было оружия [4, с. 8-9].

В связи с наличием такого конститутивного признака незаконного формирования, как «вооруженность», Т.А. Бекботова предлагает уточнить в примечании к ст. 208 УК РФ, что сдача оружия не является обязательным условием освобождения участников формирования в том случае, если они им не обладают [5, с. 9].

Эта тема обсуждалась 20 декабря 2011 года на Пленуме Верховного Суда РФ, посвященном судебной практике по делам о терроризме. Судья Верховного Суда В. Давыдов, докладчик по этой серьезной теме, сообщил коллегам, что в 2010 году по делам о терроризме осуждено 233 лица, из них 167 – за участие в НВФ. Большое внимание участники пленума уделили понятию «незаконное вооруженное формирование». Судьям предлагается учитывать, что участие в НВФ – это не только вооруженные набеги, но и «выполнение других функций, в том числе приготовление пищи, строительство жилья, ведение подсобного хозяйства. Необязательно при этом, чтобы указанные лица имели оружие». Это будут учитывать и в случае, когда бывший член НВФ решил бросить это занятие. По закону он освобождается от уголовной ответственности при условии сдачи оружия. Но повара или подсобные рабочие оружия не имеют и сдать не могут. Рассуждая логически, они не могут считаться «вышедшими из НВФ». «Разъясняем судам, что если член НВФ, допустим, врач, не имел оружия, его тоже надо освобождать от уголовной

** Приговор Советского районного суда г. Махачкалы от 11 июня 2002 г. Дело N 2-35/11.

ответственности, если он добровольно вышел из НВФ», – сообщил В. Давыдов [6].

Пленум Верховного Суда РФ в п. 30 постановления от 9 февраля 2012 г. по этому поводу дал свое разъяснение: «участник НВФ, в силу возложенных на него обязанностей не обладающий оружием, может быть освобожден от уголовной ответственности на том основании, что он добровольно прекратил участие в НВФ и сообщил об этом органам власти».

Интересно отметить и позицию А.В. Кушнарева, который в связи со сказанным предлагает исключить из данного примечания к ст. 208 УК РФ условие сдачи оружия [7, с. 41]. Если участник НВФ, выйдя из его состава, не сдал оружия, он подлежит ответственности за незаконное хранение оружия. Если оружие впоследствии было добровольно сдано властям, то виновный освобождается от уголовной ответственности согласно примечанию к ст. 222 УК РФ. С.Н. Шатилович подчеркивает, что, исключив из примечания к ст. 208 УК РФ условие сдачи оружия, норму можно сделать более универсальной и эффективной [8, с. 67]. Далее он предлагает изложить примечание к ст. 208 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, добровольно прекратившее участие в НВФ и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности» [8, с. 68].

А.Г. Антонов, проводя сравнительно-правовой анализ правовой регламентации специального основания освобождения от уголовной ответственности участников НВФ в уголовном законодательстве России и стран СНГ, отметил, в частности, условие освобождения от уголовной ответственности в виде сдачи оружия членами вооруженного отряда. В отличие от УК других стран СНГ, согласно примечанию к ст. 236 УК Казахстана одним из условий освобождения от уголовной ответственности виновного наряду со сдачей оружия выступает и сдача воинского снаряжения [9, с. 6-8]. Следует согласиться с данным автором в том, что указание на это условие представляется излишним, так как воинское снаряжение существенно не влияет на общественную опасность деяния и виновного в описываемом случае. Главное, чтобы члены НВФ сдали боевое оружие.

Обобщая сказанное, приходим к выводу, что такое условие освобождения от уголовной ответственности, как добровольная сдача оружия, исключать из действующего примечания не нужно. Однако член НВФ, не обладающий оружием, может быть освобожден от уголовной ответственности при выполнении всех перечисленных необходимых действий, а именно: добровольно прекратил участие в НВФ и не совершает иных преступлений (т.е. при соблюдении всех условий лицо перестало быть общественно опасным).

Следующим условием освобождения от уголовной ответственности по примечанию к ст. 208 УК РФ является отсутствие в действиях членов НВФ иного состава преступления. Возникает вопрос: «Речь идет о совершении преступления любой степени тяжести или нет?»

При ответе на этот вопрос необходимо иметь в виду следующее. Речь идет об отсутствии того состава преступления, который является формой участия, так как участием подтверждается конкретное преступление, направленное на реализацию задач, стоящих перед НВФ. В связи с этим подлежит критике п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19, гласящий: «В тех случаях, когда условием освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации является отсутствие в действиях лица иного состава преступления, судам следует иметь в виду, что применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений»*.

Другими словами, если в действиях лица содержится еще иной состав преступления, но остальные два условия оно выполнило, то такое лицо освобождается от ответственности за участие в НВФ, но подлежит ответственности за совершение иного преступления. Например, освобождению лица, добровольно прекратившего участие в НВФ и сдавшего оружие, от уголовной ответственности в соответствии с примечани-

* См. п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 8).

ем к статье 208 УК РФ не препятствует его привлечение к ответственности за совершенные убийства в составе НВФ.

Мы с таким предложением не согласны на том основании, что высокая степень общественной опасности деяния не позволяет говорить об освобождении членов НВФ, совершивших убийство, так как убийство является формой участия. Если совершенное преступление направлено на реализацию задач, которые ставит перед собой НВФ, значит, возможность освободить такое лицо от уголовной ответственности по ст. 208 УК РФ отсутствует.

Вопрос о том, на кого из членов (организаторов, руководителей или участников) НВФ должно распространяться действие примечания к ст. 208 УК РФ, в юридической литературе является спорным.

В.С. Комиссаров считает: «...поскольку в законе говорится: “Лицо... прекратившее участие”, постольку освобождению подлежат не только собственно участники формирований, но также создатели и руководители таких формирований» [10, с. 267]. Аналогичной позиции придерживаются и другие специалисты [11, с. 18; 12, с. 171].

Согласно другой точке зрения, по смыслу примечания к указанной статье, деятельное раскаяние возможно только со стороны лиц, совершивших деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 208 УК РФ, то есть участников НВФ [13, с. 111].

П.В. Агапов по этому поводу отмечает: «необходимо буквально толковать закон и применять поощрительное примечание только в отношении рядовых участников НВФ. Для организаторов и руководителей предусмотрена более строгая ответственность... что, по логике законодателя, исключает возможность их освобождения от уголовной ответственности» [14, с. 5].

Схожую позицию занимает А.И. Парог, считающий, что положение об освобождении от уголовной ответственности лиц, добровольно прекративших участие в преступном объединении, относится только к рядовым участникам. Однако эту идею, по его мнению, следовало бы четко сформулировать непосредственно в тексте закона, как это сделано в УК Украины (ч. 2 ст. 255 и ч. 2 ст. 258.3) и УК Республики Беларусь (ст. 20), в которых организаторы и руководители организованных групп и преступных организаций исключены из

числа лиц, подлежащих освобождению от уголовной ответственности [15, с. 9].

В уголовно-правовой литературе высказывается предложение рассматривать термин «участие» в примечании к ст. 208 УК РФ в более широком смысле, чем в тексте самой статьи. В частности, И.Е. Елизаров, ссылаясь на практику проведения контртеррористической операции на территории Чеченской Республики, аргументирует это тем, что «нередко прекращение преступных действий происходит именно по инициативе руководителей НВФ» [16, с. 46]. По его мнению, с учетом повышенной опасности действий, связанных с созданием НВФ, а также руководством им, на законодательном уровне целесообразно увязать освобождение данных лиц от уголовной ответственности с активным позитивным послепреступным поведением. В связи с этим И.Е. Елизаров предлагает закрепить в примечании 2 к ст. 208 УК РФ норму следующего содержания: «Лицо, создавшее НВФ, а равно руководившее им, освобождается от уголовной ответственности, если своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами воспрепятствовало дальнейшему функционированию такого формирования и если в его действиях не содержится иного состава преступления» [16, с. 46].

Предлагаем несколько иной подход к данной проблеме. Согласно буквальному толкованию закона, в примечании к ст. 208 УК РФ речь идет только о рядовых членах НВФ. Но если продолжать усиливать компромиссную направленность этой нормы, надо внести в закон положение о том, что освобождению могут подлежать не только рядовые члены НВФ, но и их лидеры (организаторы и руководители). При этом мы исходим из того, что общественная опасность этих лиц в плане консолидации преступной среды выше и, соответственно, их отказ от продолжения преступной деятельности порождает бóльший эффект уменьшения общественной опасности. Но перед такими лидерами можно поставить дополнительные условия в виде ликвидации или роспуска НВФ. Тогда при соблюдении всех условий, они могут не привлекаться к уголовной ответственности. В противном случае их выход из преступной группы может

рассматриваться лишь в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Итак, к специальному основанию освобождения от уголовной ответственности за организацию НВФ или участие в нем относится компромиссная норма в виде примечания к ст. 208 УК РФ, основанием такого освобождения является не снижение общественной опасности деяния и (или) лица, его совершившего, а стремление законодателя уменьшить общественную опасность совершенного этим лицом деяния.

Условиями применения к лидерам и рядовым членам НВФ примечания к ст. 208 УК РФ следует считать:

1. Добровольность прекращения участия в НВФ независимо от мотивов, по которым лицо принимает такое решение.

2. Добровольная сдача боевого оружия. Член НВФ, не обладающий боевым оружием, может быть освобожден от уголовной ответственности при выполнении всех перечисленных необходимых действий, а именно добровольно прекратить участие в НВФ и не совершать иных преступлений (т.е. при соблюдении всех условий лицо перестало быть общественно опасным).

3. Отсутствие в действиях членов НВФ того состава преступления, который является формой участия и направлен на реализацию задач, стоящих перед НВФ.

4. Организаторы и руководители НВФ должны предпринять меры по ликвидации или роспуску преступного объединения.

Список литературы

1. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности: учеб.-метод. пособие. М.: МОДЭК 2001. 136 с.
2. Быкова И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (Теоретический прикладной анализ главы 22 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2002. 29 с.
3. Сухарева Н.Д., Байрамуков Р.Б. Юридическая природа освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ // Общество и право. 2011. N 5. С. 187-189.
4. Мусаев М.М. Уголовная ответственность за незаконное изготовление оружия // Следователь. 2004. N 1. С. 8-10.
5. Бекботова Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
6. Лепина М. Последствия терроризма могут превысить все остальные преступления // Московские новости 2011. 21 дек. URL: <http://mn.ru> (дата обращения: 14 мая 2012 г.).
7. Кушнарев А.В. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2000. N 1 (11). С. 40-43.
8. Шатилович С.Н. Освобождение от уголовной ответственности при особых формах преступной деятельности (соучастие в преступлении, неоконченное преступление, множественность преступлений): учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. 104 с.
9. Антонов А.Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. N 3. С. 6-8.
10. Комиссаров В.С. Преступления против общественной безопасности // Российское уголовное право: Особенная часть / под ред. А.И. Рарога: в 2 т. Т. 2. М., 2002. 457 с.
11. Ижаева Ш.М. Освобождение от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 208 УК РФ // Российский следователь. 2008. N 3. С. 17-19.
12. Александрова Н.С. Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 239 с.
13. Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2003. 212 с.
14. Агапов П.В. Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем: проблемы квалификации // Уголовное право. 2004. N 2. С. 4-5.
15. Рарог А.И. Роль судебной практики в развитии науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы шестой междунар. науч.-практ. конф. (29-30 янв. 2009 г.) М., 2009. С. 5-10.
16. Елизаров И.Е. Направления совершенствования законодательства по борьбе с терроризмом // Закон и право. 2003. N 6. С. 43-47.

References

1. Alikperov Kh.D. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti* [Exemption from criminal liability]. Moscow, MODEK Publ., 2001. 136 p.

2. Bykova I.N. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovnom zakonodatel'stve (Teoreticheskiy prikladnoy analiz glavy 22 UK RF)*. Avtoref. Cand. Diss. [Legal technique in the criminal law (Applied Theoretical analysis of chapter 22 of the Criminal Code). Autoabstract Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2002. 29 p.
3. Sukhareva N.D., Bayramukov R.B. *Yuridicheskaya priroda osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti po normam Osobennykh chasti UK RF* [Legal nature of exemption from criminal liability according to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*, 2011, no. 5, pp. 187-189.
4. Musaev M.M. *Ugovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe izgotovlenie oruzhiya* [Criminal liability for illegal manufacture of weapons]. *Sledovatel' – Investigator*, 2004, no. 1, pp. 8-10.
5. Bekbotova T.A. *Ugovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika organizatsii nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastiya v nem*. Avtoref. Cand. Diss. [Criminally-legal and criminological characteristics of an illegal armed organization or participating in therein. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 26 p.
6. Lepina M. *Posledstviya terrorizma mogut prevysit' vse ostal'nye prestupleniya* [Consequences of terrorism may exceed all other crimes]. *Moskovskie novosti – Moscow News*, 2011, on December 21. Available at: <http://mn.ru> (Accessed 14 May 2012).
7. Kushnarev A.V. *Spetsial'nye vidy osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti* [Special types of exemption from criminal liability]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry*. 2000, no. 1 (11), pp. 40-43.
8. Shatilovich S.N. *Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti pri osobykh formakh prestupnoy deyatel'nosti (souchastie v prestuplenii, neokonchennoe prestuplenie, mnozhestvennost' prestupleniy)* [Exemption from criminal liability under specific forms of criminal activities (criminal complicity, uncompleted crime, multiple offenses)]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2012. 104 p.
9. Antonov A.G. *Spetsial'noe osnovanie osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti* [Special grounds for exemption from criminal liability]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice*, 2009, no. 3, pp. 6-8.
10. Komissarov V.C. *Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti* [Crimes against public safety]. Rossiyskoe ugovnoe pravo: Osobennaya chast'. In two volumes. Vol. 2. Moscow, 2002. 457 p.
11. Izhaeva Sh.M. *Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti za prestuplenie, predusmotrennoe stat'ey 208 UK RF* [Exemption from criminal liability for an offense under Article 208 of the Criminal Code]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator*, 2008, no. 3, pp. 17-19.
12. Aleksandrova N.S. *Deyatel'noe raskayanie i ego ugovno-pravovoe znachenie*. Cand. Diss. [Active repentance and his criminally-legal value. Cand. Diss.]. Ulyanovsk, 2001. 239 p.
13. Mal'tsev V.V. *Problemy osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya v ugovnom prave* [Problems exemption from criminal liability and punishment in criminal law]. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2003. 212 p.
14. Agapov P.V. *Organizatsiya nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastiya v nem: problemy kvalifikatsii* [Organization of an illegal armed formation or participation in it: a problem of qualification]. *Ugovnoe pravo – Criminal law*, 2004, no. 2, pp. 4-5.
15. Rarog A.I. *Ro' sudebnoy praktiki v razvitii nauki ugovnogo prava* [The role of judicial practice in the development of a science of criminal law]. *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (29-30 yanvarya 2009 g.)* [Criminal Law: Development Strategy in the XXI century. Materials of sixth international scientific conference (29-30 January. 2009)]. Moscow, 2009. Pp. 5-10.
16. Elizarov I.E. *Napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po bor'be s terrorizmom* [Direction of improvement of legislation to combat terrorism]. *Zakon i pravo – Law and legislation*, 2003, no. 6, pp. 43-47.

ИВАНОВ А.С.,
ivanov.va-mvd@yandex.ru
Кафедра физической подготовки;
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград, Историческая, 130

IVANOV A.S.,
ivanov.va-mvd@yandex.ru
Chair of physical training;
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

ОКАЗАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ ИЛИ ЗРЕЛИЩНОГО КОММЕРЧЕСКОГО КОНКУРСА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Реферат. Рассматриваются предшествовавшие проведению XXII Олимпийских зимних игр изменения в статью 184 Уголовного кодекса Российской Федерации, принятые в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований и вступившие в силу в январе 2014 года. Критически оценивается целесообразность и обоснованность этих нововведений. Признается, что изменение названия ст. 184 УК РФ продиктовано двумя обстоятельствами: 1) решением разграничить понятие «подкуп», использованное в названии ст. 184 УК РФ и в формулировке ее части 1; 2) существовавшая до внесения последних изменений формулировка ст. 184 УК РФ охватывала далеко не все проводимые на территории России спортивные соревнования, а лишь те, которые признавались «профессиональными». Обосновывается, что предыдущее название, содержащее термин «подкуп», более полно отражало суть криминализованных деяний, поскольку подкуп охватывает как передачу, так и получение денег и иных материальных благ. Аргументируется вывод о том, что криминализация коррупции в официальном спорте проведена с одновременной декриминализацией коррупции в профессиональном спорте, что тоже является законодательным «перекосяком», «пробелом», недопустимым с точки зрения юридической техники. Подтверждается, что новая редакция статьи 184 УК РФ до настоящего времени не способствовала изменению ситуации с коррупционной преступностью в сфере российского спорта в сторону снижения ее уровня. Констатируется, что вывести преступность в сфере спорта из латентной зоны может только глубоко продуманное и обоснованное реформирование уголовного законодательства. Вносятся конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию уголовного закона в этой части.

Ключевые слова: противоправное влияние, официальное спортивное соревнование, преступление коррупционной направленности, извлечение выгод и преимуществ, получение денег, пользование услугами имущественного характера.

UNLAWFUL INFLUENCE ON THE RESULTS OF OFFICIAL SPORTING EVENTS OR ENTERTAINMENT COMMERCIAL CONTEST AS A CORRUPTION CRIME

Abstract. The amendments to Article 184 of the RF Criminal Code, adopted prior to XXII Winter Olympics for preventing unlawful influence on the official sporting events results and taken effect in January, 2014 are considered. Suitability and validity of these innovations are critically evaluated. The heading's change of the Article 184 of the RF Criminal Code is induced by 2 factors: 1) decision to differentiate the concept of bribe being used in the heading of the Article 184 and in the wording of Sec. 1; 2) the wording of the Article 184 of the RF Criminal Code, having existed before the last change, embraced not all the sporting events being held on the Russian territory, but only "professional" ones. The previous heading including the term bribe is proved to fully reflect the essence of criminalized actions, as bribe implies both giving and receiving money and other material values. The conclusion that criminalization of corruption in official sports is conducted together with decriminalization of corruption in professional sports which is seen as inadmissible legislative "wrap", "gap" is argued. The new wording of the Article 184 of the RF Criminal Code is proved not to have contributed to decreasing the corruption crimes rate in professional sports in Russia yet. The author proves the necessity of reasonable and well-grounded reforming of the Russian criminal legislation. The concrete proposals and recommendations for improving the criminal law in this field are given.

Keywords: unlawful influence, official sporting event, corruption crime, benefit, receipt of money, consumption of property related services.

21 января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований»*, в результате чего в очередной раз изменилось название и содержание статьи 184 УК РФ.

Статья 184 находится в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела 8 «Преступления в сфере экономики» УК РФ. За время ее существования в нее четырежды вносились изменения: Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ**, Федеральным законом от 7 марта 2011 г. N 26-ФЗ***, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ**** и Федеральным законом от 23 июля 2013 г. N 198-ФЗ. Примечание к статье 184 УК РФ было введено Федеральным законом от 17 июня 2010 г. N 120-ФЗ*****.

Интерес законодателя к статье 184 УК РФ вполне объясним. 4 июля 2007 г. на 112-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале Россия получила пра-

во на проведение Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. Это обусловило более пристальное внимание государства, уделяемое противодействию преступности в сфере спорта. Одной из главных мер, предпринятых в данном направлении, стало совершенствование уголовного законодательства.

Однако всегда ли продуманны и оправданны вносимые в УК РФ изменения? Помогают ли они наладить эффективную работу в нужном направлении или только усложняют правоприменительную практику? Для того чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем все перечисленные выше редакции этой нормы. Итак, в изначальном варианте УК РФ 1996 года ст. 184 называлась «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» и состояла из 4 частей:

1. Подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты этих соревнований или конкурсов, — наказывается обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

2. То же деяние, совершенное неоднократно или организованной группой, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Незаконное получение спортсменами денег, ценных бумаг или иного имущества, переданных им в целях оказания влияния на результаты указанных соревнований, а равно незаконное пользование спортсменами услугами имущественного характера, предоставленными им в тех же целях, — наказываются штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев.

4. Незаконное получение денег, ценных бумаг или иного имущества, незакон-

* О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований: федер. закон от 23 июля 2013 г. N 198-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 30 (ч. 1). Ст. 4031.

** О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 8 дек. 2003 г. N 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 50. Ст. 4848.

*** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 7 марта 2011 г. N 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 11. Ст. 1495.

**** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7362.

***** О внесении изменения в статью 184 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 17 июня 2010 г. N 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 25. Ст. 3071.

ное пользование услугами имущественного характера спортивными судьями, тренерами, руководителями команд и другими участниками или организаторами профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторами или членами жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях, указанных в части третьей настоящей статьи, — наказываются лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В данном виде статья просуществовала семь лет. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ были пересмотрены ее санкции. В части 1, 2 и 4 был добавлен такой вид наказания, как штраф. В части 3 размер штрафа стал обозначаться не с помощью МРОТ, а в рублях. Одновременно из ч. 2 ст. 184 УК РФ был исключен признак неоднократности. Подобная корректировка, с одной стороны, соответствовала общему изменению уголовной политики того времени, а с другой — приближала санкции к реальной жизни общества и правоприменительной практике.

Федеральным законом от 7 марта 2011 г. N 26-ФЗ ст. 184 УК РФ вновь подверглась реформированию. Из санкции ч. 1 был исключен нижний предел исправительных работ, а из санкции ч. 3 — нижний предел ареста, что говорит о дальнейшем некотором послаблении и либерализации законодательства.

Однако уже восемь месяцев спустя другой Федеральный закон, от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ, наоборот, ужесточил отдельные виды санкций: в части 1 хотя и был исключен нижний предел наказания в виде обязательных работ, но верхний — увеличен в два раза (со ста восьмидесяти до трехсот шестидесяти часов). Части 2 и 4 были дополнены новым видом наказания — принудительными работами.

Но самые существенные изменения были внесены в ст. 184 УК РФ Федеральным законом от 23 июля 2013 г. N 198-ФЗ. Корректировке подверглось название статьи, которое было сформулировано следующим образом: «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Диспозиции ее частей были дополнены такими новыми

для этой нормы понятиями, как «официальное спортивное соревнование», «руководитель спортивной команды», «противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», «принуждение или склонение лиц к оказанию противоправного влияния», «предварительный сговор», «извлечение спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, а равно участником зрелищного коммерческого конкурса других выгод и преимуществ».

Кроме того, криминализации подвергся подкуп «работников официального спортивного соревнования» и «участников зрелищного коммерческого конкурса», которые до этого в законе не упоминались, а также любое, в том числе законное «получение» денег, ценных бумаг, иного имущества и «пользование» услугами имущественного характера в целях противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.

Получение денег, ценных бумаг, иного имущества и пользование услугами имущественного характера, совершенное тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, участником зрелищного коммерческого конкурса, в новом варианте анализируемой нормы стало преследоваться по ч. 3 ст. 184 УК РФ, в то время как ранее подпадало под действие части 4. После внесения поправок в части 4 были оставлены лишь аналогичные деяния, совершенные спортивным судьей или организатором официального спортивного соревнования, членом жюри или организатором зрелищного коммерческого конкурса. Следовательно, была изменена сама основа построения ч.ч. 3 и 4 ст. 184 УК РФ. Если раньше законодатель делил всех субъектов данной нормы по принципу «спортсмен (ч. 3) — неспортсмен (ч. 4)», то теперь — по принципу «лица, задействованные в подготовке спортсмена к выступлению (ч. 3), — лица, внешне обеспечивающие проведение соревнования и оценку его результатов (ч. 4)».

Санкции тоже были пересмотрены в сторону дальнейшего ужесточения на-

казания. Так, за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 184 УК РФ, размер штрафа увеличился с двухсот до трехсот — пятисот тысяч рублей; за совершение деяния, предусмотренного ч.ч. 2 и 4, — со ста — трехсот до пятисот тысяч — одного миллиона рублей. Обязательные, исправительные работы и арест в ч. 1 и арест в ч. 3 были заменены принудительными работами и лишением свободы на срок до четырех лет, что автоматически перевело эти преступления из разряда небольшой тяжести в разряд преступлений средней тяжести. Увеличение срока лишения свободы в ч. 2 с пяти до семи лет, а в ч. 4 — с двух до семи лет также повысило степень общественной опасности этих деяний со «средней» и «небольшой тяжести» до «тяжкой».

Полагаем, каждая из представленных поправок заслуживает нашего отдельного комментария.

Итак, наиболее часто законодателем реформированию подвергались санкции ст. 184 УК РФ. Причем, если вначале они были несколько смягчены путем устранения нижнего предела некоторых видов наказаний, то впоследствии — ужесточались посредством введения новых, более суровых видов наказаний, или через повышение верхнего предела наказания. Следовательно, законодатель предпринимал определенные попытки повышения эффективности борьбы с преступлениями, предусмотренными ст. 184 УК РФ. Но его усилия были сосредоточены принципиально не на том направлении, на каком было нужно [1]. Это подтверждает и правоприменительная практика, накопленная в период действия ст. 184 УК РФ (1996-2013 гг.), которая показала, что за все время ее существования было зарегистрировано всего 3 таких преступления [2; 3; 4; 5; 6]. Кроме того, изменения санкции ст. 184 УК РФ никак от года к году не влияли на низкий уровень выявляемости данных преступлений. Такая ситуация была обусловлена крайне ограниченными возможностями, предоставляемыми формулировкой диспозиции ст. 184 УК РФ правоохранительным органам по сбору доказательств преступной деятельности перечисленных в норме лиц [7], которая до последнего времени вообще никак не менялась.

Между тем специально организованные и проведенные учеными обследования

российской спортивной среды показали, что около половины (48,2 %) спортсменов относят коррупцию к широко распространенным явлениям в своей деятельности [8, с. 57]. Ввиду отсутствия государственной воли к решению этой проблемы спортивным федерациям приходится самостоятельно регулировать данный вопрос, привлекая уличенных виновных к дисциплинарной ответственности по спортивным регламентам отдельных видов спорта [9].

Считаем подобную ситуацию в корне неверной. Противодействие коррупционной преступности, к которой относятся деяния, подпадающие под действие ст. 184 УК РФ, — это одна из главных задач государства*, особенно в свете взятых Россией на себя обязательств по проведению на территории нашего государства крупных международных спортивных соревнований.

Для реализации государственных функций по противодействию коррупции в спорте в 2013 г. законодатель попытался реформировать диспозицию ст. 184 УК РФ. Но этот опыт вряд ли можно признать положительным по следующим причинам.

Изменение названия ст. 184 УК РФ с «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» на «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» было продиктовано двумя обстоятельствами:

1. Законодатель решил разграничить понятие подкупа использованное в названии ст. 184 УК РФ и в формулировке ее части 1. Но вместо того, чтобы применить уже существующий оправданный и отработанный в ст. 204 УК РФ прием, когда термин «коммерческий подкуп», имеющийся в названии, расшифровывается как «незаконная передача» (в ч. 1) и «незаконное получение» (в ч. 3) денег и др., он избавляется от термина «подкуп» в названии ст. 184 УК РФ, заменяя его термином «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса».

* О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. N 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6228.

По нашему мнению, данная попытка корректировки ст. 184 УК РФ вряд ли может быть признана успешной. Полагаем, что предыдущее название, содержащее термин «подкуп», более полно отражало суть криминализованных деяний, поскольку подкуп — это и передача, и получение денег и иных материальных благ. В связи с этим было бы более правильно подвергнуть изменению диспозицию ч. 1, изложив ее начало в следующей редакции: «Незаконная передача спортсменам, спортивным судьям, тренерам, руководителям спортивных команд... денег, ценных бумаг, иного имущества...» [10].

В контексте выявленного нами недостатка вызывает недоумение исключение законодателем в новой редакции ссылки на «незаконность» получения спортсменами денег в ч. 3 ст. 184 УК РФ. Возникает вопрос: а можно ли вообще признать законным получение спортсменом и другими лицами денег, если целью их передачи является противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса? Думается, что в данном случае противоправная цель деяния, осознаваемая спортсменом, автоматически трансформирует основания передачи денег и других материальных ценностей из категории законных в разряд незаконных. В связи с этим исключение указания на «незаконность» получения вознаграждения в ч. 3 нужно считать поспешным.

2. Существовавшая до внесения последних изменений формулировка ст. 184 УК РФ охватывала далеко не все проводимые на территории России спортивные соревнования, а лишь те, которые признавались «профессиональными» (за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату)*. А, как известно, большинство официальных соревнований (спортивных мероприятий, включенных в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных спортивных мероприя-

тий, календарные планы спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации, муниципальных образований)** не относится к категории «профессиональных» (в том числе олимпиады, чемпионаты различного уровня и др.) [11].

Стремясь обезопасить предстоящие крупные международные соревнования, проведение которых было запланировано в России, законодатель заменил в названии и тексте ст. 184 УК РФ термин «профессиональные спортивные соревнования» термином «официальные спортивные соревнования». С данной инициативой частично, пожалуй, следует согласиться. Действительно, долгое время в России коррупционные спортивные преступления, признанные международным законодательством, совершенные во время проведения официальных «любительских» соревнований (к которым и относятся олимпиады), оставались безнаказанными, поскольку были локально некриминализованы [10].

Однако последняя принятая законодательная новелла, криминализовав коррупцию в официальном спорте, теперь декриминализовала коррупцию в профессиональном спорте, что тоже является законодательным «перекосяком», «пробелом», недопустимым с точки зрения юридической техники [12; 13].

Полагаем, что устранению выявленной нами проблемы должно было бы способствовать включение в название и текст ст. 184 УК РФ и «официальных», и «профессиональных» спортивных соревнований.

Помимо уже перечисленного, ст. 184 УК РФ пополнилась новыми терминами. Вместо бывшего «руководителя команды» появился «руководитель спортивной команды». Таким способом законодатель, во-первых, отделил участников официального спортивного соревнования от участников зрелищного коммерческого конкурса, а, во-вторых, придал особый статус именно руководителю спортивного коллектива, выступающего на официальном спортивном соревновании.

Часть 1 ст. 184 УК РФ получила новый квалифицирующий признак — «принуждение или склонение лиц к оказанию противоправного влияния», ч. 2 — «предварительный сговор», а ч. 3 — «извлече-

* См. п. 11 ст. 2 Федерального закона от 4 дек. 2007 г. N 329-ФЗ в ред. от 2 июля 2013 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 50. Ст. 6242; 2013. N 27. Ст. 3477).

** Там же.

ние спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, а равно участником зрелищного коммерческого конкурса других выгод и преимуществ». Думается, новые квалифицирующие признаки служат более подробной детализации закрепленных в ст. 184 УК РФ составов преступлений и могут определенным образом способствовать повышению эффективности противодействия коррупционной преступности в сфере спорта.

Однако отсутствие законодательной расшифровки таких новых терминов, содержащихся в ч. 1 ст. 184 УК РФ, как «работники официального спортивного соревнования» и «участники зрелищного коммерческого конкурса», будет серьезно препятствовать применению данной нор-

мы и привлечению к уголовной ответственности виновных лиц.

Оценивая в целом все внесенные в статью 184 УК РФ и проанализированные нами выше коррективы, следует отметить, что до настоящего времени они пока никак не способствовали изменению ситуации с коррупционной преступностью в сфере российского спорта в сторону снижения ее уровня. Коррупция в спорте остается глубоко латентным явлением. Вывести ее в зону выявленной преступности может только глубоко продуманное и обоснованное реформирование уголовного законодательства. Некоторые варианты были нами предложены в данной статье, но более глобальное осмысление проблемы может быть предложено научной общественностью только после проверки временем новелл, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 23 июля 2013 г. N 198-ФЗ.

Список литературы

1. Алексеева А.П. Модернизация законодательства в сфере физической культуры и спорта: целесообразность и обоснованность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. N 8 (22): в 2 ч. Ч. 1. С. 23-26.
2. Зарегистрированные преступления и выявленные лица в 2002-2006 годах в разрезе статей Особенной части УК РФ (статистические сведения) // Преступность, криминология, криминологическая защита: сб. ст. / под ред. А.И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоц., 2007. С. 298.
3. Зарегистрированные в России преступления и выявленные лица, их совершившие, в разрезе глав Особенной части и статей УК РФ в 2007-2009 годах (статистические сведения) // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы: сб. ст. / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 522.
4. Зарегистрированные преступления и выявленные лица, совершившие преступления, в 2001 и 2010 годах в России в разрезе всех статей Особенной части УК РФ (статистические сведения) // Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью: сб. ст. М., 2011. С. 344.
5. Зарегистрированные преступления и выявленные лица, их совершившие, в России в 2006 и 2011 гг. в разрезе всех статей Особенной части УК РФ (статистические сведения) // Преступность, национальная безопасность, бизнес: сб. ст. / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2012. С. 629.
6. Зарегистрированные преступления и выявленные лица в разрезе статей Особенной части УК РФ в России в 2007 и 2012 годах (статистические сведения) // Здоровье нации и национальная безопасность: сб. ст. / под ред. А.И. Долговой. М., 2013. С. 367.
7. Ибрагимов М.А. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: проблемы латентности // Следователь. 2005. N 7. С. 40.
8. Алексеева А.П. Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование: монография. Волгоград: Волгоградская акад. МВД России, 2010. 120 с.
9. Ненахова А.С. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов как один из видов преступлений коррупционной направленности // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминологии и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. (10-11 апреля 2012 года). Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 229-232.
10. Авдеев О.Ю., Каплин М.Н. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ): техника толкования и законодательного закрепления субъективных признаков // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. ст. Вып. 2. Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 47-53.
11. Алексеева А.П. Частная криминологическая теория предупреждения преступности в сфере профессионального спорта // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. N 2 (66). С. 144-146.
12. Болтушкин В.Е., Туманов А.А. Правовые аспекты подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов // Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов юридического факультета: в 2 т. Т. 2. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2012. С. 221-223.

13. Егоркин П.В. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов // Актуальные проблемы современности глазами молодежи: сб. ст. Вып. 7. М.: ТИССО-Полиграф, 2006. С. 48-51.

References

1. Alexeeva A.P. *Modernizatsiya zakonodatel'stva v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: tselesoobraznost' i obosnovannost'* [Modernization of legislation in the sphere of physical culture and sport: the desirability and feasibility]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice, 2012, no. 8 (22). In 2 parts. Part 1. Pp. 23-26.
2. *Zaregistrovannye prestupleniya i vyyavlennyye litsa v 2002-2006 godakh v razreze statey Osobennoy chasti UK RF (statisticheskie svedeniya)* [Recorded crimes and identified persons in 2002-2006 in the context of articles of the Criminal Code of the Russian Federation (statistical information)]. *Prestupnost', kriminologiya, kriminologicheskaya zashchita* [Crime, criminology, criminological protection]. Moscow, Russian Criminological Association, 2007. P. 298.
3. *Zaregistrovannye v Rossii prestupleniya i vyyavlennyye litsa, ikh sovershivshie, v razreze glav Osobennoy chasti i statey UK RF v 2007-2009 godakh (statisticheskie svedeniya)* [Registered in the Russian crime and identified the person who committed them, in the context of chapters and articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation in 2007-2009 (statistical information)]. *Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Extremism: social, legal and criminological problems]. Moscow, 2010. P. 522.
4. *Zaregistrovannye prestupleniya i vyyavlennyye litsa, sovershivshie prestupleniya, v 2001 i 2010 godakh v Rossii v razreze vseh statey Osobennoy chasti UK RF (statisticheskie svedeniya)* [Recorded crimes and identified the perpetrators of the crimes in 2001 and 2010 in Russia in the context of all the articles of the Criminal Code of the Russian Federation (statistical information)]. *Optimizatsiya nauchnogo obespecheniya i kriminologicheskoy kul'tury bor'by s prestupnost'yu* [Optimization software and criminological research culture to combat crime]. Moscow, 2011. P. 344.
5. *Zaregistrovannye prestupleniya i vyyavlennyye litsa, ikh sovershivshie, v Rossii v 2006 i 2011 gg. v razreze vseh statey Osobennoy chasti UK RF (statisticheskie svedeniya)* [Recorded crimes and identified the person who committed them, in Russia in 2006 and 2011 in the context of all the articles of the Special Part of the Criminal Code (statistical information)]. *Prestupnost', natsional'naya bezopasnost', biznes* [Crime, national security, business]. Moscow, 2012. P. 629.
6. *Zaregistrovannye prestupleniya i vyyavlennyye litsa v razreze statey Osobennoy chasti UK RF v Rossii v 2007 i 2012 godakh (statisticheskie svedeniya)* [Recorded crimes and identified the person in the context of articles of the Criminal Code of the Russian Federation in Russia in 2007 and 2012 (statistical information)]. *Zdorov'e natsii i natsional'naya bezopasnost'* [Health of the nation and national security]. Moscow, 2013. P. 367.
7. Ibragimov M.A. *Podkup uchastnikov i organizatorov professional'nykh sportivnykh sorevnovaniy i zrelischnykh kommercheskikh konkursov: problemy latentnosti* [Bribery of participants and organizers of professional sports competitions and entertainment business competitions: latency problems]. *Sledovatel'* – Investigator, 2005, no. 7. P. 40.
8. Alekseeva A.P. *Prestupnost' v sfere professional'nogo sporta: kriminologicheskoe issledovanie* [Crime in professional sports: criminological research]. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2010. 120 p.
9. Nenakhova A.S. *Podkup uchastnikov i organizatorov professional'nykh sportivnykh sorevnovaniy i zrelischnykh kommercheskikh konkursov kak odin iz vidov prestupleniy korruptsionnoy napravlenosti* [Bribery of participants and organizers of professional sports competitions and entertainment business competitions as a form of corruption-related crimes]. *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava, ugovolnogo protsessa, kriminologii i ugovolno-ispolnitel'nogo prava: teoriya i praktika* [Actual problems of criminal law, criminal procedure, criminology and Penitentiary Law: Theory and Practice]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavina, 2012. Pp. 229-232.
10. Avdeev O.Yu., Kaplin M.N. *Podkup uchastnikov i organizatorov professional'nykh sportivnykh sorevnovaniy i zrelischnykh kommercheskikh konkursov (st. 184 UK RF): tekhnika tolkovaniya i zakonodatel'nogo zakrepleniya sub'ektivnykh priznakov* [Bribery of participants and organizers of professional sports competitions and entertainment commercial tenders (Article 184 of the Criminal Code): technique and interpretation of legislative consolidation of subjective symptoms]. *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki)*. Vyp. 2. [Actual problems of criminal law at the present stage (questions differentiated responsibilities and legislative technique). Edition 2. Yaroslavl, Yaroslavl State University, 2013. Pp. 47-53.
11. Alekseeva A.P. *Chastnaya kriminologicheskaya teoriya preduprezhdeniya prestupnostiv sfere professional'nogo sporta* [Private criminological theory of crime prevention in the field of professional sports]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava* – Bulletin of the Saratov State Academy of Law, 2009, no. 2 (66), pp. 144-146.
12. Boltushkin V.E., Tumanov A.A. *Pravovye aspekty podkupa uchastnikov i organizatorov professional'nykh sportivnykh sorevnovaniy i zrelischnykh kommercheskikh konkursov* [Legal aspects of bribery of participants and organizers of professional sports competitions and entertainment commercial tenders]. *Sbornik nauchnykh trudov prepodavateley i aspirantov yuridicheskogo fakul'teta*. V 2 t. T. 2. [Collection of scientific works of teachers and graduate students of the law faculty. In 2 volumes. Volume 2]. Murmansk, 2012. Pp. 221-223.
13. Egorкин P.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za podkup uchastnikov i organizatorov professional'nykh sportivnykh sorevnovaniy i zrelischnykh kommercheskikh konkursov* [Criminal liability for bribery of participants and organizers of professional sports competitions and entertainment commercial tenders]. *Aktual'nye problemy sovremennosti glazami molodezhi*. Vyp. 7 [Actual problems of the present through the eyes of young people. Edition 7]. Moscow, TISSO-Poligraf Publ., 2006. Pp. 48-51.